

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Современная московская проза

Мерцающие
инопланетанцы

«МОССАЛИТ»

2010

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

Издательский проект «Московский Дом»
Московского Салона Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

© Московский Салон Литераторов, 2010
© Авторы сборника, 2010

От составителей...

Каждый человек проживает несколько жизней — некоторые об этом знают, но большинство даже не догадывается. Мы проживаем эти жизни по-разному, каждый по-своему, в путанице ежедневных событий, снов, мыслей, чувств. Эти параллельные жизни иногда так сильно переплетаются между собой, что порой сложно определить, что же все-таки более реально: то, что мы называем нашей повседневной действительностью, или то, что существует в нашем сознании, заставляя принимать действительность за сон, а реальные воспоминания — за нелепые фантазии. И где та грань, за которой воображение или желание, а иногда и чужая навязанная «роль» приобретают вполне осязаемые формы, запахи и цвета, и, оторвавшись от своего невольного создателя, начинают жить собственной жизнью.

Здесь, на Земле, казалось бы, так хорошо нам знакомой, и все же до сих пор до конца не познанной, мы все — «инопланетанцы», проживающие множество желаемых или вынужденных образов и наполняющих пространство и время мерцанием наших чувств, переживаний и мыслей.

Мы все — «Мерцающие Инопланетанцы».

Ваши

Ольга Грушевская

Мари Веглинская

Содержание

Владимир Борисов

Брусника под снегом, или Поторопись, брат... 6

Бабье лето пятьдесят четвертого, или «Виновата ли я...» 17

Иван Мазилин

Дездемона 31

Ну, я пошел?... 45

Стефания Солис

Ловушка для снов 51

Полет 58

Дом, который построил Дракон 61

Игорь Кит

Лестница в никуда 68

Фарфоровый ангел 80

Мари Веглинская

Запах каури 95

Остановись, мгновение! 113

Ольга Моисеева

Ртаки 125

Не бойся, он славный! 136

Мария Сидлер

Манекены 149

Ветер 152

Светлана Скрыбина

Сказки разных лет 157

Игорь Бурдонов

Цикл «Деревенские инопланетяне»:

Инопланетарь Василий 165

Инопланетак Шурочка 171

Инопланетахин Саагун 179

Инопланетачи из Агачи 185

Мерцающие инопланетанцы 193

Инопланетница Марья 198

Алена Чубарова

Sunday – день тяжелый 205

Владимир Борисов

Родился в 1958г. в г.Челябинске, где прожил до 1980 г. По образованию строитель. С 1980 г. живу в Москве. Отец двух дочерей и дед двоих внуков. Поэзией увлекался с детских лет, а вот к прозе перешел не так давно — последние лет пять. Член Международного Союза Писателей «Новый современник». Золотой лауреат премии «Золотое перо Руси» за 2008г.

Публикации в литературных альманахах Нидерландов за 2006 и 2007 гг., США — Антология «Русского Глобуса» за 2008 г., в литературных журналах «Южная звезда», «Колесо», литературных сборниках Москвы и Петербурга.

В ближайшее время в Голландии выходит сборник повестей и рассказов «Ангел серебристый».

Брусника под снегом, или Поторопись, брат...

— Прощай, Володя, прощай, братишка... — негромко, словно только для себя, прошептал штабс-капитан, но сани, на которых он стоял, уже необратимо уходили из-под ног, влекомые ленивой и равнодушной ко всему происходящему вокруг лошадью, и веревочная петля все крепче и крепче сдавливала его шею, безжалостно ломая кадык и позвоночник.

Последнее, что почувствовал, осознал Кудрявцев, была лишь короткая, необычайно резкая боль где-то в затылке да промелькнувшие уже на задворках сознания нечеткие да и ничемные теперь воспоминания, короткие и неверные, словно всполохи июльских зарниц...

1.

...Небольшая сельская, но тем не менее кирпичная церквушка почти по самые стрельчатые, забранные коваными решетками окна утопала в рыхлых, искрящихся под неверным вечерним сибирским солнцем сугробах, и лишь неширокая, небрежно очищенная от снега дорожка вела к плотно прикрытым, тяжелым дверям.

— ...Есть кто живой?

В гулком церковном полумраке голос вошедшего офицера — молодого еще человека в длинной, по шпоры, кавалерийской шинели со штабс-капитанскими погонами — показался необычайно громким и даже несколько дерзким.

Из приоткрытых царских ворот, жирно раскрашенных дешевой бронзовой краской, на голос вышел старик-священник в простенькой ветхой рясе, высокий и худощавый, с редкой неухоженой бородой.

— Никак решили исповедаться, господин офицер?

Голос протоиерея, негромкий и спокойный, тем не менее легко возносился к самому куполу, теряющемуся в прокопченной, плотной темноте.

— Экая акустика у вас, батюшка... — с легким удивлением произнес штабс-капитан и, подойдя к священнику, поцеловал его старческую, сухощаво-горячую руку. — Нет, пожалуй, к исповеди я еще не готов. Так, устал что-то, зашел передохнуть малость, отдышаться... Устал уже убежать, батюшка, устал...

— Издалека ли бежите, господин офицер, извините, не знаю как вас по имени отчеству?..

— Александр Александрович Кудрявцев, к вашим услугам, — офицер привычно прищелкнул каблуками. — А бегу, батюшка, почитай от самого Каменного пояса... да так бегу, что в отчий дом заскочить не успел... Матушку проведать даже Бог не дал...

— Откуда ж вы родом-то, молодой человек? — продолжал со странной настойчивостью допытываться священник, с любопытством вглядываясь в смуглое, худощавое лицо собеседника.

— С Тобола, батюшка, с Тобола... Никак приходилось бывать в наших-то пенатах?

— Уж ни Александра Титовича ли сынок будете? — в голосе священника проскользнуло удивление.

— Его, царство ему небесное, — Кудрявцев перекрестился четко и старательно. — Пять лет уже как схоронили. В нашем роду мужчины на земле долго не задерживаются... А вы, батюшка, что ж, судя по всему, знавали родителя моего? Вот же пассаж какой приключился...

Священник подошел к бликующей, стреляющей маслом лампадке, что под Спасом нерукотворным, пальцами поправил фитиль и только тогда ответил, слегка покачивая головой:

— Как же, как же, и батюшку вашего, Александра Титовича, и матушку вашу, Марфу Алексеевну... всех знал... Да у вас же, молодой человек, и брат еще, по-моему, был? Или я запамятовал?

Офицер потемнел лицом и нехотя бросил, осматривая церковное убранство:

— Был. Да и есть, наверное... У красных он, говорят, в комиссарах, как ни странно, карьеру строит...

В церкви повисла напряженная тишина, лишь кое-где треском отзывалась оплывшая свеча, да уставший ветер, предвестник пурги, по заиндевевшему стеклу нет-нет, да и скреб жестким, стылым снегом...

— Тихо здесь у вас, — вновь заговорил молодой человек, — пурги и той почти не слышно... Хотя чему удивляться: стены, небось, в три кирпича, да к тому же тайга вокруг... Тайга... В вашей церкви, наверное, поется хорошо... Ладно поется, наверное...

— А вы спойте, Александр Александрович, — не то в шутку, не то в серьез предложил протоиерей, присаживаясь на коротенькую скамейку, стоящую возле пустующей нынче свечной лавки.

— Да какой из меня певчий, батюшка? — коротко хохотнул офицер. — Я за эти годы молитвы и те, боюсь, позабыл, а уж про псалмы и говорить нечего... Спирт неразведенный пить научился, сидя в седле спать пообвык, матом ругаться опять же, а вот святые тексты...

— А это ничего, это не страшно, — священник как будто бы развеселился. — Вы спойте чего вам сейчас больше всего хочется... что на душе лежит. А я, глядишь, и подпою, если смогу...

Кудрявцев расстегнул шинель в мелких росинках растаявшего в церковном тепле снега и, смущенно отвернувшись от священника, запел негромким, но до необычайности теплым и проникновенным голосом, сначала робко, но потом все увереннее и увереннее:

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь,
Колокольчик звенит,
Этот звук, этот звон
О любви говорит...

Он замолчал, склонил голову с коротко остриженными, темными, слегка волнистыми волосами, словно прислушиваясь, как последние слова романса затихают среди расписанных фресками колонн и куполов церкви. Тишина, окружившая молодого офицера, была настолько совершенна, что было слышно, как капли поплывшего снега, срывающиеся с пахаи, падают на каменный пол.

— ...Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела! — скрипел откуда-то сбоку, со стороны хоров, несколько протяжный неприятный женский голос, заставивший вздрогнуть ослабившегося было душой офицера.

— Не пугайтесь, Александр, — поспешил объясниться, приподнимаясь со своей скамьи, священник, — то Давыдова Мария — здешняя юродивая... В прошлую зиму дом свой подпалила, так я разрешаю ей здесь на хорах ночевать... И ей теплее, и в храме вроде бы как за сторожа... Народ наш побаивается ее, вещуньей и провидицей считают... Недавно, правда, побили крепко, однако выжила, слава тебе, Господи.

Над резными перильцами церковных хоров появилась опухшая, в синяках и кровоподтеках, физиономия юродивой.

— Что, милоч, устал никак? Отдохни, болезный...

Блаженная широко раскрыла рот и громко рассмеялась отвратительным, квакающим смехом. Удивительно белые и здоровые крупные зубы ее словно светились в полумраке.

— Отдохни, мальчишечка, больше уж не придется, чую, не дадут тебе сродственники твои спокойно жизнью своей распорядиться... Ох, не дадут...

Она вновь зашла в своем мерзком хохоте, накинула на встрепанные волосы прожженную мышиного цвета шаль и скрылась, словно растворилась в такой же серой, мышиного цвета тени...

— Вот же накаркала бестия! — нарочито весело бросил Кудрявцев и пошел, чуть слышно позвякивая шпорами, к скорбно умолкнувшему священнику.

— Господин штабс-капитан! Красные! Красные у реки!

Фигура нарочного, в клубках белого пара и снега, мелькнула в широко распахнутой дверной створке и застыла в ожидании.

— По коням! Отходить по направлению Канска. В схватку не вступать, — спокойно, без лишней спешки, приказал офицер нарочно и, когда за тем закрылась дверь, поклонился расстроенному протоиерею.

— Вот так мы и бежим, батюшка... Куда? Зачем? Разве что Богу одному известно... И кто поможет нам? Бог разве что... Но что-то он особо не торопится... Раньше мы все на казачество Сибирское да Даурское надеялись, до семнадцатого года до ста пятидесяти тысяч казаков под пашку в здешних краях поднять можно было... Да где оно, казачество это? В распыл пошло... Да в РККА, похоже, по глупости переметнулось... Не на кого нам больше надеяться... Вот так-то, батюшка... Ну, а теперь давайте прощаться...

Кудрявцев поцеловал протоиерею руку, перекрестился, улыбнулся устало и, уже в дверях надев папаху, поспешил прочь...

2.

Сквозь сиреневую пургу, заблудившуюся между кедровыми и сосновыми стволами великой сибирской тайги, уходили на восток разрозненные остатки Колчаковских соединений, преследуемые по пятам Красной армией, неожиданно переметнувшись на сторону РККА чехословацкими полками и частями,

укомплектованными из китайских наемников — жестоких и повосточному беспощадных.

Сотни и сотни кованых копыт раз за разом дробили морозную корку стылого, покрытого снегом верхового торфа. Дорогу отступающим преграждало огромное, бескрайнее и бездонное, и, скорее всего, безымянное болото, лишь в отчаянные морозы промерзающее, да и то не на много, не до дна...

Все чаще и чаще болотные топи выплескивались вонючей черной жижей на заснеженные кочки, поросшие клюквой да брусникой.

— Давай, Ландыш, не отставай, нельзя, никак нельзя, милый... — упрашивал штабс-капитан своего чисто-белого с едва заметной ржавчиной, молодого, несколько нервного жеребца-трехлетку, как только замечал, что перепачканные в болотной гнили по самые бабки стройные конские ноги начинают бестолково дробить и без того неверное, дрожащее крупной дрожью, болотное покрывало.

— Ууууух! — громко и вонюче, спереди и слева выдохнул потревоженный предшественниками болотный газ, и испуганный Ландыш, нервно и протяжно всхрапнув, рванул вправо, в антрацитом блестящее бездонное окно...

— Нет, Ландыш, нет! — резко дернул на себя уздечку раздосадованный Кудрявцев, но было уже поздно.

Молодой и, наверное, не очень опытный конь, не чувствуя у себя под ногами хоть какой-то, пусть самой маломальской опоры, растерялся и с каждым своим движением все глубже и глубже загонял и себя, и своего седока в черный равнодушный болотный кисель...

«Все! Это конец...» С трудом вырвав ноги из стремян, Александр с силой оттолкнулся от крутого скользкого бока громко и жалостливо ржущего Ландыша и, провалившись по грудь в холодную мешанину, враз озябшими пальцами попытался зацепиться за неверную опору — ближайшую качающуюся кочку...

— Да помоги же ты мне, Господи! Не по-христиански погибать-то так... Помогии...

Неизвестно кого больше — себя или зазевавшегося Господа Бога — уговаривал, увещал капитан, черт знает каким чудом выворачивая себя из равнодушно-смертельных объятий топи, но

все ж таки, потеряв сапоги и оружие, оставив болоту шинель и папаху, истерзанный и донельзя измотанный Кудрявцев выпростался на более или менее прочную поверхность...

«Спасибо тебе, батюшка, — обтирая колючим, жестким снежным крошечком грязь с лица, подумал он. — Хорошо, наверное, за меня помолился, от души...»

Приподнявшись на колени, молодой офицер забился было в резком и истеричном хохоте и только тут, только сейчас вспомнил про Ландыша, про жеребца своего настолько чистых кровей, что у многих высших офицеров от кавалерии при виде его гордой и ровной поступи выступал пот глубоко запрятанной, всепожирающей зависти...

А с Ландышем все было кончено... И хотя жеребец еще пытался вытянуть, выгнуть свою тонкую мускулистую шею с коротко стриженной серебристой гривой и удивительно красивой головой с большими глазами и чуткими раковинами ушей навстречу своему насквозь промокшему и раздавленному хозяину, это, пожалуй, были уже последние жалкие потуги, практически агония совсем недавно совершенно здорового и крепкого организма...

И тут жеребец заржал... И ржание его, высокое и требовательное, переходящее в стон и плач, бросило Кудрявцева на землю, заставило его, такого же молодого и сильного, как и погибающий рядом конь, с размаху втереться лицом в снежно-грязевую хрень, рассекая о льдинки воспаленные искусанные губы и сдирая клочья кожи с обветренных щек, биться в бесполезной и бессильной истерике...

— Трус! Трус! Трус! — бил онемевшим кулаком по ломкой прошлогодней осоке ничего уже не соображающий офицер, не замечая появившихся из ближайшего кустарника красноармейцев, с удивлением наблюдавших за этой его истерикой...

— Трус... — прошептал он в последний раз и, вытянув свое молодое и выносливое тело, затих, почти лишившись чувств... Но что-то несуразное, совершенно ненужное сейчас, в этот страшный для Александра миг, взбудоражило, возбудило его угасающее сознание...

...Брусника. Размазанные и раздавленные ягоды брусники, отливающие кровью на фоне лощеных, темно-зеленых листоч-

ков, расплываясь у него перед глазами, отчаянно пахли ушедшим летом, недосказанным любовным признанием, недописанной, плохо срифмованной строчкой, беззаботным детством... там, на Тоболе...

3.

...Эх, хорошо, надежно строились раньше в Сибири. Лесу какого угодно — от вечной, неподдающейся гнилости лиственницы, до ярко-желтых, смоляных сосен — всегда было вдоволь. У самого распоследнего лентяя и пьяницы — просторный дом-пятистенка, а если ты к тому же еще и трудяга, любящий и жалеющий каждую копейку, то не просто дом, а обширное подворье, замощенное толстенной половой доской и сплошь крытое крышей под железным прокатом, с кучей всяческих подсобных построек: сарайчиков да овчарен.

А уж про ворота и говорить нечего. Ворота в Сибири — лицо хозяина. Если они у тебя высокие, да полосой кованной толстой, словно рессоры, обиты, то к тебе и уважение особое, согласно ранжиру. А если, напротив, из плашки какой-никакой, да шляпки гвоздей, загнутых то тут, то там видны, то с тобой на равных и баба не всякая разговаривать станет... Сибирь.

— Товарищ комиссар! Товарищ комиссар! — в просторное, прокуренное помещение чайной при постоялом дворе с радостным криком вбежал веснушчато-ржавый лопоухий и кривоногий красноармеец-недомерок.

— Там на болоте наша разведка белого офицера в плен взяли... Сюда ведут...

Из-за стола, заставленного стаканами с мутноватым самогоном, высокими, литровыми полупустыми штофами волнисто-зеленоватого стекла, глубокими тарелками с разварной, исходящей парком картошки и соленых груздей под полупрозрачной луковой стружкой, поднялся молодой, лет двадцати, навскидку, парень, с чуть заметными усиками над верхней губой — так, сплошное недоразумение, а не усики...

Его линияющую гимнастерку перетягивала новенькая португеза с фанерной кобурой маузера, светло желтой, под лак...

— И что, сам сдался? — презрительно хмыкнув, поинтересовался молодой комиссар. — В распыл его, расстрелять... Нам трупы не нужны. У нас самих таких хватает...

— Да похоже, что нет... — возразил красноармеец.

— Господин офицер из топи выбирамши, без оружия остался... А как брать стали, разве что зубами не рвал, прости Господи.

— Смелый, значит... — буркнул парень, сделав вид, что не заметил оговорки своего бойца по поводу господина офицера.

— Ну, раз смелый, значит повесить его, и вся недолга. Здесь же, суку белогвардейскую, на воротах!

В побелевших пьяных глазах комиссара читалась неприкрытая ненависть...

Буфетчик, он же владелец постоянного двора, толстый телом мужик в темно-багровой шелковой рубаше на выпуск, подбежал к молодому человеку.

— Не надо бы здесь, не надо бы на воротах, ваше благородие! Зачем дом покойником поганить?

— Какое я тебе, морда кулацкая, благородие? Я временно исполняющий обязанности комиссара тринадцатого эскадрона пятой РККА под командованием товарища Эйхе. И зовут меня товарищ Кудрявцев Владимир Александрович... А ну-ка, повтори!

Мужик дрожащими от страха губами пытался склеить какие-то фразы, но кроме отдельных, несвязанных слов, типа: товарищ, комиссар, Эйхе да Кудрявцев, у него ничего не выходило.

— Пошел вон! Падло ссыкливое... — распорядился Владимир и, отвернувшись от плачущего буфетчика, пинком распахнув тяжелую дверь чайной, вышел на высокое, старательно отмененное от снега крыльцо.

Прямо под воротной балкой, на санях, слегка, для проформы, припорошенных прошлогодним сеном, в коркой застывшей офицерской гимнастерке без погон стоял со связанными за спиной руками штабс-капитан Кудрявцев, стоял молча, ссутулившись, отворачивая избитое лицо от холодного, колючего ветра. Кто-то из красноармейцев уже успел снять с пленного пригнущиеся, надо полагать, брюки, и темно-коричневые, пропи-

танные торфяной водой кальсоны бутрились и льдисто хрустели при малейшем движении офицера... Под самым подбородком Александра, некогда упрямым, с едва заметной ямочкой, а ныне заросшим, со следами жестоких побоев, топорщилась узлом светло-желтая, пеньковая веревка, только что найденная у запасливого буфетчика, которую не спеша и обстоятельно привязывал к балке невесть откуда появившийся в рядах красных кавалеристов молодой матросик в коротком черном бушлате, наброшенном на голое, разрисованное татуировками тело. Закончив с петлей, тот ловко спрыгнул на сани рядышком с капитаном и, потрогав у того петлю на шее, с издевательским смешком спросил:

— Ну как, ваш благородь, не жмет? — и под громкий хохот собравшихся на предстоящее дармовое представление красноармейцев с показным испугом спрыгнул прочь.

Александр молча и равнодушно посмотрел на разбитного матросика и вновь остановил свой взгляд на все еще стоящем на крыльце комиссаре...

— Богато жить будешь, Володя, — невесело бросил он, не повышая голоса, словно наверняка был уверен, что тот, к кому он обращается, обязательно расслышит каждое его слово, несмотря на вой морозного ветра и выкрики солдатни вокруг. — Только вчера о тебе вспоминал, и вот сподобились встретиться... Что же ты, брат, так и не подойдешь ко мне, не обнимешь? Или за эти годы ты совсем меня позабыл, а, Володя?

Он сплюнул, но неловко (все разбитая губа), и слюна повисла на кармане гимнастерки, застывая и белея на глазах.

Трезвея на бегу, Володя быстро, через ступеньки, соскочил с крыльца и, оказавшись прямо перед скрученным братом, прошипел зло, с ненавистью:

— Нет. Нет у меня брата. Я уже давно, сознательно, решительно и бесповоротно отрекся от всякого родства с теперь уже чуждым мне классом — дворянством и буржуазией...

— Тьфу ты, — рассмеялся старший брат весело и снисходительно. — Ты, Володька, разговаривать по-людски и то разучился... Все слова, словно на митинге, красивые и пустые... А вспомни, как нас тапан французскому обучала. Теперь тебя, боюсь, и русскому заново учить придется, если что...

— Если и придется, то не тебе, шкура белогвардейская! — словно пьянея от собственного, сиюминутного превосходства над старшим братом, закричал Владимир. А сам, вновь забежав на крыльцо и прижавшись к резным балясинам, громко и четко проговорил, почти прокричал: — Товарищи красноармейцы! Друзья! Я как временно исполняющий обязанности комиссара нашей дивизии приказываю ярого врага Советской власти, белогвардейского офицера, бывшего штабс-капитана Кудрявцева Александра Александровича казнить через повешенье, в назидание всем явным и скрытым врагам нашей молодой и пока еще неокрепшей республики!

Стоящий возле впряженной в сани лошади красноармеец неловко перекрестился и хлопнул кобылу по теплему, тяжелому крупу.

Во всей видимости уснувшая кобыла равнодушно скосила глаз, но с места не тронулась... По рядам продрогших красноармейцев пробежал негромкий и несмелый смешок.

Комиссар, спрыгнув с крыльца и подбежав к кобыле, грязно выругался...

— Что ж ты, Селиванов, за мужик такой, лошадь и то тебя не слушается... Огрызок хренов ты, а не мужик!

Расстегнув побелевшими пальцами застежку на кобуре, Владимир спросил своего брата, с интересом вглядываясь в его лицо:

— Ну что, Сашка, может, хочешь чего-нибудь перед смертью попросить, скажи... Вдруг да и сделаю... Добрый я нынче что-то...

Кудрявцев старший жалостливо посмотрел на брата, мысленно изумляясь, какая метаморфоза произошла с ним за эти неполные пять лет, и удивленно спросил:

— Ты что, Вовка, всерьез собираешься Россию под кухаркиных детей подложить? Да ты рехнулся, братец... Что они с ней сотворят, ты подумал?.. А что с тобой, но только попозже? А впрочем, что толку с тобой беседы разводить. Заканчивай скорее. Холодно. Замерз очень. Боюсь, инфлюэнцу схвачу...

— Инфлюэнцу?! — с каким-то необъяснимым восторгом громко выкрикнул комиссар и, шалея от всего происходящего, подскочил к лошади и раз за разом выстрелил из маузера у нее над самым ухом всю обойму.

Глухой звук выстрелов, похоже, не произвел на привыкшую к шумам войны лошадь особого впечатления, она, словно в недоумении, посмотрела на комиссара большими грустными глазами, слегка позвенела мокрыми, изжеванными удилами и только лишь после этого лениво и вызывающе медленно тронула прочь от ворот.

Штабс-капитан, не отрывая от брата взгляда и что-то шепча непонятно и негромко, неловко засеменил босыми ногами, но вскоре сани закончились и длинное его тело, дернувшись несколько раз, повисло посреди ворот, страшно стройное, со слегка перекошенной головой...

Еще несколько дней пьянствовал в селе временно исполняющий обязанности комиссара отдельного тринадцатого эскадрона Кудрявцев Владимир Александрович со своими преданными боевыми соратниками, а насквозь промерзшее тело его брата снял с петли на следующую же ночь боязливый буфетчик и захоронил за селом, врыв над безымянной, неглубокой могилой простенький, наскоро срубленный крест.

Бабье лето пятьдесят четвертого, или «Виновата ли я...»

...Бабье лето в пятьдесят четвертом выдалось на Урале до странности игривым и непостоянным.

С утра чистый, пропахший мятой и кедровой хвоей воздух, пронизанный бесконечными серебряными нитями паутины, к обеду неожиданно сгустился, становился плотным и влажным. А к вечеру, когда темно-синяя глыба Таганая растворялась в точно таком же темно-синем сумраке, со стороны кустанайских степей подгребали какие-то несуразные разлохмаченные тучи и исходили на горы, тайгу и черные уснувшие озера отвесным, крупным и теплым дождем. А утром, утром вновь чистое, умытое небо, перебиваясь всеми оттенками голубого, с аккуратными, словно бы и не взаправдашними облачками опрокидывалось на безбрежные леса, ртутные блюдца озер, красно-бурые гранитные утесы Шиханов и тонкие нити железнодорожных путей...

1.

...Черный от копоти паровоз в облаке белого влажного пара остановился метров за пятьдесят от набитого людьми перрона, поближе к водонапорной башне. Отъезжающие недоуменно переглядывались и покашливали, и вдруг словно проснулись, подхватили свои узлы да чемоданы, и с криком ринулись с платформы бегом по рельсам, шпалам и крупному щебню подсыпки к долгожданному составу.

Шипенье пара, звон медного тусклого колокола на перроне, громкий пьяный мат, бабыи причитания, детский визг и гусиный гогот — все смешалось в неповторимый и по-своему очаровательный привокзальный шум.

С задней площадки хвостового вагона, невообразимо худощавый и длинный, в какой-то кургузой, не по росту короткой и местами прожженной шинельке, спрыгнул мужик, постоял, покачиваясь, словно в подпитии, на скрипящем гравии, и, уже не оглядываясь на вокзальную суету и шум, пошел куда-то вбок по чуть заметной тропке, мимо красного кирпичного здания весовой, в сторону темнеющего соснового бора.

Из-за угла дощатого, жирно побеленного мелом сарайчика-туалета, с черными буквами «М» и «Ж» на незакрывающихся дверях, легко угадываемого по стойкому, резкому запаху мочи и карболки, небрежной и уверенной поступью вышел страж порядка в чине лейтенанта милиции, одетый в белую линялую гимнастерку и нарочито (по моде) сбитые в гармошку сапоги.

Лишь скользнув взглядом водянисто-голубоватых в красную прожилку глаз по нелепо-долговязой фигуре приближающегося к нему человека в шинельке, лейтенант тут же утратил свою небрежную леность и, передвинув кобуру с пистолетом с бедра на живот, видимо крепче и упористее утвердился на своих коротковатых, кривоватых ногах потомственного мужика.

— Стоять, — коротко и уверенно бросил он подошедшему долговязому, и, отметив, как тот резко, заученным движением повернулся лицом к стене нужника, широко расставив ноги и сложив руки с расплюснутыми ладонями за спиной, ухмыльнулся и проговорил небрежно и снисходительно:

— Сразу видно, наш контингент, и документики, наверное, имеются? Попрошу.

Замызганная, многократно предъявляемая, местами надорванная бумажка перекочевала к лейтенанту, и тот, развернув ее и подслеповато вчитываясь в мелкий трудно читаемый шрифт, пропел, в конце концов, неожиданно приятным голосом:

— ...Кого не спросишь, у всех указ.

После чего, разочарованно вернув справку об освобождении долговязому, спросил, не скрывая издевки в голосе:

— Ну что, Сидорин Сергей Михайлович девятнадцатого года рождения, да вы, никак, из врачей-вредителей будете? Ась?

— Я ветеринар, гражданин начальник. И уж никак под подобную статью попасть не мог, — утрюмо заметил тот и аккуратно упрятал бумажонку в карман шинели.

— Да кто ж тебя знает, милый?! — хохотнул лейтенант и, потеряв интерес к долговязому, направился к вокзалу, посмеиваясь и беззлобно подшучивая: — Да, может быть, ты любимого коня товарища Буденного залечил, или собачку Когановича... Хрен вас разберет, ветеранов-ветеринаров.

Сидорин, привалившись к зловонным доскам, устало и откровенно вытер крупные липкие капли пота, обильно выступившие у него на лбу, чуть слышно ругнулся по матери, и, проводив взглядом стража порядка, побрел в сторону бора.

...Узловатые корни сосен, о которые по первости несколько раз споткнулся Сидорин, взбугрившие опавшую бурую хвою, частенько пересекали тропинку, но, тем не менее, бывший заключенный безбоязненно сбросил свои разбитые ботинки и, небрежно впихнув их в вещевой мешок, радостно, по-щенячьи повизгивая, пошел босиком по пружинисто-податливой подстилке.

— Хорошо-то как, Господи! — восклицал счастливый Сидорин, беспричинно улыбаясь бескровными с синеватым оттенком губами.

Солнце, свободно протекая сквозь сосновые стволы и хвойные лапы, обрывками сусального золота падало на тропу, фокусировалось острыми радужными лучиками в прохладных лужах, кое-где сохранившихся после ночного дождя.

До Каменок, куда и направлялся Сидорин, можно было, конечно, добраться и более короткой дорогой по просеке через перевал, но уж больно сладостно шлось ему и по тропинке, бегущей большей частью с горки, и по этой хвое, теплой и влажной, и по прохладным, глинистым лужицам. Да к тому же, если честно говорить, устал, ох как устал за последние тринадцать лет Сидорин Сергей Михайлович, а если более коротко — заключенный каналармеец под номером 236. До того устал, что в пору в петлю лезть, а не по валунам да откосам карабкаться...

Тропа неожиданно вильнула в сторону, и тут же, за поворотом, показались полуразрушенные корпуса древнего, похоже, Демидовского заводика. Высокие бутры промытого, некогда золотоносного песка давно уже поросли березами да ольхой, хотя кое-где, нет-нет, да и блеснет на солнышке, среди безвольно поникшей травы, крупный кристалл дымчатого кварца, а то и переливчатая хрустальная друза. Подобные красоты не привлекали золотодобытчиков...

— Все, Сережа, перекур, — приказал себе Сидорин и, присев на гранитное, оловом скрепленное крыльцо директорской, по видимому, конторы, привалился усталой спиной к теплой каменной кладке стены.

Красота вокруг была необычайная... Темно-изумрудная зелень хвойных лесов, разбавленная желтыми мазками березовых и осиновых островков, ласкала взор, и Сергей, пригревшись на теплом шершавом камне, незаметно задремал.

...И приснился ему короткий и мучительно-сладостный сон.

На широком лагерном плацу выстроились в немом ожидании ежедневной поверки безликие серые колонны заключенных: по правую руку уголовники, а по левую — политические... И будто бы холод необычайный, и над отрядами, в молчании перебирающими стоптанными ботинками по снежной, грязно-белой влажной каше, повисло облако белого пара... Перед строем стоит начальник лагеря под тяжелым красным знаменем, в окружении собак и вертухаев. У всех собак отчего-то ярко-красные, бархатные пионерские галстуки. А из мятого репродуктора, притороченного к вышке, по-вокзальному громко и неразборчиво:

— ...А сейчас приказ под номером восемнадцать. За выдающиеся успехи в деле освоения марксистско-ленинского наследия и за перевыполнение дневной нормы выработки на сто пятьдесят процентов, приуроченные ко дню рождения товарища Сталина, заключенный Сидорин Сергей Михайлович награждается новой именной лопатой и тачкой, а также внеочередным свиданием с женой Клавдией.

И тут какая-то нервнo-дерганая, раскрасневшаяся, словно в горячечном бреду, с капельками пота над верхней губой, перед изумленными зеками, перед начальником лагеря и его красногалстучными псами появилась законная супруга его, Клава, в тоненьком полупрозрачном платице и босиком...

— Лови сеанс! — радостно заржали уголовники, да и в рядах политических что-то дрогнуло, и на их суровых лицах, закаленных в боях за правое дело, засветились скупые, мужские улыбки...

Начальник Соликамсклага подполковник ОГПУ Малахольный Виктор Александрович вытянулся во фронт и отдал Клавдии честь, а та, не глядя ни на кого, подошла к Сергею, молодая и отчаянно красивая, и, погладив его по щеке горячей ладошкой, прошептала ему в ухо отчего-то мужским голосом...

— Отощал ты, Сереженька, отощал...

А после отвернулась от разомлевшего и несколько даже возбужденного супруга и пошла прочь, сбрасывая на ходу немудреную свою одежду, пошла вдоль дощатых бараков, заснеженной бани, прямо в сторону высокого забора, оцетинившегося колючкой, зазубренной и ржавой.

И ступни ее, босые и горячие, прожигали в грязном, истоптанном, желтом от мочи снегу, глубокие черные, быстро наполняющиеся талой водой следы...

— ...Да, дошел ты паря, отощал. Тебя и не узнать — кожа до кости...

Сидорин, недовольно поморщившись, с трудом приоткрыл глаза и с удивленьем увидел, как из кустов, что росли возле остатков драги, на свет вышел древний, но все еще необычайно крепкий старик с большим разлапистым пучком сизовой полыни под мышкой, сердито срывающий со своей одежды комья липучего репейника.

Что-то знакомое, еще из той, довоенной и долагерной жизни, почудилось Сергею в лице старика. Отчего-то и одежда старика, нечто среднее между мирским и монашеским одеянием, и седая, хоть и редкая, но тщательно расчесанная борода, и тяжелый серебряный крест, косо висевший на тонком кожаном шнурке, — все вызывало в душе Сидорина необъяснимое отторжение.

— Да ты, никак, меня не признал, паря? — рассмеялся беззубым ртом старик и присел рядом с Сидориным.

— А мы вам, семейству то есть вашему, как-никак свояками приходимся. Я ж Семен Прохорович Мамонтов, старший брат твоего крестного... Я ж еще на вашей с Клавкой свадьбе на ложках стучал... Аль не вспомнил?

Сергей внимательно всмотрелся в темно-пергаментное лицо Мамонтова, и, хотя и не узнал старика, но деланно ему обрадовался, вскочил с крыльца и горячо пожал старчески холодную и сухую ладонь свояка.

— А что это вы там, в кустах, возились, Семен Прохорович? — спросил Сидорин, вновь присаживаясь на ступень и прикуривая дешевую папиросу от тускло блеснувшей самодельной зажигалки. — Никак в песке отработанном золото мыть пробуете? Так напрасно это... Мне еще отец мой рассказывал, что его дед с дружками своими пытался на лотках песок погонять. Но ничего у них не получилось. Пусто. При Демидовых к золоту аккуратно относились, с любовью, бережливо... Все до последней золотинки выбирали.

Старик вновь хохотнул (вот же весельчак) и, поморщившись от табачного дыма, отодвинулся слегка...

— Я, Сереженька, сюда за Божьим деревом забрел... Знаешь, есть такой вид полыни, ладаном пахнет? Сейчас ладан-то настоящий днем с огнем не найдешь, а полынь, вот она, под боком, можно сказать... А я венички- то эти по углам храма развешу, вот и благодать, и аромат, и душе отрада какая-никакая... А где золото родится, я, милый, еще с сизмальства знал, но ни разу, ты слышишь, малой, ни разу в руки лотка не взял. Нет, не взял... Да и не стоит оно того, золото это проклятое... Все беды через него, кровь да вражда... Да и к тому же сейчас там заповедник открыли... Копнешь на копейку — припаяют на десятку...

— А вы что, Семен Прохорович, в священники подвязались служить? — отчего-то шепотом спросил старика Сергей, невольно тронув дедов крест желтым от никотина пальцем.

— Нет, Сереженька, какой из меня священник, из грешника-то? Так, в алтарных, на добровольных началах... Уже без малого пять лет... Да и малограмотный я... А в городе сейчас всего одна церковь работает, остальные все еще перед войной позакрывали, так что, я думаю, священника найти в храм в любом чине, даже и протоиерейском, было бы не сложно... Любой бы согласился... Хотя, кто знает, — помолчал старик, печально вглядываясь в глаза Сидорина, — быть может, и не любой бы... Какая она власть, новая-то? Чего от нее ожидать можно? А священники, они что ж, тоже люди, тоже опасаются, как и все мы...

Они замолчали, всматриваясь в опускающийся вечерний полумрак, вслушиваясь в тихие шорохи полусухой травы, скрипы кузнечиков да грустные вздохи утомленной за день тайги.

— Смотри-ка ты! Поют! — обрадовано закричал Сергей и оглянулся через плечо на старого алтарного.

— Слышите, поют!?

...И правда, сквозь легкие, полупрозрачные завихрения первого тумана, выползающего от берега невидимого отсюда озера, сквозь дрожащие сосновые иглы в ближайшем бору до них доносились тонкие, чуть слышные, скорее даже угаданные, чем в действительности услышанные слова песни...

...Виновата ли я, виновата ли я,

Виновата ли я, что люблю?

Виновата ли я, что мой голос дрожал,

Когда пела я песню ему...

На лице Сидорина заиграла какая-то странная, несколько даже глуповатая улыбка. Он вскочил, схватил старика за руку и радостно закричал прямо в лицо ошалевшему от такого натиска свояку.

— Вы слышите, Семен Прохорович? Вы слышите? Это же у нас, в Каменках поют! Пойдемте скорее! Там жена... Клавдия там моя... Она нас сейчас накормит... Чем уютно, хоть хлебом с солью. Хоть чаем пустым... Мне все равно... Главное, чтобы

сама, вы слышите меня, чтобы сама, своими руками и никак иначе. А потом в баню. И греться, греться, греться... Чтобы не по часам и не по банным дням, а сегодня... Вот именно сегодня! Сейчас! Я, дорогой вы мой Семен Прохорович, об этом все тринадцать лет мечтал... Только об этом... Вы не поверите, но ничего мне в жизни, ни в окопах, ни там, за колючкой, так не хотелось, как покушать из ее рук, как щенок, право слово... Покушать и... в баню... Пойдемте же, ну пойдемте! Я уверен, Клава вам будет очень рада... Она родню, да и просто гостей очень любит, я знаю...

Лицо Мамонтова неожиданно словно окаменело, и даже редкие включенные волоски его бороды зашевелились от взбурившихся на щеках желваков.

Взгляд же, напротив, стал какой-то странный: нехороший, суетливый, бегающий...

Старик поднялся, устало подошел к большой четырехугольной проржавелой воронке, установленной на серых от времени стволах лиственницы, и, ковырнув жестким темным ногтем пласт бурой окалины, проворчал не к месту, сердито и зло:

— Вот тоже, работнички, жилу выработали, а железо вот это еще лет двести здесь гнить будет...

Потом повернулся к Сергею и нарочито весело бросил:

— А может, ну их, Каменки эти самые... Ну что в них хорошего? Поголовье с довоенным не сравнить, нет его, этого самого поголовья... Овцы одни остались да козы, да и тех каждый вечер хозяйки встречают. Колхоз в отстающих, председатель пьет, крепко пьет, основательно... Ты, помнится, на войну из ветеринаров ушел? Так вот: сейчас тебе место ветеринара никто и не предложит... Мало того, что из врагов народа, да к тому же еще и беспартийный, да и занято сейчас место твое. Племяш председательский трехмесячные курсы закончил для ради бумажки, теперь вот в ветеринарах околачивается... А у меня в Миассе знакомый есть из прихожан... Большой начальник... Редко в церковь-то ходит, побаивается, но если уж приходит, так всю службу на коленях простаивает... Так вот, ему на конезавод ветеринар нужен, срочно... А ты же, милочек, как я помню, ветеринаром от Бога был... Каждую болячку у скотины как свою собственную чувствовал... Айда в Миасс, Сережа!?

— Да что вы, дед Семен, в самом-то деле заладили: в Миассе да в Миассе? Да я только что оттуда... Нечего мне там делать... Я домой хочу... Вот отдохну, душой всей расслаблюсь, отогреюсь, а потом уже и можно с места сниматься... Да к тому же и сын у меня есть, в сорок втором родился. Жена его Федькой обозвала, Федором значит... Сейчас ему уже все двенадцать исполнилось... Взрослый совсем... Фотография у меня была, где ему полтора года, в пересылке при шмоне отобрали, суки... А сейчас уже пацан, наверное, на девчонок заглядывается? Все ж таки двенадцать...

Сидорин присел на ступени, достал из мешка сапоги, и наскоро намотав чистые портянки, обулся, притопнув для верности подошвой.

— Нет, Семен Прохорович, вы уж простите меня, но мне пора... Соскучился я по ним...

Он обнял старика, прижался на миг горячими губами к его заросшей седым волосом щеке и, больше уж не оглядываясь, пошел вниз, под горку, по светлеющей покамест тропинке...

2.

Село начиналось сразу же за ближайшим перевалом, возле озера.

Заросли камыша, шурша табачным шорохом, длинным листом гоняли туда-сюда прохладный, слегка отдающий тиной озерный воздух. Плотный туман выползал далеко за озерные берега и, покачиваясь, укладывался на ближайшие огороды с разбросанными тут и там булыгами капусты. Песня про неверную любовь давно уже закончилась, и над селом повисла полудремная, вечерняя тишина, полная легких звуков и послезвучий. Вот скрипнули где-то разошедшиеся ворота, сквозь которые в сопровождении ворчливой хозяйки важно шествовала домой, в теплое стойло, крутобокая корова. А где-то в глубине дворов кто-то закашлялся в долгим, утомительном кашле курильщика, громко сплюнул и, помянув чью-то мать, умолк... Со стороны озера заскрипели уключины, влажно шлепнули по воде весла, и с громким чмоканьем специальным образом изогнутая доска опустилась на мелкую рябь — по ями-

нам и затопленным корягам ловили ночного красавца — усатого сома.

Во всем селе горел лишь один фонарь, возле сельсовета, и Сидорин, пройдя мимо закрытой, с темными уже окнами конторы, устало присел на влажную от росы скамейку, врытую возле разошедшегося и полинялого фанерного транспаранта.

— «Красный Уралец», — прочитал с улыбкой Сергей и плотней укутался в свою шинельку. Мужика знобило...

— Догулялся босиком да по лужам, бестолочь! — пробурчал он, и с трудом преодолевая внезапно обрушившуюся на него слабость, попытался подняться. Голова закружилась, и он сполз по гладко ошкуренному столбу транспаранта на вытоптанную траву...

— Да, Сереженька, совсем ты в доходягу превратился, обычная простуда, надо полагать, а в миг сломала... — невесело подумалось Сидорину, а тело его, все его существо, за долгие годы привыкшее находить для себя в любом, порой самом непригодном месте наиболее выгодное и удобное для себя положение, заставило Сергея подогнуть длинные усталые ноги почти к самому подбородку и поплотнее упаковаться в столь ненадежную свою одежку.

Сон сморил его много раньше, чем сквозь тонкую поистертую ткань шинели влажный озноб от прохладной осенней травы достиг разгоряченного, измученного лихорадкой тела Сидорина, и он, во сне перекатившись под скамейку, так и не заметил, как на село выпал хотя и короткий, но довольно крупный дождь.

Ближе к полночи Сергей, несколько отдохнувший, выполз из-под скамьи, и, обтерев травой грязные, в глине, ладони и охнув для почину, с трудом поднялся и заковылял к своему дому.

Прохожих не было вообще, и даже цепные псы, коротко взлаяв при приближении Сидорина, отчего-то тут же умолкли и вновь уползли в свои будки выгрызать блох и сонным глазом приглядывать за хозяйским добром.

Родная изба встретила своего хозяина неприветливо: в темных окнах отблесками отсвечивали бледные далекие зарницы, а в дверном засове вместо замка темнел кривой сучок, плотно вбитый промеж звеньев тонкой цепочки.

Вместо рубероида, которым перед самой войной покрыл крышу своего дома Сергей, сейчас последние, редкие капли до-

ждя звонко шлепали по кровельному железу, а ветхий, разномастный штaketник палисадника заменила крупноячеистая сетка, туго натянутая на металлические столбы.

— Ну, если так сейчас стали жить жены врагов народа, — коротко и горько хохотнул Сидорин, — то воленс-неволенс, а приходится поверить в неизбежную и скорую победу всемирного коммунизма...

Он прошел в избу, не зажигая света, скинул свою шинель, с трудом стащил сапоги и прошел в комнату.

За темнеющей в углу занавеской, кто-то, надо полагать сын, мирно посапывал во сне, и Сергей, посовестившись нарушать чей бы то ни было полуночный покой, на цыпочках прокрался к сияющей никелированными шарами кровати, разделся до исподнего и, приподняв одеяло, утонул в высокой, хорошо и старательно взбитой перине...

— Давненько, ох давненько я так не спал!

Только и успел подумать он и тут же уснул, счастливо и утомленно улыбаясь собственному счастью...

Сквозь сон, словно сквозь плотную лежалую вату, Сидорин слышал, как далеко за полночь протяжно скрипнула дверь, пахнуло табаком и где-то в сенцах в ответ на частый женский шепот, громкий мужской бас грязно выругался, длинно и витиевато, звякнуло оброненное пустое ведро, и вновь дом погрузился в вязкую ночную тишину, тишину, полную шорохов и запахов чужого, совсем чужого ему дома...

3.

— Слава богу, Сереженька, слава богу! Наконец-то и к нам в дом солнышко заглянуло... Наконец-то папочка наш вернулся... То-то Феденька рад будет, как проснется, то-то рад...

Громко частила Клавдия, одетая во все праздничное, излишне громко и радостно, в чем-то даже переигрывая, суетливо двигаясь из кухни в комнату, торопливо накрывая на покрытый свежей, вышитой красным скатертью.

— А я, Сереженька, вчера до часу ночи в правлении задержалась, наряды выправляла, я ведь теперь бригадиром на ферме, сам понимаешь: тут тебе и корма, и трудодни, и люди... А при-

шла, вижу — миленочек мой спит, да так крепко... Будить жалко стало... Думаю, наше-то от нас никуда не убежит... Правда ведь, Сереженька?

Ну и решила тебе сготовить чего повкуснее... А что же ты, милый мой, все молчишь, не выспался, поди? Да что с тобой!?

Сидорин поднялся с кровати в несвежих кальсонах с печатью-ромбом на заднице, высокий, худой и нескладный и, окинув взглядом Клавю, наряд ее почти неношенный, выпирающие сквозь тонкую ткань цветастой кофточки твердые соски, на негнущихся ногах подошел к тщательно побеленной печке и, взяв в руки остро оточенный (проверил на ноготь) топор, попросил ее тихо и просто...

— Помолчи Клавдия, лучше помолчи... Страшно мне за себя делается... Боюсь, не сдержусь, зарублю тебя, суку блудливую...

Клавдия ахнула, побелела и, роняя стулья и спотыкаясь о разноцветные клубки шерсти, забила между столом и крашенным подоконником, заставленным горшками с ярко цветущей геранью.

— Ты же видишь, родная моя, я ни о чем тебя не спрашиваю: ни о том, где ты была, с кем, и для чего ты, дорогая моя, письмецо мое, что я для зоотехника нашего через тебя переслал, в НКВД снесла? Ведь ты же, дура, его наверняка и не читала, а если и читала, то не поняла ничегошеньки... А я в нем, в письмеце-то этом, просто хотел рассказать, как на немецких фермах и хуторах навоз из-под коров убирают. И никакой политики — одно сплошное дерьмо... А я, дурачина, на допросах все поверить в это не мог. Ну, не мог, и все тут!

Сидорин постоял еще мгновение и, бросив на все еще сидевшую на карачках Клавдию грустный взгляд, молча вышел на крыльцо.

Утро выдалось теплым. Влажная листва сирени курилась прозрачным паром. По двору, мощенному битым красным кирпичом, с важным видом прогуливался крупный петух огненно-рыжего окраса, подозрительно зыркающий на Сергея черными бусинами глаз. С десяток пестрых откормленных куриц лениво, словно нехотя, выклевывали что-то съедобное в пыльных лопухах, растущих возле высокой аккуратной поленницы. В сарае глубоко и обреченно вздыхала корова. В прозрачном светлом

воздухе необычайно вкусно пахло перебродившим мутно-белым квасом, свежим навозом и распаренным можжевельным веником. Всюду чувствовался достаток и крепкая мужская рука.

— А-а-а, сука! — неожиданно и зло закричал, скорее даже простонал Сидорин.

— Да что же это такое? Да что же я сижу тут, как последняя дрянь? Как самая никчемная вша? Как жалкий опущенный в мужской зоне? Ведь все и так ясно, куда уж дальше-то падать!?

Он резко поднял руки, словно намереваясь обхватить свою шишковатую, коротко стриженную голову, и, совершенно забыв про остро оточенный топор, все еще крепко сжимаемый побелевшими пальцами, рубанул им по щеке, круто выпирающей, как у отощавшего татарина.

Топор, жалобно звякнув, выпал, и на самотканые половички, на крашенные ступени крыльца брызнула неестественно алая кровь.

— Да ну и хрен бы с ней! Уж лучше кровью изойти, чем так-то вот, — зло прошипел Сидорин, сжав пальцы в кулачищи, и по-бычьему уткнулся лбом в потрескавшуюся балясину.

— Боба... Бате боба...

Вдруг услышал он над собой, и, подняв залитое кровью лицо, увидел жалостливую мордочку мальчишки-идиота. Крупная продолговатая голова неизвестно каким чудом держалась на тонкой шее мальчика, одетого в какие-то серые бумажейные обноски.

— Господи! — прошептал удрученно Сергей. — Сынок!? Да за что же это? Да почему же это все мне!? Да разве ж может, должен человек выдержать такое?

Он подхватился, вскочил и тут же, встав перед Федькой на колени, и зажав распоротую щеку ладонью, все смотрел и смотрел в голубые немигающие пустые глаза сына...

— Боба... — прошептал мальчик, и несмелой, дрожащей ладошкой погладил отца по колючему ежику волос.

Рывком распахнув двери, Сергей подбежал к уже успокоившейся было супруге, и жестко сжав ее плечи, спросил с придыханием:

— Что же ты молчала... Когда? Когда ты это в нем заметила?

— Клещ, говорят... Ему еще трех не было... Клещ...

Она отвернулась к окну и, мелко вздрагивая всем телом, заплакала...

— Фельдшер его в прошлом годе в Челябинск возил, к Кеплеру на прием, так тот так ему и сказал: «Медицина здесь, мол, пока бессильна...»

Сидорин повернулся к понурой, вялой фигурке сына и зло проговорил, глядя куда-то поверх его русоволосой головы:

— Ничего, сынок, мы с тобой еще повоюем... Ничего... Бывает, что и Кеплеры ошибаются... Пойдем, сынок, я тебя соберу...

...Злые и тяжелые капли осеннего дождя плющили опавшую листву, прибавали к земле ядовито-черные дымы из полуразмытых в туманной серости заводских труб. Сквозь непрекращающийся шорох дождя в прогорклом воздухе с трудом угадывался церковный колокольный звон, тусклый и блеклый...

На серых, выщербленных ступенях приземистой церкви, почти черной в мокрой сери непогоды, неумело крестясь, стояли двое: долговязый мужик в прожженной шинельке и большеголовый мальчик, одетый во все чистое и старательно заштопанное...

— Пойдем, Феденька, пойдем, сынок. Семен Прохорович просил не опаздывать...

Мальчик с трудом приподнял большую свою голову, и, несмело улыбнувшись, подал отцу руку...

Иван Мазилин

Писать начал в первом классе ручкой со стальным пером, которую приходилось постоянно макать в чернильницу-«непроливайку». Мазилки, кляксы в тетрадке и те двойки по «чистописанию» оказались несмываемыми...

В жизни перепробовал много разных профессий, но так и остался в ней только наблюдателем, только прохожим по тому отрезку времени, что отпущено мне.

Пишу, потому что хочу верить, что не просто же вариантом отличается моя жизнь от других миллионов жизней, а неповторимостью. Тем, что именно я — один жил и еще пока живу на этой земле и только это одно и имеет общее значение.

Дездемона

(монолог)

1.

Здравствуйте! Проходите, молодой человек. Вы необыкновенно точны, похвально, это всегда располагает. Нет, что вы, что вы, разуваться не надо, у нас это не принято. Да, пожалуй, и такого размера шлепанцев в доме не найдется. Присаживайтесь. А, я понимаю, вы хотите сначала оглядеться? Пожалуйста, пожалуйста. Да, здесь на фотографиях в основном я. Ну и афиши само собой. Нет, здесь я еще совсем юная, еще не народная и даже не заслуженная. Это, так сказать, дебютная моя работа. Мало изменилась? Фу, да вы, оказывается, льстец. Простите, не расслышала вашего имени. Впрочем, это не важно, я все равно не запоминаю имен. Когда твоя жизнь постоянно на виду, на людях, лица и имена как-то начинают мелькать, мелькать, мелькать... не запоминаются. Вот то, что делаешь на сцене, это совсем другое дело. Я могла бы, кажется, рассказать о каждом

сыгранном мною спектакле... да, пожалуй, о каждом. Моя фамилия? Ну что вы, это же псевдоним, а вы подумали... из князей? Впрочем, все так думают... ну и пусть себе. Просто я родилась в Шуге. Есть такой небольшой городок в Ивановской области. Или как сейчас правильно — может, губернии? Все-таки области? А как же тогда... губернаторы? Губернатор должен возглавлять губернию, а не область, я так думаю.

Моя настоящая фамилия? Она слишком проста и нелепа — Ложечкина. Сами понимаете, что с такой фамилией... впрочем, как говорится — не место, в данном случае, фамилия, красит человека, а человек это самое место, то бишь, фамилию. Но я давно уже привыкла, так что давайте оставим как есть — Екатерина Шуйская. Так, по крайней мере, меня знают, так сказать, почитатели моего скромного таланта.

Здесь? О, это мои партнеры по сцене. Правда, это теперь больше похоже на колумбарий — «иных уж нет, а те — далече...» Да. И Вахтанг Кандуладзе тоже. Нет-нет, слава Богу, еще живой. Он теперь главный режиссер где-то там за границей, в Грузии. Даже смешно, Грузия — граница. Не знаете, теперь чтобы поехать в Грузию, загранпаспорт нужен? И виза? Жаль, давно хотела узнать.

Это что у вас? Микрофон? Такой маленький? Помню, когда последний раз у меня брали интервью, я держала в руках такой... агрегат. Вы тоже у меня интервью будете брать? Ах да, простите, я забыла, вы совсем по другому поводу. Это моя сестра вам позвонила — решила, что я нуждаюсь в психологической помощи. Вы врач? Как нет? А мне говорили... впрочем, это тоже не важно. Сестра как всегда все напутала... она всю жизнь все путает. Третьего дня у нас по этому поводу сцена вышла. Такой... эмоциональной я ее раньше не видела. Чтобы ее не расстраивать, я и согласилась вас принять. И даже больше... пришла мне в голову одна немного шальная мысль. Мне в голову мысли обычно приходят, когда я эмоционально возбуждена. Скорее всего, это что-то профессиональное, вы не находите?

Нет, я одна живу. Сестра? Она как раз надо мной, у нее еще меньше квартирка. Я просила ее присутствовать, но... ох, уж эта деликатность. Я могу ей три раза по трубе стукнуть, и она спол-

зет к нам. Не надо? Хорошо, хорошо, как вам будет угодно. Впрочем, и правильно... мешать нам не будет.

Ну-с, и чем мы с вами, молодой человек, займемся? Рассказать о себе? Но это так утомительно. И потом, вы разве не читали мою книжку? У меня, кажется, еще остался экземпляр. Напомните, я непременно ее вам подарю. С автографом, разумеется. Там все подробно. Жаль, что пока не читали. Собственно, эту книжку моя сестра написала. Она мне посвятила всю свою жизнь, собирала все, что обо мне писала пресса. Она, наверное, могла бы рассказать все обо мне, даже о моих маленьких грешках... даже то, о чем я сама не подозреваю.

Я забыла вам предложить... чай, кофе? Все-таки за столом разговор получается немного доверительнее, не правда ли. На театре режиссер редко сажает актеров за стол — глаза в глаза. Театр это все-таки увеличительное стекло... вернее, огромный аквариум перед которым стоит такая увеличительная линза. Помните, были такие линзы перед маленьким экраном телевизора? Ах да, простите, конечно же, вы их не застали. Вот какая я древняя старуха, получается. Нет-нет, я не напрашиваюсь на комплимент, за свою жизнь я их выслушала... нет, впрочем, и сейчас приятно. Приятно, черт возьми. Знаешь превосходно, что ложь... а приятно на секундочку обмануться, поверить.

Вам сколько сахара? Нет, я чай, мне кофе пить не стоит, он возбуждает.

Ну, хорошо. Только сразу признаюсь, что психологической помощи мне не нужно никакой. Так что мы с вами просто поговорим... раз сестра считает, что... а потом, потом у меня будет к вам маленькая просьба, если вас не затруднит, хорошо? Вот и славно.

«Любите ли вы театр? Нет, любите ли вы театр так, как люблю его я?» Цитата, да, но она как нельзя лучше определяет всю мою жизнь. Первый раз вышла на сцену, лет семь было. Сестра утверждает, что это была Дюймовочка, а мне почему-то кажется, что Красная шапочка. Сестре конечно виднее, она меня на три года старше, но я очень хорошо помню — «дерни за веревочку, дверь и откроется». Я дергаю, а она, эта дверь треклятая, не открывается. Вернее, открывается, только в другую сторону.

Вероятно, было смешно со стороны. А может, я это придумала, хотя... впрочем, это так давно было.

Только после этого первого спектакля все двери передо мной открывались правильно. Любому таланту, кроме собственно наличия онго, необходима капелька везения. А в нашем деле особенно. Меня Бог и талантом не обидел, и всегда везло. Пробриться на большую сцену, а самое главное, удержаться на ней... это, я вам скажу, довольно сложная штука.

Вы знаете, по какому поводу мы с сестрой повздорили? По моим подсчетам выходит, что я на театральной сцене уже пятьдесят лет, а она считает, что сорок восемь. Смешно, правда, ссориться из-за таких пустяков? Надо же, два года попыталась отнять?

Но это же целых два года, вы понимаете, что такое два года? Два бесконечных театральных сезона, наполненных репетициями, спектаклями, гастролями. Я не собираюсь эти два года никому дарить, я так ей и сказала. Это мои два года жизни. Когда сезон заканчивается, и начинается отпуск, я буквально не знаю, как мне жить. Это какая-то глупость — отпуск. Я совершенно не умею отдыхать. И вся эта жизнь вне театра мне кажется какой-то странной иллюзией, просто ужасной декорацией. Я могу жить только в театре, в этом аквариуме с одной прозрачной стенкой, за которой сидит зритель. И глаза партнера видеть как бы отраженные через зал. Все остальное время я чувствую себя как рыба, выброшенная на берег...

Вам, наверное, странно это слышать, но это так.

«Театр — игра» — это аксиома. А актеры — дети... взрослые и совсем старые, как я, но все равно дети. Если у них отбирают их любимую игрушку, то... по разному бывает — одни спиваются, другие... впрочем, сегодня о других мы не будем. У меня, между прочим, тоже... тоже отобрали мою игрушку. Неделю назад меня вежливо, со всеми церемониями, выкинули... понимаете, меня попросили удалиться, уйти на пенсию. Потому что они, дескать, заботятся о моем здоровье...

Черта лысого... простите. Просто пришел новый режиссер, да вы, наверное, слышали. Как, совсем не интересуетесь? Жаль...

Вот, пришел совсем молодой, наверно, талантливый. Борзов его фамилия. У него планы, идеи, новации всякие... и первая

из них — освободить театр от балласта. Вы понимаете, я — балласт. Уму непостижимо! Я согласна была снова пройти какую-то особую его школу, согласна задирать ногу выше головы и садиться в «шпагат». Я на все согласна была... я — балласт. Я понимаю, чтобы приручить труппу, а ее необходимо приручить, воспитать, обаять, когда надо, шамберьером помахать для остротки... поматерить даже иногда, я все понимаю. Но вот так, сразу: «Вы хорошо послужили театру, пора на отдых», — это его реплика. А если я не хочу отдыхать, если отдых... это...

Уж лучше бы сразу похоронили, по комочку глины бросили бы на мой гроб и... извините, я на секунду выйду... нервы.

Все хорошо. Извините. Никто не должен видеть слез актрисы вне сцены, уверяю вас, это совсем некрасиво, да и неэтично... я думаю.

Сразу после войны поступила в театральный. После попала в театр и сразу же сыграла Джульетту. Разве это не везение? Молодой, еще неопытной актрисе и такая роль. Потом очень много играла, почти всю классику, есть что вспомнить. Очень скоро стала ведущей актрисой театра. Вы понимаете, что это значит? А это значит, что постоянно за спиной у тебя... «доброжелатели», как без них. Это театр. Со своими законами и проблемами, с интригами, щипками и подкусыванием, как в нормальном детском саду. Доставалось ли мне? По полной программе, а как же иначе. Я не жалею, это нормально. Наверно, на их месте я тоже бы...

Я Джульетту играла до сорока пяти лет, а Дездемону почти до шестидесяти. У меня отличная фигура, остальное делает грим. А молодым тоже хочется прорваться, вы понимаете? Я их понимаю, но уступать никогда не собиралась. Сделали очень просто — спектакль сняли.

Личная жизнь? А разве у актрисы такого масштаба может быть личная жизнь? Поклонников, кавалеров, этих было множество, а вот чтобы что-то такое всерьез, этого не случилось. Дело в том, что когда очень много играешь героинь, которые влюбляются, страстно любят, страдают от любви, ревнуют, появляется... как бы это сказать, эталон некий, ниже которого уже и нельзя себе представить любовные отношения.

Не случилось. Не было у меня мужчин, вам как доктору признаюсь. И потом... если уж совсем откровенно. Мне казалось

тогда, да и теперь тоже, то, что происходит с женщиной и женщиной в постели... мерзость какая-то, извините. В детстве однажды я увидела, как собака на собаку залезла. Как, говорите? Да-да, случка называется. А мальчишки били этих собак палками, а те... они ничего не могли, не могли расцепиться... и, кажется, даже не лаяли. Я помню, меня тогда это сильно потрясло, очень сильно рвало от этой картины. Потом я, как только себе пробовала представить хоть одного мужчину, из тех, кто мне нравился... как они на меня... в меня... это просто ужасно. Я не могу видеть нагих мужчин, даже на гипсовые статуи в музее стараюсь не смотреть, смущаюсь сильно, хотя у них и листочком прикрыто. Бред, конечно, но вам как психологу я могу это сказать. В вашей практике такое случалось с женщинами? Странно, я думала, что в этом я совершенно аномальна.

И еще. Я никогда не разговаривала с сестрой на эту тему. Она была замужем, почти пять лет. В то время мы жили не здесь, у нас была большая квартира на улице Горького. Я не говорила — отец с войны не вернулся. Он тоже был артистом. Разговорником. В составе концертной бригады по фронтам ездил. Где-то под Кельном снарядом убило...

В одной комнате мама жила, в другой я, а в третьей сестра с мужем. Он с фронта пришел такой... весь в орденах. Красивый был мужчина, представительный. Капитан или майор... не разбираюсь я, извините.

Стенка между комнатами была такая тоненькая, что мне все было слышно. Понимаете? Вы не представляете, какие я мучения испытывала, слыша стоны и аханья по ночам. Это, наверно, еще больше меня утвердило в том, что меня это издевательство, это поругание тела минет, не коснется. Я хорошо понимаю, что так природой устроено для продолжения рода человеческого. Только я не верю, что секс это высшее проявление любви.

Что я считаю высшим проявлением любви? Очень интересный вопрос вы задали. И именно мне задали, пережившей на сцене столько проявлений этой любви — от обычной земной, греховной, до божественной.

Я уже вам сказала, что дебютом моим была Джульетта.

У Джефферелли есть прекрасный фильм «Ромео и Джульетта», смотрели? Очень хорошо. Помните сцену, когда Ромео и

Джульетта, оба обнаженные, лежат ранним утром? Это прекрасно, правда? Если бы мне в свое время предложили сняться подобным образом или даже сыграть в театре, я, наверное, согласилась бы. И может статься, после не было бы этого отвращения к обнаженной мужской стати. Но, увы... даже поцелуи в том моем дебютном спектакле были не всамделишные — условно-театральные.

И вот, после просмотра этого фильма, а это было сравнительно недавно, в году примерно семьдесят втором, если я ничего не путаю, я вдруг все поняла. Я поняла мгновенно, разом все. Я поняла, что высшим проявлением любви является смерть. Да-да, можете со мной не соглашаться, но это так.

2.

Вы себе можете вообразить замужнюю Джульетту, с кучей детишек? Правильно — не было бы тогда этого прекрасного произведения, в лучшем случае был бы длинный и скучный роман.

Вот в этом вся прелесть трагедии и заключается. Эти герои погибли на самом взлете любви, не успев еще разочароваться в этом ослепительном первом чувстве.

Сейчас на сцене не умеют играть любовь. Наверное, время романтизма закончилось, наступил практицизм. Печально, но факт. Я тоже не вписываюсь в это время, и поэтому, может быть, правильно, что меня ушли. Я совершенно не понимаю сегодняшних пьес, а также новомодных трактовок классической драматургии. Я не понимаю, что может означать... что должен чувствовать зритель, когда, скажем, те же Ромео и Джульетта в сцене под балконом... кстати, балкона может совсем и не быть. Ромео в этой сцене может болтаться на турнике, а Джульетта... извините, мастурбировать.

И смех и грех. Мне режиссер в одной современной пьесе... с полгода назад... даже не буду называть имя режиссера. Нет-нет, не Борзоев, он только что пришел. Другой, но тоже из молодых совсем. Во время репетиции одной сцены он мне говорит из зала: «Ты его любишь без ума. Только посмотришь на него, только услышишь его голос, так сразу и кончаешь». Я ему: «У меня еще

полстранички текста, как я могу заканчивать?» Пока до меня дошло, что он имел в виду... в общем, сами понимаете, смеху было много. Но я тоже потом его отбрила. Когда отсмеялись, я реплику кинула: «От голоса моего партнера не только не может быть оргазма, но и преждевременный климакс в двадцать пять лет может наступить». На это мне этот... партнер мой, по поводу двадцати пяти и семидесяти такое высказал оскорбительное, что я возмутилась и ушла со сцены. Сорвала репетицию первый раз в жизни. Видите, я тоже могу кусаться, когда надо.

Что-то мы ушли от темы... о чем мы?

Да, вспомнила. Высшее проявление... я смогу вам признаться, как врачу... и психологу. Сама себе удивляюсь, никому прежде не говорила... что это меня понесло вдруг?

Я много раз умирала на сцене. Смерть в своем проявлении, я имею в виду сценическую смерть, не настоящую, несет в себе... я замечала... великую тайну. Когда это происходит, наступает тишина... пауза. Зрительный зал вдруг становится одним большим сердцем, стучающим все реже... реже, пока совсем... «Дальше — тишина», — так говорит Гамлет. И когда это одно большое сердце перестает биться, когда наступает вот эта пауза, происходит нечто, что я и называю высшим проявлением Любви. Не понятно? По-моему, этого никто не понимает, но мне так кажется. Вернее, я убеждена в этом.

И я это испытывала много раз. Буквально физически испытывала, вам это... понятно? Не понятно. Я испытывала то же чувство, которое, наверное, наступает от оргазма... разумеется, как я этот самый оргазм понимаю. Я это чувствовала.

В первый раз это было в «Оптимистической трагедии». Я играла Комиссаршу. Так вот, когда она умирает... когда я умирала... и Алексей брал меня на руки, поднимал, наступала великая пауза... а со мной вдруг... вот как раз то и произошло, что просил меня режиссер недавно — я... ну, вы меня понимаете. Вот такие пикантные подробности, извините. Я не знаю, насколько это психически нормально, но это было... было, и как раз это.

Потом я стала это испытывать каждый раз. И не только в роли Комиссарши. Я испытывала это и в Джульетте, когда «вонзала» в свое сердце кинжал. И в других своих ролях, в которых

мне приходилось «умирать». И совсем необязательно было при этом, чтобы в это время меня касался мужчина, как в «Оптимистичке», или, скажем, в «Барабанщице» Салынского... была такая пьеска про русскую разведчицу Нилю Снежко.

Но все это совершенно не сравнимо с тем, что было у меня с Дездемоной. С самого первого и до последнего спектакля, почти двадцать пять лет. Нет, на репетициях такого никогда не случилось, только при полном зрительном зале. Наверно, это можно назвать каким-нибудь половым извращением, вам как психологу виднее.

Теперь вы меня понимаете, что для меня Любовь, не только необыкновенно светлое и чистое чувство, но и влечение... реакция тела, и соединены они неразрывно со Смертью?

И я подумала...

Очень странная эта трагедия — «Отелло». Она редко играется. На мой взгляд, у Шекспира есть две трагедии такие. «Макбета» играют редко, потому что в этой трагедии есть какая-то... в общем, сплошная мистика. Актеры весьма суеверны, тонко чувствуют различные внутренние вибрации. Разумеется, я говорю о хороших актерах. Такие актеры боятся ее играть. Много непонятого происходит после в их жизни.

А «Отелло», как мне кажется, не очень сильная его трагедия — одна бенефисная роль, и все. Роль сильная, требующая большого мастерства, но играть ее часто почти невозможно. У нас в театре она долго продержалась в репертуаре. Но каждый новый сезон был новый исполнитель, новый Отелло. Обычно это был вновь поступивший в труппу актер, который хотел себя проявить. Только Дездемона была постоянно одна — я.

Господи, как они увивались за мной, пока играли эту роль. Да и я по-сумасшедшему флиртовала... до известного момента. Дальше — ни-ни. Табу.

Между прочим, последним моим Отелло как раз и был Вахтанг. Вот он, кажется, по настоящему меня любил. Он очень хотел, чтобы я вышла за него замуж. К этому времени он уже два года вдовел. Но какая из меня жена — мне уже тогда за шестьдесят было. Да и ему тоже.

Вот, единственный раз чуть-чуть не случилось. Но как он меня любил, как он меня душил на сцене... пожалуй, это было

самое сильное ощущение в моей жизни. Правда, правда, не смейтесь.

Мне послышалось? Мне показалось, что были два удара по трубе? Вы ничего такого не слышали? Два удара это сигнал бедствия. Черт возьми, в конце концов, есть же телефон. Но мы привыкли. Мы привыкли с сестрой сигналить по трубам. В то время у нас еще не было телефонов, еще не поставили. А потом, это вошло в привычку. По-моему, я слышала два слабых удара... Нет, все же надо позвонить. Вдруг...

Как долго она не берет трубку. Какое-то нехорошее предчувствие у меня. Сестра... я говорила, она на три года меня старше и... и она — полная моя противоположность. Во всем. Черт побери, ты возьмешь, наконец, трубку или нет?

Прошу прощения, но я должна подняться выше этажом. Если хотите, можете подождать здесь или же можете считать, что наш разговор окончен и...

Вы хотите подняться со мной? Вероятно, мое волнение передалось и вам. Видите, как актриса я еще очень много могу, я еще могу заставлять чувствовать... заставлять волноваться.

Хорошо, пусть будет так, я вам буду даже очень благодарна, потому что, я действительно... и потом, сестра будет рада познакомиться с вами. Это же она звонила вам. Она будет рада видеть, что ее просьба выполнена. Только о нашем... о моих откровениях... ах, да... клятва Гипократа, как и тайна исповеди... я ничего не путаю?

Мы пришли. Хорошо, что я взяла ключ от ее квартиры, не нужно будет звонить.

Надежда, мы пришли, ау-у... ты, я надеюсь, прилично выглядишь? Я привела гостя. Мне показалось...

Господи, Надя, ты что-то очень плохо выглядишь, тебе плохо? Так... я немного... подрастерялась. Так... телефон на кухне. Если не сложно, вызовите «скорую». Да-да, Ложечкина Надежда Ильинична... дом... Господи, какой наш... ах да, дом сорок пять, квартира двадцать шесть... нет, это моя... тридцать. Семьдесят четыре. Скорее всего, сердечный приступ.

Что они ответили? Через минут десять? Хорошо. Спасибо вам.

Надя, ты лекарства... как не надо? Как не надо? Надо! Где у тебя нитроглицерин или что ты там принимаешь? Надька, не

закатывай так глаза, тебе это не идет. Оставь этот театральный прием для меня. Наденька, сестренка, не пугай меня. Не то я и в самом деле подумаю, что ты собираешься... говори, говори, говори... все равно что, но только... только не уходи. И попытайся подумать, что я без тебя даже соли в доме не найду. Надя, у меня в этой жизни никого, кроме тебя, нет, пойми ты это, черт возьми. Нельзя так, так нечестно.

Ну вот, ну вот, тебе лучше? Я знала, что ты просто решила меня немного попугать. Прости меня, я страшная эгоистка, но ты же знаешь, что театр отнимает у меня... что ты говоришь? Да-да, мне позвонили... мне позвонили. Они берут меня обратно — я еще нужна театру, а ты нужна мне, так что не смей умирать, слышишь. Я тебя очень люблю, не умирай. Сейчас «скорая» приедет, тебе сделают укольчик, и все пройдет, вот увидишь... слышишь звонок, это, верно, они. Молодой человек, если не трудно... да, Надя, это... это мой поклонник, все хорошо, мы еще повоюем.

Товарищи... господа, простите, сделайте что-нибудь, вы же видите...

Как? Все? Она... она уже умерла? Так просто? И ничего мне не сказала, не простилась? Как же так... а я еще жива... Наденька, так... так нельзя.

Нет, нет, нет, мне не надо никаких успокаивающих, я в порядке, я в порядке. Я просто потрясена. Куда звонить? А, это вы вызываете перевозку. И ее увезут. Куда ее увезут? В морг? Зачем, что, так положено? А как же... я совершенно растерялась... что дальше... как? Завтра по этому телефону обо всем... когда, куда и как. Я поняла. Мне кажется, что я поняла.

В чем ее повезут? В чем есть? Но этот халатик... это старенький. Потом? Хорошо, пусть будет потом, да-да, я решу, я что-нибудь придумаю. Нет, мне решительно не нужно никаких лекарств. Я в полном порядке, я готова на выход. Простите, не то говорю... я понимаю. Да, этот молодой человек... вы немного побудете еще со мной? Мне еще нужно привыкнуть к мысли... до меня еще не доходит. Я будто в каком-то тумане. Надо это состояние запомнить и потом в какой-нибудь роли...

Господи, что я говорю. Ради всего святого, не уроните. Бережнее пожалуйста, это самый дорогой человек, кроме нее у

меня никого... Спасибо, вы очень любезны, это трогает до глубины души. Наденька, я не прощаюсь, я тебя еще увижу. Прости, что тебе придется лежать где-то... одной.

Вот и все. Увезли. Я как-то... как-то не могу еще в это поверить. Вот, давеча еще, еще три часа назад мы вместе обедали. Вот здесь, на кухне. Вот даже посуда еще не вымытая. Это непорядок. Я помою, это недолго. Две тарелки... Надежда, а где... перчатки?... Нет, так нельзя... это невозможность, нелепость какая-то. У меня еще... будто вышла... или спустилась в универсам за хлебом. Она еще здесь, я чувствую ее присутствие.

Я не могу здесь находиться. Давайте, спустимся ко мне. Вот только... только, я сейчас на минуточку присяду... ноги ослабли. И пойдем.

3.

Что-то я хотела сказать... Как-то все так неожиданно изменилось в жизни. Совершенно другая атмосфера в моей комнате. Весь этот... «музей», он теперь кажется какой-то нелепой банальностью. И я в этой комнате будто совсем чужая. Я действительно здесь не нужна. Я похоронила такое количество друзей и знакомых, что... это не вызывает во мне теперь какого-то необыкновенного горя. Только я очень надеялась, что я раньше умру Надежды... она меня похоронит. Надежда умерла первой...

Что? Ах, да... как раз с этим все в порядке. Есть деньги «гробовые», есть место на Востряковском кладбище, рядом с мамой. Я уже старше мамы на пятнадцать лет. Грустно все это. Я думаю, что она потеснится и примет свою дочь... а потом и вторую.

Из меня, как будто из шарика детского воздух начал выходить. И за последний час...

Как же теперь жить? Я совершенно не приспособлена к такому существованию. Я совершенно непрактична. И до меня до конца еще это не доходит, как это я буду жить... жить одна. Вот такой роли у меня еще не было. И в этой роли я ни одной мизансцены не знаю. Да и такой тетрабочки с ролью у меня нет. Что же делать? Что делать...

Довольно странная мысль у меня родилась вдруг. Скажите... а Надежда, когда звонила, она... выходит, что она уже знала,

что сегодня умрет. Как вы думаете, она знала? Странно, однако. Вас пригласила, чтобы хоть кто-то был рядом. И здесь она обо мне позаботилась, даже после своей смерти. И так всю жизнь. Я не знаю, какой ей памятник за это нужно. Я в таком долгу перед ней оказалась. Даже не знаю теперь...

Вы не сильно торопитесь? Быть может, лимит вашего рабочего времени исчерпан и пора... пора закрывать занавес?

Нет, нет, я серьезно. Я не хочу... я вполне смогу сама справиться со всем этим, хотя это событие...

Какая просьба? Моя? Моя, к вам?

Ах, да. Прежде, перед этим была у меня одна маленькая идея, но теперь... даже не знаю, возможно ли это. И насколько теперь вообще возможно что либо. Нужно, чтобы прошло какое-то время, все вернулось хоть в какое-то более-менее нормальное русло. Для меня в теперешнем моем положении и состоянии...

Хотя, если подумать, то получается... получается, что другого такого случая у меня может и не быть. Скажу больше... если хорошенько себе представить, то... и эта мысль только теперь меня изволила посетить. И кажется, она не лишена глубочайшего смысла. Полчаса... нет, что-то около часа займет. Могу я располагать вашим терпением и вниманием? Спасибо.

Когда я только пришла в театр, я уже совершенно точно знала, что это моя жизнь, и закончится она здесь же, в театре, на сцене. Я была молода и представляла себе, как это может быть романтично — умереть на сцене во время спектакля. Потом, позже, я думала, что пожалуй, во время спектакля не стоит — зритель пришел смотреть спектакль, и причем здесь смерть актрисы. Нехорошо-с получается. Так что, потом я думала, что умереть лучше всего после окончания спектакля. Я себе очень ясно все это представляла.

Заканчивается спектакль, смолкают аплодисменты, закрывается занавес. Зритель расходится... и тут я... прошу открыть занавес, сажусь куда-нибудь... непременно в шикарное кресло и тихо умираю. Просто и тихо, без агонии, без всяких там лекарств, медицинских вмешательств. Я как бы просто засыпаю, и все. Вам это понятно? Вот такое было у меня желание. И чем старше я становилась, тем яснее, как бы со стороны, я представ-

ляла себе эту сцену, со всеми возможными подробностями. И непременно, чтобы при этом присутствовали коллеги... как же совсем без зрителей. Я даже им всем определенные мизансцены придумала. Вроде немой паузы из «Ревизора». Только там приезжает вместо мнимого настоящий ревизор, а в моем случае... смерть. По-моему, это было гениальное решение.

И только когда Отелло стал играть Вахтанг... я поняла, что я хочу умереть как Дездемона. Во время спектакля...

Но мой Вахтанг уехал, спектакль сняли, и меня уже нет в театре, а я еще до сих пор жива. Величайшая несправедливость, вы не находите?

Одним словом, я решила. Я решила, что меня уже ничто не держит теперь на этой грешной земле. Я решила сыграть свой последний спектакль. Даже не спектакль — маленькую сцену. Я очень хороша актриса, я гениальная актриса. И я думаю, что это я смогу.

Театр без зрителя, это... как... аквариум без воды, когда камешки уже не блестят, рыбкидохлые... и так далее. Вы будете моим зрителем. Единственным. Я вам разрешаю присутствовать на этом спектакле.

Мне только надо немного собраться, настроиться и... еще... еще позвонить Вахтангу и попросить хотя бы по телефону помочь мне. Где этот телефон. Ах да, он на кухне, вернее, за кулисами. Вот он. Это теперь мой реквизит. Теперь только вспомнить телефон. И просить Господа, чтобы Вахтанг был в этот час дома. Он должен быть дома — нельзя трагедию превращать в фарс.

Ну, миленький мой, возьми трубку!

Алло, кто это? Какой Ван? Деточка, мне нужен Вахтанг. Дедушка что? Отдыхает? Разбуди его. Скажи, что его Дездемона хочет с ним... спасибо, деточка... не деточка? А кто же ты? Ты внук Вахтанга? Очень мило... разбуди, пожалуйста, дедушку. Да, очень срочно...

Вахтанг, дорогой... я так рада тебя... как ты... что? Ва, и тебя тоже турнули... сам ушел. Что так? Я понимаю, дорогой, я понимаю...

Вахтангчик, миленький, одна маленькая просьба... нет, что ты, что ты, куда лететь не надо. Помогите мне сыграть нашу по-

следнюю сцену... да-да, по телефону. У меня много зрителей — просят... а ты погромче, ладно.

Да, я совсем сошла с ума, Вахтангчик. Я прошу тебя. Спасибо дорогой. Я через минутку буду готова, подождешь?. Хорошо. Я только переоденусь, я быстро.

Извините, на полминутки отвернитесь, пожалуйста. Спасибо.

Дорогой мой Отелло, твоя Дездемона уже лежит в кровати. Свеча горит, и за окном темная южная ночь. Я жду тебя, мой Отелло. Входи...

Ну, я пошел?..

(монолог)

Эха, куды тебя, мил человек, занесло-то! Поди, день-деньской ноги-то топтал? Штоль, вокруг озера шел, из Громовки? Так вон она, на том берегу. На лодке-то полчаса, а круголя... Не из Громовки?.. Во как... из Додоновки... Ишь ты, не зная дороги, неровен час, мог бы и на болоты утопать. В нашей глухомани это запросто может быть, чуть с путя сбился, и все, може, через неделю и найдут, и то, ежели будут знать, куды пошел. Да ты не майся-то перед глазами, застишь, вишь, клевка еще идет...

Ты бы, мил человек, отдохнул пока, али поглядел за костерком, да водицы в котелок набрал... только подале отседа, а я скоро и... а я... сщас, сщас, сщас... ать, ать, ать... ааа... ах, ты... итить-колотить, сорвалася, зараза! Голоавль, не иначе... от ведь кака зараза!..

Ну, все, кажись. Солнышко красное зашло, умаялось, видать, тоже роздыха просит. А стал быть, и нам пора круглять, не буде больше клева. Сщас мы с тобой, мил человек, ушицы наладим, а за ужином-то и побалакаем. Пусто-то брюхо к разговорам глухо. А ушица у нас будет славная, по моей науке. Я ушицу даже бабе своей не доверяю. Это ж понимать рыбеху надоть — чуть переварил али приправ какой не такой добавил, и все — музя, а не ушица, только свиньям в корытце... да...

Ну вот, кажись... теперя, чутка потомится на угольях и готово. Слышишь, мил человек, душок какой? То-то, это ж понимать надоть.

Эх, под такую блюду да... а нетути, не припас... Да ну! Это ж, как писанка ко Христову дню. Ну, уважил старика! Эха, а посудинка какая знатная, чудна. Пряма, загляденье. Не видал такой. Ишь ты, пряма из столицы? Надо же... Так я начерепываю ушицу? А к этому делу у нас и лучок имеется, и огурки малосольные, и хлебец — вот и закусим, чем Бог послал. Краюху-то ломай, малость подсухла, ну да ничего. Я тут уже пять ден рыбалю.

Господи, благослови хлебушек наш. Аминь. Вот и хорошо, вот и спасибо. Ну, за знакомство и со свиданием... ты смотри — пряма, как слеза горячая... ух!

Да ты, мил человек, закусывай, закусывай. Поди, с утра-то оголодал. Или... можа зараз по второй? Это с нашим... Давай теперь за здоровье наше, которым боженька не обидел, за здоровье всех сродственников.

Тишина-то какая! Всяк раз, как день с ночью встречаются на зорьке вечерней, тако и бывает. Словно парень какой с девкой за околицей, на первой свиданке, замирают... и закат... к ведру одноко. Еще одну звездну ночь Бог даст, да погожий день. А потом дожди пойдут, на недельку зарядят... а тоже надоть. А дале видно будет. Ты сам, сколь хошь, а мне много-то не наливай, я редко этим балуюсь... Эх, а давай за мир... ну, вот за этот самый, который вкрут нас. И далече, куда мы не видим. Да и за тот, что и не увидим никогда. Все равно — за весь мир. Ну, и конечно, чтоб войны не было. Это главное.

Славно поужинали. Сейчас чайку заварим, я травок разных душистых наготовил. А ты, мил человек, конечно, если захочешь, расскажешь, по своей охоте али по неволе забрел к нам. К нам сюды и почту-то раз в неделю возют, а уж нового человека иногда и по году не бывает. Вот так и живем...

Так говоришь, меня искал? Что ли, по мою душу? Эхха! Да, Тимоня я и есть, Тимофей Степаныч, стал быть. А вы?.. Ишь ты, прямо из столицы и ко мне! Она что... чудно. Ну, и за коим?.. Это, стал быть, про меня, и чтоб все... Ах ты, господи, да это кто же меня выдал-то? Почти всю жизнь прожил... и ничего, а на старости, на тебе! Мда... Я, конечно, расскажу, но только никуды не поеду, это даже думать не можете! А так... рассказать-то можно, раз вы ко мне с уважением, чего уж там. Только вам все рав-

но никто в столице не поверит, смеяться начнут али хуже того — во вранье уличать станут. Как тогда?.. Ну, глядите, вам способней, видать... Только Христа ради скажите, откуда вы обо мне проводали? Деревенские-то не могли, вот те крест, не могли а... вона как!

Во так вот, дурья башка, вырастил на свою голову! Сынка, растудыть твою малину! Я ж его кулаком крестил, заклинал перед отправкой, чтобы помалкивал! Надо же, выдал батю... эхх...

Да и как же ему поверили-то? Дурнем-то не сочли?.. Да нет, он у меня башковитый, непонятно в кого уродился. В деревне ему науки, вишь, мало, в столицу наладился. Эх!..

Ну, это ладно, пушай. Еще хочу спытать. Путю сюда кто вам показал? Баба моя не знает, где я рыбалю. Мужики... почитай, все твердые, да и мало кто знат, куды я забираюсь. Да могли запросто направить и в другу сторону. Потому как они за меня горой... точно. Нужон я деревне, пользу приношу обществу. Не могли они. Али все ж могли? Неужто Сенька-паромщик? Оглоблю ему в ухо, паразиту! Небось, за чекушку продался?.. Не?.. Что, такая же посудина, как ента? Така же затейлива? Тоды понятно, тоды что ж... соблазн велик, понятно дело.

Так, об чем вам сказывать? Как я этому обучился? Так я и не учился, сразу как-то мог.

А началось это, случилось в аккурат на второй день, как батя мой с войны пришел. Я малой еще был, но помню хорошо. Помню, проснулся раненько. Батя спит еще. А маманя, слышно, как Зорьку, коровушку нашу, доит и разговаривает с ней, и от радости, что мужик с войны живым возвратился, плачет. А на стуле батина гимнастерка медальками в лучиках утрешнего солнышка сияет.

Я, понятно дело, вскочил, порты натянул, до ветру сбегал, да и давай медальки разглядывать. Про себя еще думал, что как вырасту, то тоже обязательно на войну схожу, героем стану и кучу медалев получу. Что взять — малой еще был, несмышленый.

Не знаю, сколь я так игрался, только услышал вдруг, как во дворе шум какой, и Тузик наш брешет почем зря. Ну, я и выскочил на двор-то. А там, и смех и грех случился. Это уж мне потом маманя сказывала — доит она, стал быть, коровенку, рядом ко-

тенок крутится. Был у нас такой, страсть какой шкода — весь белый, а на лбу вроде черной челки. Так мы его за эту челку Фрицем звали.

Маманя его шутанула, а тот с испугу, убегая, видать, Тузику после ночной его службы, ночевать сильно помешал. А тот спросонья, да не разобравшись... одним словом, загнал котенка на самую верхушку тополя. Этот тополь теперь вымахал, зараз и не обхватишь, да верхушкой почти в самое небо уперся, а тогда только еще в рост входил стал, к солнышку вытягиваться начал. Но и тогда уже метров пять до верхушки его тонкой было. И вот почти на самую эту верхушку котенок шутанулся, а обратно-то никак. И до того жалостливо мяучит там, что сердечко у меня как сжалось. Ну, я возьми, ручонки свои к нему и протяни, да при этом так уж больно захотелось мне его из беды вызволить, что я и взлетел. Подлетел к верхушке тополя, за шкурку Фрица ухватил, еле оторвал его от дерева, да и обратно, стал быть, на землю мягко опустился.

Что тут было! Маманя молоко-то разлила, на коленках елозит, крестится, смеется и плачет в один подол. «Чудо-то какое, великое! Слава те, Господи! Да святится Имя Твое!» — сама шумит, а потом с коленок вскочила, меня всего оцупала, мол, не ушибся ли...

Вот так и узнал, что могу я это самое... то есть летать могу. Могу, да вот только не во всяк день и не для собственного удовольствия. Хотя какое там удовольствие — от земли отрываешься, а боязнь все равно, вот она здесь, у пупка самого — а ну как грохнешься... Мало ли че, специально-то не обучали. Школов летальных не кончал. Так что по-пустому я даже и не пробую. Ни к чему. Если Бог дал, то, верно, знал, зачем дает. А дамши, всегда и забрать может, если что не так.

Думается, от Бога это дар, а то как же... не просто же так, ниоткуда...

Так что, не часто... Последний-то раз по весне этой пришлось. Опять же, для блага обчего...

Во, сейчас луна восходить начнет, совсем светло станет. По этому поводу не мешало бы... осталось ли? Вот и славно...

Церква у нас старенькая, не успели до войны сломать, сказывали, вроде бы бабы не дали, и мужики уже колья готовили.

Обошлось, слава Богу! А во время войны попам послабление вышло, разрешили им народ собирать да поучать, к вере, стал быть, заново приобщать. Так в нашей деревне никого заново и не пришлось тянуть, образа, почитай, все сохранили, попрятали в лихое время, а в молитве как были тверды, да так и остались. А иной мужик нашенский, хоть грешным делом матерится, да водку иногда больше нормы примаает, но вот что веры касемо, то в этом тверд. Это в городах там у вас не токмо веру, стыд человеческий всякий потеряли, гоняются за вдобствами и довольствиями, норовят того и гляди в глотку друг другу из-за этих самых... время, что ль, такое окаянное?

Да нет, я никого не судю, всяк сам свою жизнь плотничит.

Вы нашу деревушку видели? Вот говорят, деревни помирают, бегут, мол, людишки. Да только не из нашей Додоновки! Мы вроде как огородились от соблазнов — на большом острове деревня стоит, вкруг-то вода. Правда, молодежь и у нас уезжает... чего там, есть. Да только помыкаются, помыкаются, понюхают что почем, а как седины по башке пройдет, глянь, обратно возвращаются.

Ну, а я-то что? Да вот так и прожил почти всю жизнь. Краешек один, поди, остался. Нигде во всю жизнь не бывал, что в мире деется, со слов, с газет, да с телевизоров. По правде, так и не хотелось никогда по миру шляться — «где родился, там и пригодился» — не зря же... Мне и в деревне хорошо. Опять же вот пользу приношу, кому потребно помогаю. Это, стал быть, как летать для дела надобно-то, то приходят, просят. Рази откажешь, кода по делу? Летом особливо. Кому крышу подлатать, к трубе печной кирпич подать, то в колодезь без веревки опуститься, почистить. Мало ли, всего не перечесать...

А, стал быть, по этой весне энтой, отец Дмитрий... сухонькай он у нас такой, немочный, ветром его уже качает. Сто лет, верно, ему, а все еще служит. Так он меня и благословил на взлет. Кресты-то на церквушке нашей больно ветхи стали. Позолота местами сползла, основа подгнила, хошь и дубовая, а вот подишь ты, менять срок настал, потому не ровен час, сверзятся... а это непорядок.

Так что, опосля Пасхи уже, старые-то кресты мне пришлось сымать, а новые ставить. Так отец Дмитрий прямо сказал: «Бо-

гоугодное дело вершишь. Може, дар твой тебе и даден только для того, чтобы ты осенил новыми крестами храм Божий». Во!..

Батя мой давно уж, пока жив был, собрал народ, да упросил всех не выдавать моего дара никому. Потому наедут, начнут следования проводить. А то хуже — заберут, и поминай, как звали. Наука наукой, а жизнь, поди, у каждого одна. На том и порешили. Вот седня только впервой постороннему и рассказываю. Рассказываю потому, как все равно вам никто не поверит без этих самых... как их... ну, да, без них — без доказательств. Я же все равно никуда не поеду, да и на месте кремешком прикинусь, откажусь...

Эха! Луница-то какая! Это надо же? Слышь, мил человек, а вот скажи, взаправду ли говорят, что на Луне жителей нашли? Вот куда хотелось бы слетать, одним глазком глянуть. Мда... что-то я сегодня разошелся, а посудинка наша уже пуста...

Показать, как летаю? Так ведь не выйдет ничего, мил человек. Забыл сказать, что если хоть стопочку одну выпью, то тут уж хотя али не хотя, все одно — не выйдет. Получатся, что грешное это дело, зелье-то... но... если иной раз, как бы это... душа просит веселья, что ли, то и можно. Даже отец Дмитрий говорит, что можно... «умеренно, по светлым праздникам, и не до скотского соображения». Да, вот глядя на таку Луну, грех что ль?..

Можно, конешна, и в Громовку... рядом, поди, а и тока все не так... вот, подишь ты, грошев нет...

Ну, мил человек, и опять выручил! Так я мигом, туда и обратно. Ты уж тут за костерком последи, да через полчаса хороший огонь сделай. Это чтоб на обратном пути мне видать было, куда шлепать. Как, как?.. Нет, нема лодки, да и накой она мне... я так. Вот только сапоги сыму, да порты закатаю, чтоб не замочить... вот так... я быстро.

Ну, я пошел? Да, вот прямо по лунной стежке и пойду. Я скоро!

Эх, мил человек, какое ж это чудо? Никакое это не чудо, когда у нас в Додоновке, почитай, все по воде ходят... Эха... Ну, я пошел?

Стефания Солис (Ольга Грушевская)

Люблю лето, и цвет мой — оранжевый.

Мне интересна жизнь как бесконечный процесс, во всем своем многообразии и противоречии. Скупые анкетные данные говорят о том, что я родилась и живу в Москве, как и мои родители; окончила английский ф-т МГПУ им. В.И.Ленина, писать начала с 18 лет. В 2006 году вышел мой первый сборник рассказов и повестей «Лента Мебиуса». Печаталась в журнале «Разумный мир», участвовала в сборнике московской прозы «Время московское», 2007 г. «Осенняя миниатюра №1» была переведена на армянский язык Микаелом Абаджанцем — замечательным писателем и переводчиком.

Мои рассказы — лирические диалоги-размышления о неслучайных встречах, о противоречивости любви, о двух параллельных мирах — о мужчине и женщине, о пронзительном одиночестве суетливого города, о том, что все, что мы ищем — рядом, надо только внимательнее взглянуть в окружающий нас мир. Может быть, для кого-то мои размышления станут отражением собственных невысказанных чувств и переживаний.

Ловушка для снов

(из Цикла «Иллюзии»)

в черной паутине
запуталась тень моя —
лунная ночь...

Л.Талаева

Снился мне сон. Снилось, я с папой пришла в магазин антикварный.

Папа был молод — моложе меня. Он улыбался.

Мы долго на поезде ехали — так долго, как в «новом» кино — там думают, что создают настроение, уводят в подсо-

знание. Но ничего не происходит со зрителем. Тот в ожидании — мается.

Вот и мы просто ехали — ничего не было. Так длилось полночи — время для переосмысления и в себя вглядывания. Я пыталась: переосмысливала, в себя вглядывалась, но внутри меня было сумрачно. Наконец-то меня мысли покинули — совершенство медитации.

Мы смотрели в окна мутные на поля сезановские, серо-зеленые, неровной линией с небом сливающиеся. Ни-че-го не переосмысливали — спасительное созерцание. А мой папа спал сном поверхностным и сон видел, что живет-работает, со мной ужинает, на вечерние огни из окна поглядывает и покуливает... Он видел сон в сне моем.

А потом и вовсе смешалось все — акварель растеклась по поверхности: небо с полями спутались, и в тесной каюте поплыли мы — с тем же мутным окном, что и в поезде.

«Хорошо бы окна помыть», — подумала.

А вода была не прозрачная, казалось, не вода — молоко сгущенное в бело-синей банке из прошлого — тягучего.

Наконец, была остановка, вышли мы. Остров. На возвышенности — магазин большой. Двухэтажный? Не вспоминается. Весь в витринах стеклянных, словно аквариум, люди-рыбы в нем медленно плавали, рты открывали беззвучно — общение...

У нас с папой было «задание» — дело предельно важное. Сто тысяч денег каких-то причудливых должны были потратить обязательно, приобретя старинные вещи антикварные. И вернуться обратно должны были той же дорогой — нам неведомой.

Магазин антикварный освещался хрустальным светом-сиянием. Это странно: антикварные лавки — места вечно мрачные, тесные, шорохами, шепотом наполненные, пылью и горькими запахами. Здесь иначе было все. Вокруг — шкафы стеклянные, сверкающие, на прозрачных полках — предметы старинные, красоты невиданной. Всюду — яркий свет, но — с дневным перемешиваясь, льющим из больших окон, арочных, приглушался, словно в краску яркую кто-то белил подмешивал.

Мы ходили долго в лабиринте шкафов — растерянные, чудные предметы рассматривая, словно в них искали свое отраже-

ние — себя, где-то потерянных; тихо переговаривались. Иногда хватала я папу за руку, тянула в какую-то сторону.

...Были там резные деревянные шахматы, китайские божества-болванчики, голубые чашки фарфоровые с желтыми нарциссами, одна — с чуть заметной выпщерблиной; костяной медальон Мадонны (где-то я его видела?) — к груди младенец прижимается с глазами усталого взрослого — какой-то сдвиг во времени... Смотрит, словно знает больше нас — знает то, что нам знать не дозволено.

...И смотрели на нас кошки керамические, длинные, как сквозь трубу выдавленные, покрытые глазурью желто-оранжевой.

Странно не было — было все узнаваемо.

Брали в руки предметы мы — обнажали суть вещей, проникали в истину, отражения себя видели: белизна фарфора — изысканность, шероховатость кожи — познание, глянец лакированного дерева — поверхностность. Мы вертели вещи в руках, пытливо разглядывали, пытались найти в них что-то особенное, увидеть знак — сигнал для приобретения.

Но знаков мы не видели — на себя рассчитывали, не понимая главного, что давно запутались в лабиринте несоответствия — эмоций и разума.

Предметы отбирали мы, девушки складывали — в большие коробки белые. Девушки были приветливые, как гувернантки одетые: черные платья, передники белые, в волосах — кружевные заколки — чистые ангелы с полотняными нимбами!

Предо мной возникла полка стеклянная со множеством часов-насмешников. Все беззвучно работали, время показывали разное. Среди них — часы каминные, английские, из красного дерева с циферблатом бронзовым. Представила их на столе папином письменном — они бы ему понравились. Повернулась к нему, взяла за руки, прошептала: «Смотри, нравится?»

Но папа не обрадовался, лишь головой покачал задумчиво, указал рукой в другую сторону. На стене висело что-то инородное: часы тяжелые прямоугольные из металла «жатого», украшенные крупными камнями драгоценными. Большие стрелки черные показывали десять минут пятого. Пожав плечами, я не поверила: «Тебе никогда такие вещи не нравились». В душе возникло сопротивление. Папа отошел в сторону.

Наконец, коробки были упакованы, скотчем обмотаны. Подобно трем снежным кубам в холле высились, к отправке готовые. Осталось оплатить, и миссия выполнена...

Внезапно открылись двери стеклянные, и ветер влетел стремительно, спутал мои волосы... На сцену вышли два новых лица действующих: мой сын и его друг — остальные замерли. Сын был одет в куртку черную, а его друг — в такую же, но ярко-зеленую.

«Странно, — думала я по мере их приближения, — что они тут делают? Здесь нет никаких заведений — здесь остров необитаемый. Быть может, они — приведения?»

— Что вы тут делаете? — из себя выдавила — мой сын не любит, когда его спрашивают. Мой голос глухой, ватой обмотанный, я усомнилась: слышат ли?

Сын мимо прошел, слегка улыбнулся мне, может быть, привиделось: во всем вечно знаки ищущи навязчиво, вот и от сына жду. Иллюзия. Пройдя молча с улыбкой-призраком под руку, сын скрылся в глубине магазина за полками стеклянными. Друг же его посмотрел на меня неожиданно и без улыбки сказал громким голосом:

— У вас ничего не получится.

Я удивилась:

— Как так? — ничто не мешало нам сделать задуманное.

Но друг лишь плечами пожал — все равно ему. Удалился за сыном, пританцовывая. Я взглянула в их сторону, но мальчиков уже не увидела, увидела лишь мраморную лестницу, белую с большими перилами, они вверх по лестнице поднялись, как и не было...

Я прошла в дальний угол задумчиво — там покупки оплачивали. Бесстрастно смотрела строгая женщина за старинным аппаратом кассовым. Не на меня смотрела, сквозь меня: уголки губ чуть вздернуты, на щеках румянец нарисованный, веки не вздрагивают.

«Не человек, — подумала, — восковая кукла для выставки», — все говорило об этом, руки особенно. Я решила: «Глупая, для вида посадили тебя. Скоро придет человек живой, со стула снимет тебя — мертвую».

Я все же открыла сумочку — там деньги были в нескольких пачках с резинками, вверх торцами лежали приготовлен-

ные. Я уже опустила руку пачку достать, как увидела, что чулки мои порваны, да так сильно, что я тут же забыла, зачем пришла. Чулки покрывали ноги паутиной рваною серебристо-черною, словно я была в аварии.

«Неприятно», — подумала.

«Как неприлично...» — мамин голос услышала, а у «восковой» кассирши спросила неуверенно:

— Где купить мне чулки вместо порванных?

Та оказалась живой, повернула голову — в сторону лестницы. Я задумалась: «Куда ведет эта лестница?»

— Куда ведет эта лестница? — мой вопрос отозвался эхом в шкафах-айсбергах. Кассирша брови подняла в изумлении, как если бы я спросила что-то непристойное. Поняла — не время, мне лучше не задумываться.

У подножия лестницы заметила столик маленький, на нем — упаковки с чулками разными, образцы разложены веером. Две девушки — две одинаковых матрицы — протянули обувную коробку без крышки, белую. В ней — чулки прекрасного качества, шелковые, необычных цветов — опереточных: красные, синие, желтые, черные, но телесных не было — хотя бы прозрачные... Девушки долго рылись в коробке, наконец, обрадовались, потянули медленно. Змеи золотистые — Адемантеус Кроталус — заскользили в руках их податливо. «Матрицы» хором назвали цену мне, показалось — дорого, я замешкалась в нерешительности, но согласилась — делать нечего.

Я тут же переделалась, отошла только в сторону, в мутный свет окна под лестницей. Что-то оно мне напомнило...

«Поезд... каюта...» — вспомнила. Сны обладают памятью.

Посмотрев в окно — удивительно, ничего не увидела! Белый лист бумаги нетронутый. Так выглядит «ничто», наверное. Куда же мы приехали? Я стояла, задумавшись, как изваяние в серо-желтых отблесках, ноги отливались золотом, словно в чешуе рептилии. Змеи — мои конечности.

Вскоре вернулась я — папа мой взволнован был: разводил руками в недоумении, на середину зала показывал, где стояли коробки — теперь их там не было.

— Где ты была? — нахмурился.

Я ногами поблескиваю:

— Где коробки с покупками, нашими предметами отобранными?

— Их забрали люди незнакомые, и их было четверо. И ушли они на четыре стороны.

— Есть ли смысл в географии? — удивилась я. — Эти вещи — наши отражения. Кому нужны чужие рефлексии?

Сон внезапно кончился, я проснулась неожиданно, словно кто-то кнопку нажал «Пауза»...

Приоткрыв глаза, увидела темную комнату — утро только обозначилось, словно пунктирами. Сквозь окна кралась звуки-шепоты — спальня наполнялась предрассветными вздохами. Приподнялась на локте медленно — часовые стрелки были видны довольно отчетливо: десять минут пятого. Я вспомнила: это же время видела и на нелепых часах в сне моем. Совпадение. Взгляд скользнул по кошке керамической у зеркала, и я вновь закрыла глаза от усталости, словно ночи не было, не было сна и отдыха, словно долго путешествовала и теперь была вся обессиленная. Я закрыла глаза, и тут же почудилось (или это явь была, или вновь видение?): люди какие-то серые в спальню заходят крадучись, среди вещей на трюмо моем ищут что-то важное и на кресле с одеждой брошенной...

Пробуждение: «Что это? Где граница сна и реальности? Или мы всего лишь ловушки для накопления — впечатлений и действия?».

Встала, в шелка кутаясь, вышла в холл. Поток свежего воздуха охладил меня — вернулась в реальность с сожалением. Или уснула, чтобы увидеть сон, что я вышла в холл — в поток прохладного воздуха? Где же нового дня рождение, и где сна конец? Что есть пограничное состояние? Как узнать признаки реальности?

Окно прикрыв в дальней комнате, посмотрела сквозь стекло мутное — на пустынную улицу: небо светло-серое, в его верхнем углу — тушью, резким росчерком — ворона вспорхнула черная, в нижнем — грязной кистью масляной — собака протрусила клокастая. Серо-синий асфальт. Холст, техника смешанная, две тысячи такой-то год, — картина живая, голограмма — новый вид творчества.

Я подумала: «Хорошо бы окна помыть», — мысль знакомая. Поежилась — покидало ночное тепло тело медленно. Запахнула потуже халат и в карманы руки засунула, вжала голову в плечи: я — птица с пути сбившаяся.

«Кофе...» — на губах кофейный вкус возник, в воздухе — запах-желание — внутренняя репрезентация... так возвращается запах тех, кто ушел давно.

Я выпрямилась — поняла внезапно: пальцы мои теребят давно какой-то мелкий предмет. В кармане пуговица?

Опустила голову, извлекла на свет «пуговицу» пойманную — то, что сжимала рука моя. Это был костяной медальон, подаренный папой — мне в день рождения сына — в день ноябрьский: Мадонна с ребенком с глазами взрослого.

Теперь я знаю, откуда он.

Телефон набрала по памяти и, услышав родное «Да?», спросила шепотом:

— Папа, ты вернулся из путешествия?

Послесловие:

Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он — бабочка, весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не сознавал, что он — Чжоу. Но вдруг он проснулся, удивился, что он — Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он — бабочка, или бабочке снится, что она — Чжоу...

Чжуан-цзы, «О равенстве вещей».

Полет

Мне казалось — я бегу полем
На не чующих ногах-лапах...
Я не помню никакой боли,
Смерть была — один большой запах...

А потом запахло медом и мятой,
Я в траву влетел по самые уши
И решил, что в жизни — девятой
Буду тем же, кем и был, только лучше.

Е. Агафонова

Он посмотрел на меня и грустно улыбнулся:
— Ты уверена?

Я растерялась: уверенность, в которой я пребывала еще секунду назад, мгновенно испарилась и уступила место сомнению. Я пожала плечами и тут же отвела взгляд — он не должен видеть мои сомнения! Ну как я могла быть уверена? Конечно же, нет. Я хотела схватить и прижать его к груди, наполнив вновь жизненной силой и энергией. Нет, я не была уверена! И вместе с тем я знала, что ему пора уходить. Мы оба это знали. Все уже решено и все уже сделано... Эх, все ли?

Часы пробили восемь вечера, требуя поторапливаться.

— Пора, — выдавила я и поправила на его худенькой лопатке тонкую бретельку.

Он отвернулся и долго смотрел в открытое окно, словно хотел все получше запомнить. Он жмурился от небесного света, отчего глаза превратились в щелочки, а зрачок — в черный штрих тонкой кисточки. Потом все-таки посмотрел вниз — примерился, вдруг не получится и будет падать, затем еще раз вверх — оценил высоту и бескрайность неба. Я не мешала ему — оба тянули время. Сотни раз мы проигрывали этот момент в своем воображении: движения, необходимые слова, чтобы не забыть, чтобы успеть... И вот момент настал, и мы растерялись — «вокзальная немота»: поезд вот-вот должен тронуться, и нам обяза-

тельно надо успеть сказать что-то важное, хотя бы пару слов «на память», но слов нет — исчезли, обесценены, а все движения — неловкие.

Он сидел на подоконнике — тонкий, как струна, слабый, как обещания взрослых, лопатки — два острых бугорка, и вдыхал свежий вечерний воздух. Май. Так много новых запахов — липковато-влажных, новорожденных.

Год назад он так же сидел на этом месте — большой, тяжелый, глянцевого, иссиня-черный, плавные линии грациозного тела — неоспоримое свидетельство совершенства природы, легкий росчерк гармонии. Он с интересом наблюдал за колыханием молоденьких листьев, смешно выгибал шею, бесконечно вытягивая ее вперед и, округляя бледно-зеленые глаза-блюдца, полные любопытства, отслеживал траектории движения проснувшихся мушек. Год назад. Давно.

— Ты будешь скучать? — тихо спросил он, не глядя на меня, подставив нос и прищуренные глаза весеннему ветру. А может, мне это только показалось?

Но нет, железные пальцы сдавили горло, стало трудно дышать. Я пробормотала что-то похожее на «Да» и тихонько провела пальцем по родному затылку — там была маленькая шишка — я задержалась на ней и спустилась чуть ниже, вдоль гряды болезненно торчащих позвонков.

— Нет смысла тянуть, — вздохнул он и вернулся в реальность. — Не поможешь? — он наклонил голову и деловито принялся затягивать на груди тесемки — потуже. Я проверила узел, еще раз повыше натянула все время съезжающие бретельки, расправила два слипшихся перышка и, в завершении всего, поправила на спине белые крылья.

— Все, — тихо сказала я.

— Все, — эхом отозвался он. — Ну... я полетел.

Он встал, чуть пошатнулся и снова сел, но только на секунду, потому что тут же все тело его напряглось и подалось вперед, задние лапы мягко оттолкнулись от подоконника, крылья вздрогнули, и он внезапно оказался в воздухе — прямо за окном, завис в стоп-кадре на долю мгновения. Интуитивно я тоже дернулась вперед, подставляя ладони, как маленькому ребенку, чтоб не упал...

Но белые крылья взмахнули — сначала чуть-чуть, неловко, а потом сильнее и увереннее, и он вдруг полетел! Выше, выше, выше!

Он полетел вверх, быстро набирая высоту и не оглядываясь. А я так и застыла с открытыми ладонями, страхуя его.

— Лети, мой родной, не бойся, ты не упадешь, — шептала я, мечтая только об одном: чтобы он не оглянулся и не вернулся, пожалев меня и навсегда застряв между небом и землей: ничто не должно было мешать его движению. Я смотрела на его худую черную фигурку, с каждой минутой удаляющуюся все быстрее и быстрее, и восхищалась гармонией полета.

* * *

— Мама, мама, смотри, — задрал голову, воскликнул маленький мальчик. — Кот с белыми крыльями!

— Где? — не поняла женщина, сосредоточенно глядя себе под ноги.

— Ты что, не видишь?! Да вон, в небе, смотри! Он летит!

— Не придумывай, это птица, — ответила женщина, не поднимая головы.

— Да нет же, смотри, он низко летит — видно!

— Низко летит — значит, к дождю, — уверено сказала женщина и деловито зашагала вперед.

* * *

Симба поднимался все выше и выше, и люди вскоре превратились в крохотных муравьев, деревья и дома — в разноцветные бусины, а родное окно безвозвратно затерялось далеко внизу, как и все мы, кто стоял и смотрел на него, задрал головы. Все ушло в прошлое.

А наверху его встретили белые облака, солнце — золотая рыбка на блюде и синьковое небо. Навстречу стремительно лились потоки свежего воздуха и мягкий золотисто-молочный свет, пахло цветами. Махая маленькими белыми крыльями и щурясь от ветра, мой черный кот летел к Мосту Радуги — мосту в тот мир, где не было боли.

Дом, который построил Дракон

(отрывок из романа «Дракон»)

1.

Печальный многоголовый Дракон имел одно удивительное свойство, отличавшее его от других драконов и им подобных созданий. Уже долгие-долгие годы головы этого Дракона менялись из поколения в поколение: умирали и на их месте вырастали новые, подобно многолетним цветам на парковой клумбе, а тело, большое и чешуйчатое, оставалось одним и тем же, старело, конечно, но, говорят, драконам это только на пользу.

Дракон, если быть точным, был вовсе не Дракон, а Дракониха, поэтому и головы у него росли все больше женские, симпатичные и кокетливые. Все Головы были энергичными, творческими, не допускающими промахов и неточностей, чему порой и радовались, и огорчались одновременно. Особенно Старшие.

Ни разница в возрасте, ни в образе жизни долгое время не мешали Головам жить на одном теле дружно и весело, время от времени слегка покусывая друг друга и пощипывая, как это, впрочем, и принято во всем драконьем племени. Долгое время они гордились тем, что у них одно вековое, могучее, красивое и крепкое тело — одно на всех.

Но время шло, и Головы становились все старше. Они все чаще и чаще досадливо вздыхали и спорили, сначала азартно, а потом просто раздраженно и тогда, извергая серые клубочки дыма, кусали друг друга все сильнее и сильнее, а раны заживали все дольше и дольше. Потом они, конечно, успокаивались и понимали, что делать нечего — ведь тело-то у них одно — надо жить вместе. Они мирились, смеялись, а две единственные лапы с длинными загнутыми желтыми когтями поднимались и старались погладить и успокоить каждую из Голов.

Случилось так, что благодаря особому дару жизнестойкости и предприимчивости представительниц старшего поколения этой Драконьей Семьи, все семейные Головы вскоре стали проживать в одном доме — в самом Центре Москвы, на Ленинградском проспекте. А история вкратце такова.

2.

Однажды одна из самых ярких и легендарных Драконьих Голов, когда-либо выросших на большом Драконьем теле, сидела в своем любимом зеленом костюме с черепаховой брошью в своем любимом ресторане — прибежище всех киношников. Задумчиво водила тонким пальчиком с аккуратным ноготком (ах, и кто бы мог подумать, что на самом деле это был настоящий Драконий коготь!) по белоснежной тканевой салфетке. Думала она при этом не о каком-то своем новом сценарном опусе, а совсем, совсем о другом. Думала она о своем спутнике — темноволосом красавце в самом расцвете сил, слегка, правда, располневшем, однако ничуть не утратившем своей былой элегантности. Тот сидел напротив и внимательно наблюдал за движениями тонкой руки своей спутницы.

Да, она думала о нем. Он был ей нужен. Ей были нужны его руки, его пронизательные глаза, не упускающие ни одной детали, его изобретательный ум, — короче, он был ей нужен весь, и она больше не представляла без него своей жизни! Но она не знала, как ему все объяснить, какие найти слова, чтобы не спугнуть, как, в конце концов, его увлечь!

Они уже успели обсудить и прекрасный ужин, и мастерство пианиста, и непредсказуемость московской погоды, и общих друзей, и новости в их общем киношном мире. Они даже коснулись взаимных симпатий и прочих милых светских тем, обусловленных модой на одиночество. Но все это было не то.

Пауза явно затянулась. И тогда легендарная Голова, оторвав взгляд от салфетки, лучезарно улыбнулась своему спутнику — ждать больше не было смысла.

— Мне нужен дом, — неожиданно сказала она и подняла бокал с шампанским.

Темноволосый красавец иронично изогнул одну бровь.

— Дом? — не понял он, однако тоже поднял свой бокал. — У вас же, милая, уже есть один дом, за городом, не так ли? Совершенно чудесный дом, — он сделал глоток шампанского и откинулся на спинку стула. — Ну да, я помню... такой чудесный, правильный дом, с яблоневым садом, с хвойным лесом, с гамаком... еще детей там было много, белок, ежей... м-да...

очень было мило... и публика там, я помню, была наименее приятная... м-да...

— Мне нужен дом в городе, — уточнила кареглазая спутница, продолжая обворожительно улыбаться.

— В городе? То есть здесь, в столице? — удивленно переспросил мужчина.

— Здесь, здесь, совсем рядом! Мне нужен ваш дом, любезный, — пояснила легендарная Голова и потянулась к папиросам (тогда уже все курили сигареты, однако легендарная Голова по-прежнему использовала исключительно слово «папиросы»).

Милая улыбка тихонько исчезла с лица темноволосого красавца, а ироничные глаза наполнились сарказмом.

— Вы шутите, дорогая, — он чиркнул спичкой. — Помилуйте, зачем вам мой дом? Да и, послушайте, его и домом-то не назовешь! Вся завалена бумагами... обычная холостяцкая комната в общей квартире... Правда, конечно... в самом Центре, но ведь там и окна нельзя открыть — пыль, шум, машины гудят!

Красавица по-прежнему торжественно улыбалась. Потягивала шампанское, покуривала «папиросу» и молчала. Ах, как он был ей нужен! Он и его дом.

Мужчина вздохнул и, дабы не показаться нелюбезным, был вынужден продолжить свою неуверенную речь:

— И вообще, — говорил он, тоже закуривая и покачивая ногой, — я не понимаю, зачем вам, милая, дорогая, прекраснейшая, зачем вам, имеющей свою шикарную огромную квартиру, моя убогая комнатенка!

— Бедный, бедный, — нежно прошептала легендарная Голова, — как же вы живете?!

— Вот и я говорю! — обрадовался мужчина — его, наконец-то, поняли.

И тут легендарная Голова улыбнулась еще шире и произнесла самое, самое, на ее взгляд, главное:

— Мне нужен наш общий дом — наш с вами!

— Общий дом? — воскликнул изумленный мужчина и еще выше поднял брови. Нет, это было для него уже слишком! — Помилуйте! Но ведь... м-да... Вы же... да и я... это как-то странно... я так понял, что у нас разные планы... мы взрослые люди, и вся эта идиотическая семейная жизнь, эти обязательства, пре-

тензии... Стоит ли что-то начинать заново? Столько ошибок, стоит ли повторять... м-да, не знаю, дорогая, не знаю. А вы уверены?

— Абсолютно! — решительно сказала легендарная Голова и посмотрела на своего спутника уже совершенно серьезно. Она больше не улыбалась.

— Но, милая, добрая, сострадательная! Вам же самой у меня не понравилось! Вы что, забыли? Да и кровать там двуспальную не поставишь!

Тут Голова звонко рассмеялась.

— Друг мой, вечно вы все путаете! Экий вы путаник! Да на кой черт мне ваша тесная комнатуха в коммунальной квартире, хотя, конечно, и в Центре! За кого вы меня принимаете?

В эту минуту элегантный мужчина неожиданно для себя испытал неприятное чувство, отдаленно напоминающее обиду за свои скромные апартаменты, ведь одно дело — своя личная оценка, а другое — объективная реальность.

— Комнатуха, конечно, тесная, — забормотал он, — но все-таки Центр... и двор очень зеленый, особенно летом.

А легендарная Голова тем временем продолжала:

— О нет, мне нужен высокий дом с множеством квартир и комнат, где все будет настоящим и большим! Настоящие спальни с большими зеркальными шкафами для женских нарядов; большие светлые столовые, где за большими круглыми столами соберутся большие семьи. Большие гостиные с настоящими каминами и множеством книг, где каждый мужчина сможет поставить свой письменный стол. Дети смогут играть в своих светлых комнатках, а не в отгороженных шкафами и занавесками темных углах. Хозяйки войдут в большие кухни и за дверями не раздастся грохот лыж или детских ванн с тазами. Под крышей организуем настоящие творческие мастерские, а на каждом этаже — большие холлы с диванами и креслами, чтобы все соседи могли выходить вечерами из своих квартир и дружно болтать о пустяках; мы построим настоящий кинозал, чтобы все могли смотреть любимые фильмы. Мне нужен дом, где, наконец, можно проснуться и увидеть в большое окно рассвет... мы создадим дом для людей и во имя людей, Дом моей «мечты»! Наш с вами дом!

Мужчина изумленно молчал, не зная, что сказать, а потому вскоре неопределенно пожал плечами:

— Ну, хорошо-хорошо. А при чем тут я, позвольте спросить?

— Как при чем? — пришло время изумиться красавице.

Ну, как же он не мог понять, что именно он — основная загвоздка! Ах, как же он был нужен, как необходим! Уже целый месяц она только о нем и думала! Но он не понимал, поэтому ей пришлось все объяснить:

— Послушайте, вы — известный архитектор! Вы — талант! Вы этот Дом спроектируете, а я его построю!

— Я! Вы? — засмеялся темноволосый собеседник, оказавшийся на самом деле известным в городе архитектором. — Ну, хорошо, я — архитектор, но вы-то? Насколько я знаю, вы — сценарист, а не строитель.

— Да, я не строитель, но я — организатор! В жизни надо пробовать разное. К тому же, поверьте, это будет мой лучший сценарий.

— Да, дорогая, — тут же согласился архитектор, — я вам охотно верю, но кто же все это разрешит? Вот так... взять и построить по индивидуальному проекту что попало, извиняюсь, конечно... какой-то там Дом чей-то мечты. А если все захотят осуществлять в городе свои... как бы сказать точнее... «мечты»... Да вы представляете, что будет с нашим городом? Это я вам как архитектор говорю! Я сам этого не допущу! А потом. Вы же понимаете, ваша «мечта» должна пройти множество инстанций, согласований, утверждений, а знаете, что случается с мечтами после всех этих утрясок? Вот-вот, прекрасно знаете! В результате, поверьте, ваша «мечта» превратится в обычный типовой проект! И все!

— Ах, бросьте, мой друг, прекратите истерику, — сказала легендарная Голова и решительно затушила «папиросу». — У меня множество связей и влиятельных друзей. К тому же, любезный, вы же в курсе, что, если я что-то очень захочу, то это обязательно исполнится. Не так ли?

Архитектор вздохнул — возражать было нечего, она была права.

— Ну, хоть скажите тогда, — улыбнулся он, — скажите тогда хоть примерно, как же ваш дом должен выглядеть?

— Наш дом, — поправила его легендарная Голова и зачем-то повертела головой, словно воображаемый дом мог нарисоваться прямо в воздухе.

Однако никакой дом не появился, зато взгляд Головы упал на салфетку с тонкими, еле заметными геометрическими линиями, оставленными ее аккуратным ноготком. Она подняла ее и протянула архитектору.

— Вот, — сказала она. — Вот, возьмите.

— Что это? — не понял тот, однако салфетку взял.

— Это мой набросок, — сказала легендарная Голова. — Изумительно, не правда ли?

Архитектор долго разглядывал на салфетке тонкие изломанные линии, поднимал брови, складывал губы трубочкой, бурчал «пум-пум-пум». Затем, наконец, поднял голову и задумчиво посмотрел на свою кареглазую спутницу.

— Что ж, — заключил он. — В этом, действительно, что-то есть. Давайте попробуем.

Мечта легендарной Головы сбылась — Дом был построен.

Он был именно таким, каким она его задумала и изобразила на белоснежной салфетке: дети стали жить в своих комнатах, у мужчин появились кабинеты, а за большими круглыми столами большие семьи могли собираться на воскресные обеды. В холлах стояли кресла, а правое крыло дома представляло собой кинозал.

Но легендарная Голова не просто построила Дом мечты. Используя все свои способности и возможности, всяческие связи и личное обаяние, свое, наконец, имя и, чего греха таить, отдав часть квартир нужным людям, она сумела все так искусно организовать, что в Доме стали проживать не только члены ее Драконьей Семьи, но и ее многочисленные друзья, друзья друзей и куча хороших талантливых людей: писателей, художников, киношников, да и просто веселого милого люда. Все они объединили усилия и создали свой жилкооператив. Именно о них она потом набросала сценарий «Дом веселых нищих», который так и остался лежать в ящике ее письменного стола с пожелтевшей салфеткой между страниц.

Легендарная Голова, совершив в своей жизни великое множество замечательных дел, отмеченных знаками и регалиями,

успев на своем веку мимоходом перессорить и помирить кучу людей, сохранив до последнего светлую голову, молодой голос и интерес к жизни, умерла в очень преклонном возрасте в своей постели в Доме своей мечты.

Она умерла на рассвете, глядя в большое ею же придуманное окно на светлеющее небо — наступал новый день.

А дом... Дом же со временем стал меняться, как и все, и все в этом мире. Стал стареть, забывать и путать. Да и вообще оказался жутким снобом. Любил он всех и никого — холодной столичной любовью, со временем совсем позабыв и легендарную Голову, и все ее заслуги, что уж говорить о Головах помладше: подумаешь, Драконьи Головы — да мало ли в большом городе Драконов?!

Игорь Кит

За плечами немалый отрезок жизни, множество разных профессий. Никогда не перестаю учиться, поскольку, как истинный «близнец», испытываю непреодолимый информационный голод. Люблю слово во всем многообразии его смыслов, подтекстов и сочетаний. Люблю суетливый город и несуетную природу. Люблю серьезно шутить и быть шутливо серьезным. Печатался в различных газетах и сборниках, находил свои стихи и рассказы в изданиях, о которых до того и не слышал. Участвовал в литературных конкурсах. Считаю, что о главном еще не написал. С интересом работаю над собой.

Лестница в никуда

Шаг, еще шаг... в который раз он поднимался по этой лестнице, Олег ответить не смог бы. Грязный, темный подъезд, изъеденная грибом штукатурка и нестерпимая смесь «ароматов»: крысиного помета, нечистот из разверстой пасти мусоропровода и готовящегося за дверьми квартир обеда. В полумраке, боясь наступить на крысу, Олег передвигался очень осторожно. Держаться за перила в таком месте омерзительно, да и опасно — можно запросто напороться на осколок лезвия безопасной бритвы... «Безопасная бритва» — он поморщился, словно надкусил лимон, представляя, как лезвие испарывает ладонь. Надо же, придумавший такое название явно обладал нездоровым чувством юмора. Лифта в доме не было, впереди оставался последний, седьмой пролет бесконечной лестницы. Олег на секунду задержался у приоткрытого окна с оплавленными пластиковыми ручками. Нужно было глотнуть немного свежего воздуха. Сердце вело себя совершенно предательски — то падало в нижнюю часть живота, то взлетало к вискам, заглушая окружающие зву-

ки. За окном то ли моросил ледяной осенний дождь, то ли сыпал первый мокрый снег — не разобрать... Впрочем, это задевало лишь самый краешек сознания, внимание было намертво приковано к двери квартиры под номером сорок, до которой оставался всего лишь лестничный пролет. Отдышавшись, Олег поднялся на четвертый этаж и остановился напротив двери, мучительно пытаясь вспомнить о цели своего визита. В этот момент сам собой зазвонил дверной звонок. Он продолжал звонить, ритмично включаясь и выключаясь до тех пор, пока Олег сквозь сон не сообразил, что звонит телефон. Отбросив одеяло, он сел на краю кровати. Голова болела, во рту пересохло. С трудом разлепив глаза, взглянул на часы — пять минут четвертого утра. Телефон продолжал звонить. Алена безмятежно спала рядом, в обнимку с подушкой, даже не думая реагировать на такую мелочь, как звонящий телефон. Нашарив на полу тапочки, Олег вышел в коридор и поднял трубку.

— ...Не дай ему войти, — напряженный голос показался смутно знакомым, — не дай войти...

— Кому? — Олег тщательно пытался узнать голос.

— Ты знаешь кому... он выдержит... не дай...

— Кому вы звоните? — где-то внутри начала закипать злость.

— Самому себе, кому же еще? — в голосе звонящего зазвонило раздражение.

— Послушай, приятель, в следующий раз, когда надумаешь с кем-нибудь поболтать, для начала взгляни на часы, — Олег со злостью бухнул трубку на рычаг телефона. Затем спохватился, что мог разбудить дочку, прислушался — в детской было тихо, только ходики мерно тикали со стены. Он на цыпочках прошел в детскую комнату. Разметав по подушке темные локоны, дочка мерно посапывала, уткнувшись в бок любимого плюшевого медведя. Олег отодвинул медведя, поправил одеяло и тихонько вышел из комнаты. Вернувшись в спальню, он некоторое время сидел на краю кровати и в лунном свете разглядывал портреты, развешенные по стенам комнаты.

Портреты, черно-белые фото в рамках под стеклом, висели на стенах всегда. По крайней мере, столько, сколько Олег жил в этой квартире. Кто на них изображен, он сказать затруднился

бы, вероятно, какие-то родственники или знакомые прежних жильцов квартиры. Фотопортреты в изящных узких рамках были выполнены настолько мастерски и обладали такой выразительностью, свойственной черно-белому фото, что рука не поднималась снять их со стены. Жене они тоже нравились, она не раз со смехом говорила, что фотопортреты заменяют собой живописные полотна в родовом замке, позволяя иногда чувствовать себя баронессой. Олег настолько привык к этим фото, что уже не обращал на них внимания до того момента, пока однажды ему не показалось, что один из портретов изменился. Он не мог с определенностью сказать, что же именно изменилось, фотографии давно слились в сплошной черно-белый узор обоев, но почему-то возникла уверенность, что на месте одного портрета он видел другой, точнее, другое лицо. Алена в ответ на осторожные расспросы мужа только улыбнулась и предложила съездить отдохнуть на озеро в один из ближайших уик-эндов. Олег с облегчением согласился, но сомнения не покинули его полностью. Спустя некоторое время ему стало казаться, что у людей на портретах меняются выражения лиц, а еще немного погодя он даже начал слышать какие-то звуки, похожие на обрывки разговоров. Причем иногда казалось, что он слышит свое имя. Это не могло не встревожить, и Олег записался на прием к доктору. Пожилой врач с двухцветной черно-белой бородой внимательно выслушал и успокоил его, прописав витаминный курс и легкое успокоительное. Доктор объяснил странности синдромом хронической усталости и развившейся на этой почве депрессией.

— Не тревожьтесь по пустякам, дорогой вы мой, попейте лекарства, почаще выбирайтесь на воздух, и все у вас нормализуется, — доктор широко улыбался, похлопывая Олега по плечу и от уверенности и дружелюбия, излучаемых доктором, уже становилось спокойнее. Он принялся в точности следовать предписаниям врача и постепенно тревоги начали ослабевать.

Всю буйствовал красками теплый август, на озере в конце лета становилось особенно красиво. И хотя для купания вода уже остывала, порыбачить ранним утром, поплавать втроем на лодке и покормить с дочкой уток для Олега составляло истинное блаженство. Нечасто им всей семьей удавалось выбраться в

их старый, требующий капитального ремонта, домик на самом берегу озера. Добираться на машине приходилось долго, а взять на работе лишний день отгула для обоих было настоящей проблемой. Ну не приезжать же на полдня в такую даль, в самом деле. К счастью, в этот раз у Алены накопилось несколько отгулов, а Олегу доктор поспособствовал с больничным листом и они, наспех собрав вещи, наутро решили отправиться на озеро. На целую неделю!

Олег сидел на краю кровати и разглядывал фотографии, висящие на стенах спальни. За окном теплый ветер гулял в ветвях тополя, растущего рядом с домом. И от того, как в лунном свете плясали на стене тени, казалось, что портреты оживают снова. Ему казалось, что он видит эффектную брюнетку с родинкой-мушкой на щеке, что-то объясняющую пожилому мужчине с двухцветной бородой, поразительно похожему на давешнего доктора. А в шелесте листвы, доносящемся из приоткрытого окна, слышались голоса и обрывки фраз. Некоторое время он вслушивался в шум листвы, пытаясь разобраться в том, что же слышит, и все более убеждался, что это пустая игра воображения. Фотографии висели совершенно неподвижно. С досадой отмахнувшись от очередного приступа разгулявшейся фантазии, Олег укрылся с головой одеялом и быстро уснул.

Проснулся он оттого, что Алена, прыкая в подушку, волосом щекотала ему кончик носа. Олег комично морщился, строил гримасы, наконец, чихнул и открыл глаза.

— Вставай, соня, — заливаясь смехом, жена чмокнула его в щеку и поторопила, — давай быстрее, успеем до пробки проскочить.

— Встаю-встаю, — пробурчал Олег и попытался повернуться на другой бок.

— Э, нет, — Алена схватила мужа за ухо, — знаю я твоё «встаю-встаю». Быстро в ванную и завтракать, Зойка уже на кухне.

— Мама, где медовые звездочки? — в спальню вошла дочка, зевая во весь рот.

— На верхней полке нижнего шкафа, Зойчик, ты же знаешь.

— А я там не нашла, — дочка соорудила умильную физиономию.

— Глазки открой, тогда точно увидишь, — Зойка демонстративно закрыла глаза, высунула язык и, развернувшись, промаршировала в сторону кухни.

Убедившись, что доспать несколько минут уже не удастся, Олег резво вскочил с кровати и отправился в душ.

Спустя сорок минут, груженная до отказа старенькая «ауди», больше известная в народе как «лыжа», неслась по внешней стороне кольцевой дороги в сторону Ленинградского шоссе. Ранним утром, пока не образовались изматывающие нервы пробки, лететь по кольцу сплошное удовольствие. На Ленинградке машин больше, но все равно в этот час еще можно ехать, а не ползти черепашым шагом. Дорога предстояла не близкая, часов шесть, а если повезет, то чуть меньше. Алена с Зойкой на заднем сидении шуршали фантиками и пакетами, передавая вперед то бутерброд, то шоколадный батончик. Они могли уплетать все это попеременно, Олег же только отмахивался, он не любил устраивать второй завтрак за рулем. Вот когда они доберутся до места их постоянного привала, до маленького придорожного кафе, вот тогда он позволит себе расслабиться за чашкой кофе минут на пятнадцать. А затем уже без остановок, если конечно Алена не даст дочке выдуть целиком бутылку колы, до самого озера.

Солнце поднялось уже высоко. Шоссе тянулось нескончаемой лентой вдаль, среди широких полей, почти уже свободное от машин, и Олег по своему обыкновению перешел на «автопилот». То есть какая-то часть его сознания неусыпно следила за дорогой, но мысли улетали далеко — то листая страницы воспоминаний, то сосредоточенно крутясь вокруг какой-нибудь неразрешенной пока проблемы. Алена с Зойкой, устав от чрезмерно затянувшегося завтрака, сначала пели песни, а потом и вовсе задремали. Приемник давно уже не ловил ни единой станции, монотонный шум колес и ветра усыплял лучше любого гипноза. Олег почувствовал, как начал стекленеть взгляд и появилась в глазах резь. Чтобы не заснуть, он повернул решетку воздуховода, направив в лицо прохладную струю воздуха. Стало немного легче. Он взглянул на часы — до придорожной кафешки оставалось ехать около получаса. Подняв глаза к зеркалу заднего вида, Олег вдруг испытал острый приступ дежавю. Машина только

что миновала холм, впереди дорога была совершенно пуста, а сзади скрывалась вершиной подъема, но он совершенно точно знал, что сейчас из-за нее появится автобус, догоняющий «ауди» на большой скорости, хотя раньше Олег его не видел. Не успел он додумать эту мысль до конца, как сзади образовался туристический Мерседес, летящий на всех парах в крайнем ряду. Олег не упуская автобус из виду, перестроился в правый ряд, тот сразу пошел на обгон. Обходя «ауди», автобус некоторое время шел параллельно почти с той же скоростью. Из окна третьего ряда их внимательно рассматривал пожилой мужчина с двухцветной бородой, что-то говоря при этом невидимому соседу.

— Что за ерунда? — Олег часто-часто заморгал и тряхнул головой. — Не может быть...

Когда он вернулся взглядом к автобусу, тот уже удалился настолько, что Олег не смог проверить — померещилось ему это или нет. Настроение было испорчено, где-то возле сердца вновь зашевелился червячок необъяснимой тревоги. Олег прибавил газу в расчете быстрее добраться до пункта остановки и спокойно обдумать ситуацию за чашкой кофе.

— Что-то ты разогнался, — в зеркале заднего вида показалась Алена. — Все же ребенок в машине.

— Да ладно, дорога пустая, — Олег немного сбросил скорость, — вон за тем поворотом будет привал. Зойчик спит?

— Укачало, как всегда, даже будить не хочется.

— Может, и не будить? — Олег подмигнул жене.

— И оставить без лакомства?! — Алена приподняла сонную Зойку и погладила по голове, — просыпайся, мороженое растает.

— Где? — Зойка с закрытыми глазами сделала вид, что шаривает рукой вазочку. «ауди» остановилась на стоянке у кафе.

— Мне малинового! — Зойка пружинкой выскочила из машины.

В кафе почти все столики пустовали, только у стены сидели двое мужчин и о чем-то вполголоса беседовали. Алена сделала заказ и подошла к столику у окна, за которым расположились муж с дочкой. Олег рассеянно глядел в окно, мысли его явно ви-

тали где-то далеко отсюда. Подошла официантка с подносом. Алена с дочкой, не долго думая, принялись опустошать вазочки. Олег рассеянно болтал в чашке ложкой, не замечая, что выплескивает кофе через край.

— Может тебе еще чашечку заказать? — Алена с любопытством смотрела на то, как муж управляется с ложкой, — ау... ты еще с нами? — Олег посмотрел на темные пятна на столе и смутился.

— Сейчас закажу, а мы с Зойкой пока отлучимся ненадолго, — Алена промокнула салфеткой пролитый кофе.

Олег нерешительно кивнул и снова отвернулся к окну. По пути в дамскую комнату, Алена заказала мужу еще одну чашку кофе. Он сидел в одиночестве за столиком и слушал жужжание большой мухи где-то под потолком. Неуместное жужжание вызвало раздражение и приступ тошноты. Олег искал глазами муху, но после яркого солнечного света из окна, в полумраке кафе ее не нашел. Тем более что муха утомилась, и место жужжания заполнил монотонный голос из-за столика у стены. Сначала Олег в разговор не вникал, затем вынужденно стал прислушиваться. Видимо, разговаривали соседи, местные жители, обсуждая какое-то недавнее происшествие.

— Ну да, заклинило переключение реверса, это же болезнь у «Вихрей». Он и запустил с включенным ходом, — объяснял один.

— Ну и?

— Что ну? За борт и головой о причал. Как еще жив остался... а лодку отнесло, закрутило и, перевернув, накрыло остальных. Глупо как-то... и рядом никого, все по-другому бы вышло, может, и спасли бы... — оба собеседника, вздохнув, замолчали.

— Ваш кофе, — к столику подошла официантка.

— Да, спасибо, — машинально ответил Олег, затем поднял на нее глаза.

У столика, в белом переднике стояла эффектная брюнетка с мушкой на щеке и внимательно его разглядывала. На мгновение он застыл, не донеся руку до чашки, затем резко вскочил из-за стола, с грохотом опрокинув стул. В глазах официантки смешались удивление и испуг.

— Что с вами? — отшатнувшись, спросила она.

Олег не ответил, он смотрел на официантку, как на привидение, затем начал озираясь по сторонам, бегая диким взглядом по кафе. Из-за столика у стены на Олега молча смотрели двое «местных жителей» — молодой чернокожий и пожилой мужчина с двухцветной бородой.

— Вы!.. — задыхаясь, Олег схватил пожилого за плечо, — кто вы, мать вашу?! Что вам от меня нужно?!

— Успокойтесь сейчас же! Я милицию позову, — официантка метнулась к телефону.

Олег отпустил старика и бросился в проход к туалетам. Дверь в дамскую комнату была распахнута настежь, внутри никого не было.

— Алена! Зойка! — Олег распахнул двери кабинок, затем влетел в мужской туалет — никого.

— Где они?! — Олег вернулся в зал.

— Кто? — испуганно спросила официантка. Мужчины спокойно наблюдали за Олегом.

— Жена с дочкой! — Олег перешел на крик.

— Дорогой мой, о ком вы говорите? — пожилой мужчина участливо смотрел на Олега.

— А-а-а... — Олег махнул рукой и повернулся к выходу, но, сделав пару шагов, спохватился и, достав из кармана пару мятых купюр, бросил их на стол.

Он выбежал из кафе и на секунду застыл в изумлении — рядом с «ауди» стоял туристический автобус Мерседес. Как же Олег мог его не заметить? Затем в несколько прыжков он оказался у своей машины. На заднем сидении Зойка возилась с Аленой, пытаясь укунить ее за ухо, они весело смеялись, не замечая Олега. Он открыл дверцу машины.

— Как вы здесь оказались? — спросил он совершенно сбитый с толку.

— Что значит как? — Алена удивилась. — Ножками притопали, мы тебя уже минут пятнадцать ждем. Ты же сам сказал, что расплатишься и придешь. Какой-то ты сегодня рассеянный... может быть, я поведу машину?

— Нет, не надо, — отмахнулся Олег, — все нормально...

Выбросив из-под колес фонтан гальки, «ауди» вылетела на шоссе. Жена с дочкой притихли на заднем сидении. Глядя в

зеркало заднего вида, Олег ловил настороженные взгляды жены. Ехали молча, ощущая повисшее в воздухе напряжение. Наконец Олег настроил приемник на какую-то местную музыкальную станцию. Ведущий балагурил, рассказывал забавные истории и ставил музыку на самые разные вкусы. Напряжение, возникшее было после кафе, стало ослабевать. Шоссе совершенно опустело. Олег увеличил скорость и, спустя некоторое время, «ауди» вырулила на грунтовую дорогу, ведущую вдоль кромки леса к озеру. Пятнадцать минут живописной извилистой дороги, и машина остановилась у ворот перед заветным домиком. Алена с Зойкой вывалились из машины и тут же, едва размяв ноги, закрутили игру в догонялки вокруг «ауди», пока Олег возился с заржавевшим замком и покосившимися створками ворот. Он довольно быстро справился с препятствием, и машина въехала на участок.

Солнце изрядно припекало. Стоял тот особый августовский день, когда во всем уже чувствуется дыхание осени, природу едва трогает золотое увядание, которым восторгается глаз и от которого почему-то щемит сердце. Но и лето еще не готово уйти со сцены, воздух после полудня прогревается настолько, что ближайший водоем становится желаннейшим местом отдыха. После разгрузки машины Алена с Зойкой принялись за уборку дома и раскладывание вещей, а Олег нарубил щепы и растопил мангал. Пока дровишки прогорали, Олег аккуратно, с большой любовью к делу, насадил на шампуры мясо, разделяя ровные кусочки тонкими полосками сала и колечками лука и помидор. Где-то он слышал, что сколько любителей печь шашлык, столько же и его рецептов. После долгих экспериментов с приготовлением мяса, Олег остановился именно на таком способе приготовления удивительно сочного и ароматного шашлыка. Когда дымок от почти уже готового мяса разнесся по всему участку, из дома дружно вылетели жена с дочкой, крича в один голос:

— Есть хотим! Если сейчас же не дашь шашлыка, пеняй на себя!

Женщины с угрожающим видом пошли в окружение, обходя мангал с двух сторон. Олег сдался и был повержен на траву, где Зойка с голодным рыком пыталась укусить его за ухо.

— Ай-ай! Ухо оставьте, — Олег пытался вывернуться из цепких рук жены и дочери, — мясо же подгорит сейчас, шампуры поворачивать надо. Быстрее салат делайте, шашлык почти уже готов.

Такой довод моментально подействовал, женщины быстро скрылись в доме. После обеда Зойка валялась на диване, притворно охая и подпрыгивая ногами от обжорства. Однако предложение поплавать на озере моментально привело ее в чувство. Зойка с визгом бросилась к себе в комнату. Олег слышал, как они с Аленой заспорили о том, какой купальный костюм будет Зойке в самый раз.

— Спускайтесь к воде пока, а я пошел лодочный сарай открывать, — крикнул он им.

— Уже идем, — донесся веселый голос жены.

Пока дочка с женой бегали по берегу озера и повизгивая брызгались прохладной водой, Олег вытащил из сарая лодку и подвел ее к старенькому, но вполне еще крепкому пирсу. Алена с Зойкой быстро запрыгнули в лодку.

— Ну что, поехали? — спросил Олег, дернув за шнур стартера.

Мотор взревел, лодка рванулась вперед, уходя из-под ног Олега. Он едва успел услышать женский вскрик и, ударившись головой о пирс, провалился в темноту...

С трудом разлепив веки, он некоторое время смотрел в потолок, крашенный белой масляной краской, затем перевел взгляд на капельницу, стоящую у его кровати. В палату вошла женщина в белом халате, вероятно, медсестра.

— Жена? Дочь? — едва слышно спросил Олег, медсестра побледнела и опустила глаза.

Сознание Олега снова рухнуло в спасительную темноту.

В последующие несколько дней ему снились яркие сны, посещали различные видения. Он ненадолго приходил в себя и снова погружался во тьму. Физически Олег был почти здоров, если не считать небольшого сотрясения мозга, ушибов и ссадин. Через две недели пребывания в травматологии и ежедневных бесед с психотерапевтом, он уже не впадал в беспамятство. Он ел, спал, ходил и вынужденно отвечал на вопросы, но более напоминал призрак, нежели живого человека. Олег похудел, его лицо осунулось, спина сгорбилась, и только глубоко запавшие глаза, окаймленные тенью пережитого, лихорадочно блестели,

словно окна давно заброшенного дома при лунном свете. Создавалось впечатление, что большая часть его сознания находится где-то далеко и, не держи его тело тяжким грузом, то растаял бы, как утренний туман при первых лучах солнца.

Олег выписался из больницы и даже начал ходить на работу. Коллеги, друзья встретили его с нарочитой бодростью, стараясь как-то отвлечь от тяжких мыслей, вернуть его на землю. Олег пока никак не мог сосредоточиться на рабочем процессе, и они молча распределили его часть работы между собой. Часто сидя перед монитором компьютера, он отворачивался к окну и мог часами не поворачивать головы, не ощущая времени. Иногда Олег просматривал газеты, лежащие в почтовой корзине. Он просматривал их по диагонали, не цепляясь за текст, просто чтобы... хотя он и сам не знал — для чего. И вот однажды его взгляд остановился на объявлении: «Вы в тупике? Нет выхода? Не верьте, хотя бы один выход есть всегда!» Далее следовал номер телефона. Олег перечитал объявление несколько раз, не понимая еще, зачем он это делает. Затем аккуратно сложил газету, убрал ее в карман и, сославшись на плохое самочувствие, покинул офис.

Он вошел в свою квартиру и не раздеваясь набрал номер телефона, напечатанного под объявлением. После нескольких гудков Олегу ответил голос, который он сразу же узнал.

— Ты принял решение? Ты готов к этому? — на другом конце провода повисло напряженное молчание.

— Да, — последовал ответ после секундного колебания.

— Я жду...

Олег впервые поднимался по этой лестнице. Грязный, темный подъезд, изъеденная грибком штукатурка и нестерпимая смесь «ароматов»: крысиного помета, нечистот из разверстой пасти мусоропровода и готовящегося в одной из квартир обеда. Олег поднялся к двери под номером сорок и с силой надавил на кнопку звонка. Она сразу же открылась, пропуская Олега в темный коридор. Внутри стоял человек, лица которого в полумраке Олег разглядеть не мог. Человек сделал знак следовать за ним и направился вглубь квартиры. Они шли долго, поднимаясь по лестницам, чему Олег отчего-то совершенно не удивлялся, и, наконец, вошли в большую комнату. В комнате так же, как и в коридоре, царил полумрак, и только небольшое окно в дальней

стене было озарено ярким солнечным светом, никак не соответствующим тоскливой осенней погоде.

— В последний раз... ты уверен? — человек тяжело дышал.

— Да, — ответил Олег уже без колебаний.

— Идем, — человек подвел его к освещенному снаружи окну, оказавшимся на самом деле дверью.

— Тебе туда, — человек указал на дверь.

Олег взялся за ручку и потянул ее на себя. Сразу ослепил яркий солнечный свет, он услышал шум ветра, шелест листьев, плеск воды и щебетание птиц. Олег постоял в нерешительности... и шагнул за дверь.

— Иди... и будь счастлив, — услышал он за спиной.

Дверь захлопнулась. Олег обернулся. С той стороны лбом к стеклу прижался его спутник. Столько боли и чудовищной тоски было в его взгляде. Олег стоял и смотрел в его лицо, в свое лицо до тех пор, пока видение окончательно не растаяло в воздухе...

— Ну что, поехали? — спросил Олег, дернув за шнур стартера.

— Отдать швартовы! — взвизгнула Зойка и залилась счастливым смехом.

Лодка плавно тронулась и понеслась вдаль, рассекая водную гладь августовского озера...

...

— Этот больной поступил к нам в клинику из травматологического отделения городской клинической больницы, — профессор психиатрии, пожилой мужчина с двухцветной черно-белой бородой, подвел чернокожего ординатора из Мозамбика к двери палаты, — в течение двух месяцев находится в состоянии кататонического ступора. Больной заторможен, себя не обслуживает, не реагирует на обращенную к нему речь, не выполняет инструкций, отмечается тотальный мутизм (отсутствие речи). К сожалению, ни психотропная, ни инсулинокоматозная, ни электросудорожная терапии не привели к каким-либо положительным сдвигам в состоянии больного. Тем не менее доктор Островская, — профессор кивнул на эффектную брюнетку в белом халате с родинкой-мушкой на щеке, сидящую возле кровати Олега, — не теряет надежды... Да, дорогой мой, сложный случай, доложу я вам... Но пройдемте дальше...

Фарфоровый ангел

Официальная часть презентации нового проекта банка подошла к концу. Изячно завершив спич на шутливой ноте, управляющий банком подошел к своему заместителю.

— Павел, я отъеду, поработать надо... закончишь без меня? — Кирилл отвел зама в сторону, по пути дружески улыбаясь встреченным взглядам гостей.

— Без вопросов, шеф, — Павел скроил залихватскую мину и сделал характерный короткий жест рукой, условно означающий взятие под козырек. При сложившихся между ними отношениях подобная вольность была вполне к месту. Кирилл одобрительно улыбнулся одними глазами. В редкие свободные минуты, когда вокруг не было посторонних взглядов, они дурачились и шутили, пытаясь снять с себя нервный спазм от напряженного ритма работы.

— И еще... — Кирилл замолчал, глядя на Любу, нарочито громко смеющуюся какой-то шутке в окружении нескольких гостей. Она стояла спиной к Кириллу, и оба они прекрасно понимали, что это всего лишь демонстрация ее показного равнодушия к их очередной ссоре.

— Разумеется, — Павел перехватил его взгляд, — все будет в порядке, я присмотрю. Можешь не беспокоиться.

— Хорошо, — Кирилл перевел взгляд на Павла, — значит, завтра в восемь тридцать в офисе, есть вопросы по последней смете.

— Конечно, шеф.

Обычно Кирилл старался не упускать возможности пообщаться с потенциальными клиентами в неформальной обстановке, однако на этот раз он уехал, практически сразу по завершении официальной части мероприятия. Главное то, что проект получил ожидаемую поддержку. Гости пребывали в полном удовлетворении. Павел, правая рука Кирилла, провел подготовку и саму презентацию на должном уровне, в данный момент присутствие шефа не было уж столь необходимым. Уважаемых гостей ожидали отличная программа с последующим фуршетом — Павел позаботился обо всем.

Очередная ссора с Любой была лишь поводом для отъезда Кирилла, он никогда не позволял ничему личному влиять на его дела. В последнее время ссоры между ними стали вспыхивать все чаще, Кирилл не придавал этому особого значения, он воспринимал их как издержки совместной жизни, как нечто досадно неизбежное, но проходящее. Он знал, что совместная жизнь имеет свои законы развития, в которых присутствуют периоды обострения отношений, и важно в этот момент по возможности избегать конфликтных ситуаций. Он и избегал. По возможности. Но даже его, Кирилла, возможности не безграничны. После второго прерывания беременности в Любиных глазах что-то изменилось, какая-то теплая частичка ее взгляда замерзла и застыла кусочком льда в глубине ее огромных глаз. Она стала слишком раздражительной, в ее вопросах засквозила подозрительность. Теперь Люба старалась следовать за Кириллом повсюду, где деловая часть плавно перетекала в фуршет. Кириллу казалось, что она стала уделять больше внимания спиртному, а это уже не могло его не беспокоить. В конце концов, рядом с ним должна быть женщина соответствующая его социальному статусу. Очередное его замечание на этот счет и привело к последней ссоре.

В итоге Кирилл махнул рукой — пусть развлекается, Павел доставит ее домой через пару часов, а ему действительно надо поработать. Дела в последнее время шли как нельзя лучше. Средней руки банк под руководством Кирилла не поперхнувшись проглотил нескольких конкурентов, выиграл несколько тендеров и заключил несколько выгоднейших контрактов. Грамотно проводя операцию за операцией, Кирилл планомерно выводил банк в категорию крупных игроков на финансовом рынке региона. Не расслабляться ни на минуту — Кирилл это прекрасно усвоил и пахал, как тягловая лошадь в расцвете сил. Тем более что это приносило ему особое удовлетворение. Кирилл ощущал себя огромным пауком, видимым только избранным. Пауком, держащим в многочисленных пальцах тысячи нитей событий и судеб, полностью подвластных его воле. Стоит ему только пошевелить пальцем, и где-то близко или очень далеко случится то, что может случиться только благодаря его желанию. Он с легкостью может изменить или поломать чужие

судьбы, но он не следует желаниям, он руководствуется целесообразностью и это полностью оправдывает его в собственных глазах.

Кирилл вышел на улицу, задержался на секунду, с наслаждением вдохнув свежий морозный воздух, и сел за руль новенького джипа «субару». Он испытывал давнюю слабость к автомобилям этой фирмы, Кирилл даже пару раз участвовал в гонках на внедорожниках. Служебным автомобилем с персональным водителем он пользовался только на работе, когда в поездках приходилось, не теряя драгоценного времени, работать над документами. Сейчас ему предстояло ехать домой по почти пустому шоссе, а скорость прекрасно снимает стрессы от нервных перегрузок.

Едва слышно заурчал мощный двигатель, машина медленно съехала с пандуса и плавно вырулила на шоссе. Кирилл нажал на кнопку пульта дистанционного управления, прикрепленного к рулевому колесу. Разом заполнив пространство автомобиля тугими басами сабвуфера, со всех сторон рванулся припев прошлогоднего шлягера: «Нас не догонят». Кирилл криво ухмыльнулся, откинул голову на подголовник и резко надавил на педаль газа. Машина послушно прыгнула вперед, быстро набирая скорость.

— Нас не догонят, нас не догонят... — подпевал Кирилл, выстукивая пальцами дробь на руле. Шоссе казалось вымершим, ни одной машины на трассе, ни одного пешехода на обочине. «субару», резво поглощая километры, почти висел в воздухе. Слегка покачиваясь, на Кирилла все быстрее летела выхваченная мощными фарами перспектива ночного зимнего шоссе.

— Нас не догонят, — надрывались «Татушки».

— Вот им всем! — Кирилл энергично выставил навстречу шоссе зажатый кулак с оттопыренным средним пальцем. — Вот им! Пусть попробуют догнать!

Дальний свет фар зацепился за красно-белый указатель крутого поворота. Кирилл, сжав зубы, увеличил и без того уже опасную скорость. Поворот стремительно надвигался. Подавив в себе инстинктивное желание сбросить газ, Кирилл выкрутил руль. Несмотря на превосходную зимнюю резину, машину накренило и стало заносить на сплошную серую стену деревьев

вдоль обочины шоссе. В широко раскрытых глазах Кирилла блуждал дьявольский огонь. Сердце молотило в висках, получив изрядную порцию адреналина. Кирилл, упиваясь призрачной властью над случаем, над судьбой, действовал с точностью часового механизма. Почти уже слетев с трассы, машина выровнялась и в самый последний миг вписалась в поворот.

— Догнали, мать вашу?! — выкрикнул Кирилл воображаемым преследователям и начал плавно сбрасывать скорость.

Во внутреннем кармане завибрировал мобильный телефон. Досадуя на то, что забыл подключить его к громкой связи, Кирилл приглушил звук музыкальной системы и посмотрел на дисплей мобильного. Номер не определился. Кирилл удивленно вскинул брови, он был уверен, что это Люба хочет, чтобы он вернулся за ней в банк. Колесо «субару» угодило в яму, машину тряхнуло. Телефон, выскользнув из рук, закатился под сиденье, продолжая вибрировать и играть бравурный марш-звонок. Кирилл почти уже достал телефон, когда машина снова угодила передним колесом в глубокую выбоину в асфальте, руль резко вывернуло и автомобиль, потеряв управление, слетел с шоссе. Последнее, что запомнил Кирилл — скрежет металла, хруст лопающегося стекла, небо и земля в снежной карусели, удар, темнота...

Темнота, небытие поглотили Кирилла и держали его нескончаемо долго, пока первые слабые отголоски бытия не пробились к его сознанию далекой тупой болью. Болью, похожей на рокот приближающейся бури и отдаленные сполохи молний в черном штормовом небе. Боль подступала все ближе и уходила вместе с сознанием, едва начинавшим возвращаться к Кириллу. Наконец сознание мутным дрожащим пузырем всплыло на поверхность беснующегося океана боли, и из пересохшего горла Кирилла вырвался первый шелест-крик. Перед широко распахнутыми глазами закружил хороший из расплывчатых пятен и бликов. До слуха сквозь едва выносимые гулы в ушах и грохот сердца, донеслись какие-то звуки, отдаленно напоминающие голоса, шаги. Белые пятна замелькали перед глазами, боль сразу пошла на убыль, забирая с собой и сознание. Покой и темнота снова приняли Кирилла в свои объятия...

За окном гроыхнул трамвай, донесся шум удаляющегося троллейбуса. Изредка сигнала, проезжали мимо машины, иногда доносились обрывки разговоров проходящих людей. Среди этой типичной городской симфонии странным диссонансом звучала трель соловья из куста сирени под больничным окном. С улицы, из углового кафе, сквозь раскрытые ставни донесся запах жарящегося шашлыка. Кирилл открыл глаза. Сквозь пузырящуюся в потоке воздуха тюлевую занавеску палату заливал яркий солнечный свет. Кирилл попробовал прикрыть глаза ладонью. Не сразу, но получилось. К его рукам тонкими шлангами тянулись какие-то приборы и стоящая у кровати капельница. Кирилл не чувствовал боли, зато ощущал зверский сосущий голод, вызванный запахом печеного на углях мяса. Он осторожно повернул голову. У изголовья кровати, уронив на колени вязание, дремала в кресле его мама, Вера Николаевна. Осунувшееся лицо с темными кругами вокруг глаз говорило о том, что она проводит почти все свое время, дежуря у его кровати. Кирилла поразило то, как резко постарело ее лицо. Господи, как же давно он не видел ее лица!

В последние годы он почти перестал ее навещать, ограничиваясь редкими поздравлениями и ничего не значащими разговорами по телефону. Мама сама звонила ему, интересовалась Любой, его здоровьем, а он старался быстрее закончить разговор и вернуться к прерванным делам. Как же он был к ней несправедлив, как мог так очерстветь, почти забыв родное лицо! Лицо, которое видел в трудные минуты своего далекого детства и которое первым увидел сейчас. К горлу подкатил удушливый ком. Вера Николаевна, почувствовав на себе взгляд, открыла глаза.

— Кирилл! Кирюша! — мама схватила сына за руку, по ее щекам потекли слезы.

— Мама, все нормально, — скорее прошептал, чем сказал Кирилл, — не плачь... какой сейчас... месяц? — Кирилл покосился на раскрытое настежь окно.

— Май, Кирюша. Три месяца прошло, как ты... — голос Веры Николаевны дрогнул, задрожали губы — как тебя нашли на шоссе.

— А Люба где? — прохрипел Кирилл.

— Ты отдохни, Кирюша, тебе нельзя много говорить, — засуетилась мама, поправляя подушку. — Люба приходила. Несколько раз приходила. И Павел приходил. Ты отдохни, сынок.

Кирилл повернул голову в другую сторону. В углу палаты стояло новенькое моторизованное инвалидное кресло фирмы Майра, больше напоминающее минитрактор на резиновом ходу.

— Что это? — Кирилл с удивлением смотрел на чудо инвалидной техники.

— Это Павел привез, — мама говорила неестественно веселым тоном, — немецкое, с моторчиком, правда, название смешное — какой-то «примус».

— А зачем мне... — Кирилл осекся, только сейчас он понял, что не чувствует тела ниже пояса.

— Как же... — выдохнул он. Комната качнулась и поплыла в сторону, Кирилл закрыл глаза...

Дни потекли унылой чередой, один за другим, серые, безликие. Кирилл впал в состояние глубочайшей апатии, граничащей со ступором. Он ел, отвечал на вопросы, чаще невпопад. Смотрел новости, не понимая о чем говорят ведущие. Жизнь потеряла для него всякий смысл. Он молча воспринял весть о том, что совет директоров назначил Павла новым управляющим банком. Кирилл не выразил никаких эмоций, когда Люба, отводя взгляд, сказала, что хорошо бы ему пожить с мамой, лучше нее никто не сможет вести за ним уход. Кирилл только спросил равнодушно:

— Павел? — Люба ничего не ответила, но так и не посмотрела ему в глаза. — Ну что же... ты ничего не потеряла, верно? — Кирилл отвернулся к окну. Люба еще некоторое время постояла молча, ожидая чего-то. Затем поцеловала Кирилла в висок и тихо ушла, плотно затворив за собой дверь. Потом приходил Павел, пытался хохмить, изо всех сил скрывая смущение. Извинялся, что новый джип не «субару», а «майра», понял, что неудачно сострил, покраснел и засуетился по делам, обещая вскорости навестить снова. Кирилл на все равнодушно кивал головой, или отворачивался к окну, разглядывая верхние ветки отцветающей сирени.

Систематически в палату заходил лечащий врач в окружении сопровождающего медперсонала. Неизменно бодрым тоном он справлялся у Кирилла о самочувствии, делал какие-то записи в истории болезни и уходил, оставляя после визита ощущение набившей оскомину, ничего не значащей театрализованной постановки под названием «ежедневный обход». Врач давно уже ничего не обещал, а Кирилл давно уже ничего не спрашивал, он знал, что в его случае надеяться не на что. Дальнейшая госпитализация Кирилла потеряла смысл, и вскоре Кирилл перебрался из больницы в трехкомнатную квартиру на первом этаже старого кирпичного дома в центре города, где в последние годы жила в одиночестве его мама. Средств на безбедное существование у Кирилла хватало, по заказу Веры Николаевны в подъезде и квартире переделали двери, соорудили удобный съезд с лестничного пролета. Кирилл научился управлять коляской и теперь мог самостоятельно выезжать в любое время на прогулку. Сначала его сопровождала мама. Она без умолку рассказывала ему сплетни, услышанные от соседей, или пересказывала последние новости. Кирилла это мало интересовало, точнее сказать, не интересовало вовсе. Он отделил себя от остального мира, выстроил стену, за которую не пускал никого, кроме Веры Николаевны. Кирилл настойчиво уходил от старых знакомств и, в конце концов, его оставили в покое. Затем он стал выезжать на прогулку один, объясняя маме, что ему необходимо что-то обдумать в одиночестве. На самом деле он ни о чем таком не думал, а просто загонял коляску под старый тополь в уютном зеленом дворике, и часы напролет просиживал, уставясь в одну точку или наблюдая за бабочками, пока за ним ни приходила мама. Глядя на бабочек, он думал о том, что вот они совсем недавно ползали гусеницами, теперь же легки, изящны и могут лететь, куда захочется. А у него все совершенно наоборот и ползать ему отвратительной гусеницей до скончания века.

В дождливые дни Кирилл подгонял свой «примус» к окну и часами смотрел на то, как по оконному стеклу сбегает струйки дождя, представляя каждую струйку чьей-то судьбой и удивляясь тому, как сливаются или расходятся эти дождевые судьбы.

По вечерам становилось прохладнее, август на исходе лета устилал дворик желто-красным ковром, тоскливо шуршащим под колесами «примуса». Дни становились короче, и Вера Николаевна приходила за Кириллом с каждым днем все раньше. В один из последних вечеров августа мама за Кириллом не пришла. Прибежала соседка и захлебываясь слезами, сбивчиво рассказала, как зашла к Вере Николаевне и увидела ее лежащей на полу. Быстро приехавшая бригада интенсивной терапии двадцать минут занималась Верой Николаевной и увезла ее в больницу. Кирилл смутно помнил, как приехал домой и там с ним случился нервный срыв. Что-то оборвалось внутри и хлынуло наружу безудержными рыданиями, перешедшими в глухой ступор. Он снова попал в ту же палату, где находился после аварии. Пока он лежал в больнице, банк взял на себя организацию похорон его матери. Несколько раз Кирилла навещала Люба. Разговора не получалось, и она быстро уходила. К моменту выписки Кирилла она подобрала ему добродушную сиделку-домработницу средних лет, и он, вернувшись в квартиру матери, не испытывал никаких бытовых неудобств.

С возвращением домой Кириллу начали сниться сны. До этого он не видел снов с момента произошедшего с ним несчастья. Теперь же каждую ночь ему снилось, что он больше не гусеница и может свободно летать над домами, над деревьями, может свободно парить, раскинув руки, подобно крыльям. Сны были удивительно яркими, красочными, он даже ощущал, как ветер треплет его волосы, остужая разгоряченное лицо. Но эти сны не доставляли ему радости. Каждую ночь он неизменно видел, как страдают и гибнут люди. А он безучастно взирает на это, будто бы находясь с ними рядом, словно протяни руку и сможешь что-то изменить... По утрам он просыпался больным, разбитым и часами лежал в кровати, отмахиваясь от предложений сиделки помочь ему перебраться в кресло. Вечера Кирилл неизменно проводил на своем месте во дворике под старым тополем.

В один из таких вечеров он сидел под дождем, наблюдая, как крупные капли, ударяясь о землю, об опавшие листья, подпрыгивают и разлетаются маленькими фонтанчиками.

— Эй, убогий, чего мокнешь? Давай сюда, — услышал он из-за кустов хриловатый голос. Кирилл не обиделся, в тоне, кото-

рым человек позвал его, не было ничего оскорбительного или насмешливого. Кирилл объехал кусты шиповника и увидел мужичка бомжеватого вида, сидящего за покосившимся столиком под грибом. Мужичок широко улыбался щербатым ртом, ожидая, пока Кирилл подъедет к столику.

— Давай-давай, — подгонял мужичок, — с торца загоняй телегу, — он показал Кириллу, куда поставить коляску, чтобы зря не мокнуть под дождем. — Тебя как звать-то?

— Кириллом, — ответил тот, загнав «примус» под грибок.

— О! Наш человек! — обрадовался мужичок. — Насчет кирнуть — это мы всегда-пожалуйста.

— Да я как-то не любитель, — пожал плечами Кирилл.

— Дык, а кто любитель? И я не любитель, я, почитай, профессионал, — мужичок хитро подмигнул Кириллу и сразу же перешел к делу. — У тебя капуста есть?

— Что? — удивился Кирилл.

— Ну, темнота, — хохотнул бомжеватый, — денежка, значит. Так это... есть маненько?

— Не знаю, — Кирилл засуетился, копошась в карманах, — было вроде что-то.

— Вроде было, — беззлобно передразнил мужичек, — кто ж так с финансами обращается? Денежка счет любит, да чтоб в дело пустить, — поучал он Кирилла, — вот мы сейчас и пустим... да ты ищи-ищи, не отвлекайся.

Наконец Кирилл зацепил бумажку во внутреннем кармане и выложил на стол смятую сторублевку. Мужичок хохотнул и потер руки.

— Ну вот, а то — вроде в огороде. Сейчас мы это дело мигом оприходуем, ежели ты не против, конечно, — бомжеватый весело подмигнул и сгреб сотню со стола.

Кирилл неопределенно пожал плечами. Мужичок достал из кармана разорванный по шву пластиковый пакет, аккуратно расправил и напялил на голову на манер капюшона.

— Одна нога здесь, другая там, — мужичок снова хохотнул. — А хорошо сказал, я ведь тоже того, калечный. Он задрал штанину, и Кирилл увидел грязный деревянный протез выше ботинка.

— Ты сиди, я мигом, — мужичок на удивление резво заковылял в сторону магазина.

Кирилл закрыл глаза, он ни о чем не думал. Отключившись от окружающего мира, он ощущал себя колоколом и просто слушал заунывный звон тоски и безысходности.

Спустя двадцать минут, бережно придерживая у груди пластиковую сумку, мужичок приковылял обратно. Еще издали Кирилл увидел его небритую улыбку во весь щербатый рот. Этот бомжеватый, калечный человек всем своим видом излучал столько энергии и негибкого оптимизма, что не улыбнуться было невозможно. Кирилл с удивлением поймал себя на том, что впервые за несколько месяцев улыбка тронула его плотно сжатые губы. Мужичок неторопливо расстелил на столике газету, выложил из пакета полбуханки хлеба и грамм триста вареной колбасы. Все это оказалось аккуратно порезано. Затем он выставил два пластмассовых стаканчика и, в заключении, жестом факира выхватил из сумки бутылку дешевой водки. Мужичок живо потер руки и сделал широкий жест.

— Прошу, — разлив водку, он выжидательно посмотрел на Кирилла.

Кирилл подозрительно разглядывал бутылку, не хватало еще в его положении отравиться.

— Не бойсь, проверенная, — мужичок верно расценил замешательство Кирилла, — я ей наоборот живот лечу, когда чего не то съем. Ложку соли разведу и о животе можно забыть.

Фраза прозвучала как-то двусмысленно, Кирилл осторожно взял стаканчик и понюхал содержимое.

— Сперва пей, потом нюхай, — подмигнул мужичек. — Ну, будь! — он разом опрокинул в рот стаканчик и с громким довольным криком шумно занюхал куском черного хлеба.

Глядя на блаженство, растекающееся по небритой физиономии собутельника, Кирилл решился. Судорожно вцепившись в кусок хлеба и крепко зажмурившись, он в два глотка осушил стаканчик. Желудок дернуло спазмом.

— Держи-держи, не отпускай! Нюхай давай! — суфлировал мужичок. — Во, упала! Молодец.

Восстановив дыхание, Кирилл открыл глаза. Мужичок за обе щеки уплетал бутерброд с колбасой. В процессе этого действия его подвижная физиономия демонстрировала такую гамму положительных эмоций, что Кирилл невольно хмыкнул. Тот

расценил это, как сигнал готовности к принятию второй дозы. Кирилл наотрез отказался от дальнейшего возлияния. Мужичок, пообивавшись для виду, продолжил трапезу в одиночестве. Его словоохотливость, подстегнутая угощением, не имела границ. Кирилл узнал, что зовут его Николаем и что живет он на чердаке соседнего дома. С чердака его дворник не гонит, поскольку Николай помогает ему в уборке. Свою квартиру мужичек продал, его жене требовалось дорогостоящее лечение. Он хотел купить квартиру поменьше, а деньги временно положил в банк, поскольку хранить такую сумму было попросту негде. Тут банк возьми и лопни. Говорят, что конкуренты разорили, только он в эти сказки не верит. Так и оказался Николай на чердаке, повезло еще, что не гонят. Паспорт украли, а жена умерла, у нее оказался рак в последней стадии, выходит, и лечить-то ее было бесполезно. Но он не жалуется, есть какая-никакая крыша над головой — и то ладно, перебивается случайными заработками, общается с разными людьми. Одним словом, живет помаленьку.

Кирилл слушал Николая до глубокого вечера, пока ни прибежала взволнованная домработница, пришедшая в ужас от его компании. Ему было тепло и уютно в этот прохладный дождливый вечер. И дело было, разумеется, не в водке, а в этом неказистом на вид человеке, потерявшем все, кроме человеческого достоинства и нестигаемой воли к жизни, человеке, излучающем такие оптимизм и жизнелюбие, что собеседнику становилось с ним рядом чуточку теплее...

В эту ночь Кирилл долго не мог уснуть, он лежал в темноте, наблюдая за бликами на потолке, и вспоминал свою жизнь. Много из того, что с ним произошло, вдруг увиделось ему в ином свете, приобрело дополнительные оттенки. А когда под утро Кирилл уснул, ему приснился пожар...

Он летел над спящим городом туда, где небо осветилось багряным отблеском полыхающего дома. Четыре нижних этажа пятиэтажного дома со всех сторон охватило ревущее пламя. Кругом стояли пожарные машины, одни пытались сбить пламя тугой струей, другие только подъехали и быстро разворачивали скатки. В мерцающем багровым заревом дворе бегали, кричали, сустились люди. Некоторые так и выскочили в исподнем, пожар застал их в кроватях.

Витрины магазина на первом этаже горящего дома выворотило взрывом, пламя там бесновалось с особой силой, выбрасывая наружу фонтаны смоляной копоти. Двор вокруг магазина усеяли чадящие автомобильные баллоны, с которых пожарные пеной сбивали огонь. Словно наяву Кирилл в ужасе взирает на результат взрыва бытового газа в шинном магазине на первом этаже жилого дома. Ему казалось, что он ощущает жар и чувствует едкий смрад горящей резины. В одном из окон занимающегося пламенем пятого этажа ему почудилась маленькая фигурка. Он присмотрелся — похоже, девочка лет девяти стояла на подоконнике. В следующую секунду окно озарилось вспышкой, полыхнули шторы, и силуэт исчез. Сквозь рев пламени и треск горящего дерева Кириллу послышались звон стекла и тонкий вскрик. Он понимал, что это всего лишь сон, что никакого пожара нет, что стоит открыть глаза и наваждение исчезнет. Он понимал... Древний пещерный страх перед разверзшимся адом сжал его сердце...

Спустя мгновение он стоял, озираясь, в горячей комнате. От раскалившегося, почерневшего и вздувшегося пола шел нестерпимый жар. Стены комнаты лизало блуждающее пламя, с потолка, укрытого потоком клубящегося черного дыма, сыпалась обуглившаяся штукатурка. Горела и дымила мебель. Девочки нигде не было видно. Кирилл попробовал ударить ногой дверь комнаты. К его удивлению дверь распахнулась, Кирилл выбежал в коридор. Он заметался в удушливом, задымленном коридоре, пытаясь отыскать девочку. За одной из дверей он услышал тихий всхлип. Эта комната еще не горела, но огонь подступал все ближе. Перепачканная сажей девочка спряталась между спинкой кровати и стеной под окном. Снаружи в окно уже бились языки пламени. Она тихо сидела в углу комнаты, обеими руками прижимая к себе куклу, как бы пытаясь защитить ее от подступающего огня. Кирилл подошел к девочке, она подняла на него глаза, полные отчаяния, и забилась глубже в угол.

— Ты что, глупая, меня испугалась? — Кирилл улыбнулся девочке. — Пошли скорей, времени нет, — он взял девочку за руку и потянул к себе.

Девочка послушно встала и пошла за ним. Дойдя до двери в коридор, она выдернула руку и бросилась назад.

— Куда? — Кирилл рванулся за ней. Тут он увидел, что девочка подняла оброненную куклу. — Не до игрушек, глупая, уходить надо.

Длинный коридор еще не горел, но от потолка вниз стремительно росло клубящееся дымное облако. Едкий раскаленный воздух обжигал легкие, девочка закашлялась. Кирилл направился к выходной двери в надежде, что бетонный лестничный пролет не так опасен. Проходя мимо одной из дверей, он услышал стук. Закрытая дверь тряслась и стучала, словно ее дергают изнутри. Почувствовав неладное, Кирилл ничком бросился на пол, закрывая собой девочку. В ту же секунду дверь слетела с петель, и в коридор с ревом рванулся фонтан пламени. Огненный шар с хлопком пролетел по коридору в сторону комнаты, из которой они только что вышли. Кирилл вскочил на ноги и попытался открыть входную дверь. Закрыто. Размахнувшись всем корпусом, он саданул дверь плечом. Дверь треснула, но не поддавалась. Кирилл размахнулся снова. Девочка дернула его за рукав, останавливая, и щелкнула замком. Дверь открылась. На лестничной площадке огня не было, но снизу поднимались копоть и дым, стало ясно, что туда идти нельзя. Кирилл, держа девочку за руку, подбежал к высокому окну лестничного пролета. Внизу, прямо под окном, он увидел несколько пожарных расчетов. Оглядевшись по сторонам, Кирилл заметил куртку, оброненную кем-то во время эвакуации. Обмотав ей руку, он ударил в окно. Огромный кусок стекла, медленно наклонившись, рухнул вниз, с громким хлопком разлетевшись возле пожарных машин. Несколько человек сразу подняли головы, Кирилл начал изо всех сил махать курткой. Их увидели, пожарники засуетились, и через пару минут в сторону разбитого окна поползла выдвижная лестница. Наконец она ткнулась в стену в нескольких сантиметрах от оконного проема. По лестнице побежал пожарник. Кирилл посмотрел на девочку, она улыбалась. Он улыбнулся в ответ и... проснулся.

Кирилл лежал в скомканной постели, мокрый от пота. Сердце ошалело колотилось в груди. Он тяжело дышал, словно действительно бегал по горящему дому. Кирилл даже попробовал двинуть ногой. Тщетно. Он криво усмехнулся и подтянулся на руках, садясь на подушки.

С этой ночи Кириллу перестали сниться кошмары. Что-то в нем изменилось. Поутихла тоска, в мире снова стали появляться краски. Кирилл вспомнил о своей замечательной библиотеке. Теперь он все больше читал по вечерам, но иногда, положив в карман сотню, выезжал во двор и с удовольствием слушал радостную болтовню Николая, мягко, но настойчиво отклоняя предложения составить ему компанию. Николай, в свою очередь, гордо отказывался от денег на пропитание, но на билет до Воронежа, где в собственном доме жила его пожилая сестра, Николай, прослезившись, согласился. Оставалось дожидаться восстановления украденного паспорта.

Близилась новогодние праздники. Кирилл впервые решил на дальнюю по его меркам поездку, он отправился на проспект, где вдоль тротуаров велась оживленная торговля праздничными подарками и елочными украшениями. Уже купив сувениры домработнице и Николаю, Кирилл собрался возвращаться домой, когда в одной из витрин он увидел поразившую его елочную игрушку. На бархатном постаменте, выложенном ватой и усыпанном блестками, среди других игрушек стоял фарфоровый ангел. И было в нем что-то завораживающее и до боли знакомое. Кирилл купил игрушку, бережно положил за пазуху теплой куртки и направился домой. Проехав метров триста, он вдруг услышал детский голос.

— Мама, мама, это он!

Кирилл обернулся. У спуска в подземный переход какая-то девочка дергала женщину за рукав и показывала на Кирилла.

— Геля, что за глупости?! — возмущалась женщина, — ты же знаешь, что никого не было. Пойдем уже.

— Нет, был, я знаю, что был, — девочка пыталась высвободить руку.

— Ангелина, перестань сейчас же! — женщина начинала все-рез сердиться.

Девочка перестала вырываться и пошла за мамой. Подойдя к ступеням, она резко выдернула руку и бросилась к Кириллу. Тот смотрел на нее, не веря своим глазам. Девочка подбежала к нему и обняла за шею. Женщина молча наблюдала за этой сценой.

— Я знала, что увижу тебя, вот и носила ее с собой, — сказала девочка, улыбаясь, и протянула Кириллу куклу, в которой он с изумлением узнал спасенную из горящего дома игрушку. Кирилл осторожно достал из-за пазухи фарфорового ангела, так похожего на девочку, и протянул ей. Девочка бережно взяла ангела, чмокнула Кирилла в щеку и побежала к маме.

— Постой, — хрипло крикнул Кирилл вдогонку, — а как...

— Надя, ее зовут Надя, — ответила девочка, махнула варежкой и скрылась с женщиной в переходе.

— Надя, — повторил Кирилл, — Надежда...

Он ехал домой совершенно счастливый. Он еще не знал, что дома зазвонит телефон и лечащий врач предложит ему рискованную операцию, но он совершенно точно знал, что жизнь продолжается, и теперь у него все будет хорошо.

Мари Веглинская (Светлана Сударикова)

Родилась и живу в Москве. Писать начала еще в школе, однако серьезно подошла к этому процессу лишь много лет спустя, примерив не одну профессию. Некоторое время работала на телевидении, пробовала себя в качестве журналиста, секретаря, и, наконец, индивидуального предпринимателя. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Пишу прозу. Была неоднократным победителем в различных сетевых конкурсах. Стихи в прозе были опубликованы в альманахе «Апполинарий». Член международного союза писателей «Новый современник».

Запах каури

Ты была на кухне и не слышала, как тихо открылась дверь, и он бесшумно проник в комнату. Ты готовилась к празднику, и в твоей голове одна за другой сменялись картины будущих блюд, которые ты выставишь на стол, чтобы поразить гостей их вкусом и великолепием. Ты улыбалась, помешивая в кастрюле кипящий бульон, затем чуть отхлебнула, добавила немного соли и застыла в размышлении — стоит ли положить еще специй. Ты была так увлечена, что не почувствовала чужого запаха, уже заполнившего нашу маленькую квартирку. Ты ничего не слышала, хотя слух у тебя был отменный.

Тот, кто пробрался в наш дом, шел очень тихо. Даже не шел — крался. Его лицо скрывала черная маска, пряча эмоции, и только глаза с припухшими веками, разрезом напоминающие каури, на мгновение сузились, когда он, оказавшись за твоей спиной, быстро и уверенно острием тонкой стали проколол клетки твоего тела, вспоров сердце. Затем он вытащил нож,

слизнул с него кровь и, не вытирая, спрятал в ножны. Он очень любил этот нож, подаренный ему отцом в детстве, и никогда не расставался с ним.

Потом человек в маске исчез. Так же беззвучно, как появился, растворившись в темноте подъезда и не оставив никаких следов.

А ты тем временем медленно сползла на пол, и темно-красное пятно окружило тело кровавым ореолом. Ты даже не успела испугаться. Но все же в последний момент почувствовала что-то неладное и хотела обернуться, но было поздно — ты увидела лишь тень занесенной над тобой руки, и даже не успела понять, что это, когда мгновенная и мимолетная боль проглотила тебя и тут же ушла, вместе с теплом души, оставив на полу остывающее тело.

Я нашел тебя вечером, когда вернулся с работы. Ты была мертва много часов, и тело совсем заостенело — хрупкие пальцы не разжимались, и мое горячее дыхание не могло их согреть. Изо всей силы я стискивал твою руку в безумной попытке прощупать пульс, но ты уже не знала боли. Ты смотрела мимо меня куда-то вверх, куда устремилась твоя душа — мой взгляд проследил ее путь. Я долго не отпускал твою руку в бессмысленной надежде отправиться вместе с тобой. Увы, ты оставила меня здесь. Не понимаю, чем заслужил такую немилость...

Что было дальше, помню плохо: беспорядочное мелькание незнакомых лиц, обрывки фраз, вспышки фотоаппарата, бессмысленный допрос на кухне, были ли у тебя враги, нет, не знаю, может быть, не понимаю, устал, простите... а дальше ночь. Она была душной, черной и вязкой, как нефть, она липла к лицу, стекая капельками пота, и резала глаза лазером звезд. А еще был запах.

Я почувствовал его сразу, как только вошел в квартиру, ошибочно уловив среди смеси из запахов неприготовленной еды, твоих духов, выстиранного белья и прочих ароматов нашего дома. Он был чужой и таил в себе нечто пугающее, некую консистенцию опасности и даже ужаса. Этот запах вызвал массу ассоциаций, неясных, расплывчатых, бессмысленную череду разнообразных кадров, мгновенно промелькнувших перед внутренним взором, но одну из этих картинок я отчего-то сумел

поймать, когда она уже почти исчезла под наложившимся на нее другим кадром — это была крохотная пестрая раковинка каури, лежащая на песке среди редких водорослей. Море и каури — почему-то именно они прочно связались с загадочным запахом. Я так и окрестил его — «запах каури». Поначалу мне подумалось, что это дух смерти, оставленный тобой напоследок, но потом стало понятно: нет, к тебе это не имеет отношения. Это действительно запах смерти, но не твоей.

Я не имел понятия, что буду делать с этим запахом, точнее с его ощущением, но уже тогда откуда-то твердо знал две вещи: во-первых, мне не забыть его никогда, и, во-вторых, что особенно важно, он непременно понадобится мне, зачем, для чего, когда — не важно. Главное, его время придет. И я аккуратно упаковал его, положив на дно сознания, чтобы при случае извлечь.

Потом были похороны. Правда, еще до того момента, как над тобой сомкнулся черный занавес мокрой от дождя земли, произошло одно очень важное событие, чуть пролившее свет на загадочный запах. На следующее утро я проснулся с четким ощущением безысходности, но выход был необходим. В мое сознание уже просачивались мысли о мести, как лезут из земли после дождя черви, но я их пока не видел, а только ощущал. И вдруг в одно мгновение я возненавидел всех женщин, живущих на этой планете. Почему? Не знаю. Они живы, а ты нет, они возвращаются домой и готовят своим мужьям, сыновьям, братьям вкусный ужин, а ты, голая и беспомощная, лежишь в холодном морге с насильно закрытыми глазами. Я вышел на улицу и стал вглядываться в лица попадавшихся мне навстречу женщин. Они были разные: красивые и не очень, морщинистые и неприлично гладенькие, обрюзгшие и подтянутые, обезображенные улыбкой или подпорченные мимикой скорби — и все в равной степени мне ненавистные.

Так бродил я до самого вечера, пока совершенно случайно не зашел в сквер, где собирался присесть и немного отдохнуть, но вдруг увидел девушку, жутко похожую на тебя. Я онемел и на мгновение застыл, пораженный видением, но затем взял себя в руки и двинулся за ней следом. Девушка шла довольно быстро, похоже, куда-то торопилась. Ее бедра, стянутые узкими джинса-

ми, пышный хвост каштановых волос, прыгающий из стороны в сторону, и это движение рукой, когда она поправляла сползавшую с плеча сумочку — боже, все это так напоминало тебя! Мне кажется, я даже заплакал. Да, и еще куртка, точь-в-точь, как у тебя, с таким же фиолетовым мехом на капюшоне. Пожалуй, незнакомка была чуть повыше и немного худее.

Довольно долго я шел поодаль, стараясь не отставать и в то же время держаться не слишком близко, но когда увидел выход из сквера, почти побежал, обогнал девушку, и теперь следовал немного впереди, время от времени оборачиваясь, чтобы лучше разглядеть ее лицо. До чего вы были похожи! Те же глаза, та же форма рта, нос, уши — копия. Я почти задышался, почти терял сознание, пытаюсь унять рвущее клетки сердце. Откуда-то доносились голоса, они то приближались, то удалялись, они что-то говорили мне, в чем-то убеждали, а потом терялись в крещендо других звуков, таинственных и пугающих. Или мыслей. И вдруг: девушка стоит напротив, я даже чувствую ее дыхание. Как? Почему? Не помню.

— Что вам нужно? — в ее голосе нет испуга, скорее раздражение.

Воздух густой и вязкий, в нем плавают искаженные блики фонарей и кружатся похожие на медузы листья, плоское лицо луны кроит нелепые гримасы.

И вдруг чьи-то ледяные руки касаются моих взмокших плеч, и я мгновенно прихожу в себя. Как можно было принять это разукрашенное чучело за тебя?! Господи! Эта всего лишь жалкая пародия, вульгарная и ничтожная, ничего общего не имеющая с твоей нежностью и скромностью. И каштановый цвет волос оказался обманом: эта тварь красила волосы, у корней они отрасли, безжалостно обнажив естественный пегий цвет, а ты не красила волосы никогда. Вероятно, освещение сыграло со мной злую шутку. Решение пришло мгновенно — нет, эта кукла не должна жить, она просто не имеет права ходить по земле и портить мои воспоминания о тебе. Ничего не ответив, я плотно обхватил ее горло пальцами и стал сдавливать, все более сокращая радиус. Она пыталась сопротивляться, сначала агрессивно, пустив в ход ногти — эта сучка исцарапала мне лицо — потом все слабее и слабее. Девушка чмокала губами, как рыба, видно, пыталась кри-

чать, и вдруг посмотрела на меня, молитвенно сдвинув брови. Она просила пощады. О, нет, дорогая, не подумай, мне нисколько не было жаль ее. Мои пальцы еще сильнее сдавили ее шею. Она отяжелела и обмякла. Я опустил тело на асфальт и на всякий случай обнюхал. Нет, от него не исходил запах каури. Но именно в тот момент вдруг произошло прозрение: запах каури — это запах мужчины.

Потом я помню себя уже дома. Неразобранная кровать, занавески не задернуты, за окном ночь и выстрелы автомобильных фар, время от времени пробивающие мое жилище. Я лежу на кровати, упершись взглядом в потолок, и в моем сознании нет ни одной мысли — абсолютная тишина. И только где-то далеко-далеко, слева, легкая вибрация, словно что-то пытается достучаться и именно через это место войти в мой разум. Запах. Это запах. Я и понимаю и не понимаю это, только продолжаю лежать, краем сознания вслушиваясь в эти вибрации. А потом сон. Глубокий, без сновидений, черный, как бездна. Но это только казалось, что мой сон был однообразным по цвету и составу, на самом деле в подкорке мозга шла работа, и результат этого труда предстал передо мной в момент пробуждения. Он проник в меня вместе с сырым предраассветным полумраком, как только я осознал, что уже не сплю.

Я лежал, все так же глядя в потолок, наверное, спал с открытыми глазами, и голова была все так же пуста. Но вот какая-то пока еще неясная мысль постепенно вползла в сознание и стала расти. Она росла быстро и напористо, не отступая ни на мгновение, пока я варил кофе, делал бутерброд с сыром, мыл посуду и вытирал со стола, она заслоняла собой все остальные мысли, парализуя их, просто не позволяя сосуществовать с собой рядом. Она была похожа на паззл, и я элемент за элементом собирал ее в единое целое, пока не составил всю картину целиком. Эта была мысль о мести, ясная и прозрачная, как кристалл.

И тогда я услышал твой голос, ясно, отчетливо, не в подкорке. Наяву. Ты говорила откуда-то слева, как раз оттуда, где вчера вечером я ощущал вибрацию, говорила спокойным ровным голосом, все как обычно. Ты сказала, что мстить не надо, что это бессмысленно и опасно, что я слаб и вряд ли смогу хоть кого-то обидеть, что нужно просто все забыть и попытаться наладить

жизнь заново. Ведь время, сказала ты, лечит даже самые глубокие раны, а рубцы... так и с рубцами жить можно. Еще ты сказала, что милиция работает по этому случаю, и справедливость непременно восторжествует.

Я молча слушал, боясь оглянуться, потому что разум уверял меня — там никого нет, только опустевшее без тебя пространство нашей с тобой комнаты. Но ведь это был твой голос! Я его слышал. Да и мог ли я тебя послушаться? Тем же днем, побрившись и надев лучший костюм (помнишь, он был на мне, когда мы в последний раз посещали театр... какая же была пьеса? Ах, да: «Пара слов о господине Мольере». Ты тогда осталась очень довольна) я направился в милицию. Они встретили меня утрюмо и безрадостно. Совершенно очевидно, сказал один из них, что убийство заказное. Кому могла перейти дорогу ваша жена? Да, мы, конечно же, ведем расследование, у нас даже есть кое-какие наметки. Но вы же понимаете, заказные убийства — это почти нераскрываемо, к тому же ваша жена не вип-персона, но мы обещаем сделать все возможное. Он продолжал говорить, но меня не интересовали слова, ложившиеся сухими строчками на лист протокола, я думал о другом — видят ли они, что перед ними убийца? Ведь несколько дней назад я задушил девушку. Что думают они, глядя на мои нервно вздрагивающие пальцы? Что чувствуют? Что ощущают? Они не ощущали и не чувствовали ничего. А значит, они никогда не раскроют твое убийство. Тогда я встал и, не дослушав, вышел из кабинета. Долго и бесцельно бродил по мокрым осенним улицам, пытаюсь определить направление своей мести. Что же все-таки нужно делать? Убивать женщин, теперь ненавистных мне? Или кого-то еще? А, может быть, умереть самому? Нет, не то. Я должен найти тех, кто убил тебя, кто причинил тебе хоть и мгновенную, но очень сильную боль, кто отнял тебя у меня. Но как? Где найти следы, что выведут на убийцу? Как узнать этого подонка? Ведь у меня на него ничего нет. Ни примет, ни признаков... стоп! Ну, конечно! Как я не понял раньше! Это же очевидно — запах. Только он, этот неповторимый, ни на что не похожий запах каури, оставленный убийцей в нашей квартире, поможет мне отыскать его среди миллиардов людей, живущих на этой планете. Я еще не знал, как и где его искать, но у меня была нить,

которая, несомненно, выведет меня из лабиринта неизвестности к истине. И тогда я убью убийцу.

Продрогнув и промокнув насквозь, я зашел в ближайшее кафе, чтобы выпить чашку горячего чая и собраться с мыслями. Это было прокуренное, неуютное заведение — ты не любила такие. Тебе нравились открытые веранды, освещенные пламенем дрожащих на ветру свечей, особенно где-нибудь на море. Помнишь, этим летом, на Крите, ты особенно облюбовала маленький бар, где все двенадцать дней нашего пребывания на этом острове ты брала бокал местного белого вина и смотрела на закат, всегда одинаковый и в то же время так не похожий на предыдущий. Ты взяла с собой двенадцать платьев и каждый вечер появлялась в новом. Мне особенно запомнилось белое с пышными оборками на юбке. Помнишь, ты бежала в нем по прибрежному песку и вдруг нашла маленькую коричневую раковину каури. Ты была так счастлива, словно это не кусок застывшего известняка, а бесценное сокровище. Как странно, что смерть твоя связана с запахом моря, которое ты так отчаянно любила...

И вот я сидел в кафе, вдыхая запах чужих сигарет, и думал. Кто, кто мог тебя убить? И почему? Со мной это не могло быть связано. Кто я такой? Жалкий инженер с постыдно маленькой зарплатой, прозябающий в забытом Богом конструкторском бюро и иногда подрабатывающий ремонтом компьютеров и восстановлением сожженных вирусом файлов. Нет, я точно не переходил никому дорогу. Значит, это как-то связано с твоей работой. Я стал судорожно рыться в памяти, пытаюсь припомнить хоть что-то, что укажет мне путь к истине. И вдруг вспомнил.

Как-то около месяца назад ты вернулась с работы несколько озадаченная и сказала, что видела на столе у шефа очень странные бумаги. Все вышло случайно. О, эти роковые случайности! Он ни за что бы не оставил столь важные и компрометирующие документы на столе, но его жена с сыном попали в автокатастрофу — всего лишь пара переломов и легкое сотрясение мозга у обоих. Однако ему позвонили из больницы, не сообщив толком ничего об их состоянии, и он тут же бросился туда, не убрав в сейф бумаги. Он вспомнил о документах и очень быстро вернулся, чтобы спрятать. Но ты уже читала их. Зачем? Ты ведь вошла к нему в кабинет, чтобы убрать чашки из-под кофе. Что

заставило тебя подойти к столу, открыть папку и бегло просмотреть? Просто ты подумала, что он оставил бумаги для тебя, для работы, ведь он никогда и ничего не забывал на рабочем столе. И вот он вошел. Ты вздрогнула, тут же закрыла папку и нервно улыбнулась, затем пролепетала что-то об обеде и недоделанных отчетах. Он смотрел на тебя, молча, испытующе, хотя уже твердо знал — ты в курсе, о чем идет речь. Смущенная, растерянная ты вышла из кабинета, пытаясь выбросить из головы полученную информацию. Но это было невозможно, вы знали это оба, и твой смертный приговор был подписан. Хотя ты и не подозревала об этом. И время повело обратный отсчет, вписывая в календарь нашей жизни последние дни, которых становилось все меньше. Ты еще смеялась, встречалась с друзьями, ходила в театр и смотрела веселые фильмы, но место в морге уже было для тебя забронировано.

Нет, я не бросился, как очумелый, сводить счеты с твоим бывшим начальником. Зачем? Я спокойно все продумал, без нервов, без паники и лишней суеты, прежде чем постучаться к нему в дверь. Мне было абсолютно не важно, что именно содержалось в тех документах, хоть они и убили тебя, какое мне дело до чужого бизнеса, я просто хотел узнать, как мне выйти на человека с запахом каури.

Если бы ты знала, как долго мне пришлось ждать! Почти год. Но терпение мое не иссякало. Я наблюдал за каждым движением того, кто тебя заказал, составил подробное расписание его жизни, и мог рассказать, что делал он в каждый из этих дней. Понадобилось выстроить множество планов, ведь подобраться к этому человеку через стену телохранителей было невероятно трудно. Однако я знал, что смогу преодолеть эту стену.

И вот, наконец, настал тот день, ради которого я бросил работу, посвятив себя бесконечной слежке. Он был единственным, этот день, ждать второго такого же пришлось бы долго и, скорее всего, напрасно, так что упустить этот шанс я не мог себе позволить.

Твой бывший шеф оставался один — всего на сутки — его жена и дети отбыли куда-то за границу и завтра он уезжал к ним. Но сегодня он был моим. Милая Женечка, если бы ты знала, какой простой и жалкой оказалась сигнализация в его

доме! Мне потребовался мой ноутбук и пара устройств, которые я собрал из деталей, приобретенных за бесценок на радио-рынке. Я без труда отключил сигнализацию, быстро пробрался в дом, подключил устройство заново и затаился. Теперь мне оставалось только ждать, молча, неподвижно, чтобы датчики не сработали на движение.

Наконец, он пришел, отпустил охрану, достал из холодильника пиво и, развалясь в кресле, включил какой-то порнофильм. До чего он был омерзителен! Бедная моя, как ты могла столько лет терпеть его изо дня в день. Расстегнув ворот рубахи и ослабив галстук, тот, кто распорядился вычеркнуть тебя из жизни, выпятил жирное пузо и довольно осклабился. Он был счастлив, так счастлив, что даже не заметил, как я подошел сзади и набросил на его шею тонкий шелковый шнурок цвета твоих волос. Поначалу я сжал его некрепко, но с достаточным усилием, чтобы напомнить: *memento mori*. Он понял меня, выкатил глаза и замахаля руками. Я чуть ослабил сжатие.

— Что вы хотите? — прохрипел он.

Я ничего не ответил, только обнюхал его. Сквозь дорогой одеколон пробивался омерзительный запах его плоти, стусившийся за целый день работы. Но это не был запах каури, это был просто его собственный запах, чуть солоноватый и немного кислый, смесь мочи и пота. Мне стало противно, и я отпрянул, что чуть не погубило меня, поскольку он мгновенно сориентировался и попытался освободиться. Он схватил меня за руки уверенной и сильной хваткой, никак не вяжущейся с его обрюзгшей фигурой, и почти победил, но некая сила, заставлявшая меня часами на протяжении года следить за каждым его движением, вдруг пробудилась внутри меня, и я снова затянул шнурок на его шее, только теперь уже туго. Он стал судорожно всхрипывать, чуть обмяк и почти уже потерял сознание, тогда я позволил ему вдохнуть. Прокашлявшись, он снова прохрипел, но теперь уже безнадежно.

— Вам нужны деньги? Возьмите, они в сейфе, я назову вам шифр.

Милая, почему эти жалкие людишки думают, что все можно купить, обменять любовь, надежду, красоту на сухие бумажные купюры, от которых тепла, если растопить ими печь, хватит

всего лишь на несколько минут? Я никогда не понимал этого, и сейчас, когда он висел на волоске от смерти, был потрясен его предложением.

— Зачем мне деньги? — удивился я. — Я хочу знать, кто убил мою жену.

— Я не убивал вашу жену, — снова прохрипел он, но теперь в его хрипе зародилась надежда. Глупец, он не знал, что его смертный приговор, так же, как и когда-то твой, уже подписан.

— Тогда кто ее убил?

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Шнурок ту же стянул его горло, но он умоляюще замахал руками, и я понял — ведь ты могла быть не единственной.

— Евгения Слесарева, — отчего-то прошептал я.

— Я не убивал ее, — он протестующее поднял руку, — и не имею к ее смерти никакого отношения!

Неправда! Он лгал, играя со мной в одну старую и добрую игру — тянуть время. И тогда я вспомнил тебя, твои глубокие серые глаза, устремившие взгляд вслед улетающей душе. Не знаю, что со мной стало, просто не помню. Помню только, что безжизненная гора, еще минуту назад бывшая... нет, уже не твоим — чьим-то шефом, валяется у моих ног, как падаль, никому не нужные отбросы с вывороченными яблоками глаз.

— Черт, черт, черт!

Мой кулак с грохотом опустился на стеклянный столик, разбив его вдребезги — ты не поверишь, каким сильным я стал. Как можно было совершить такую глупость, ведь он — единственная нить, которая непременно должна была привести меня к убийце?!

Потом я успокоился, положил шнурок в карман и принялся обыскивать дом: каждый сантиметр подвала, чердака, гаража, спален, гостиной, кухни, туалетов и ванн. Ничего, что могло бы указать путь к моей цели, найти не удалось, и, когда надежда окончательно покинула меня, ноздрей вдруг коснулся смутно знакомый запах. Я осторожно двинулся в его направлении, пригнувшись, как дикий зверь, напавший на след добычи. Рядом со мной, на камине, лежала записная книжка — как я не заметил ее сразу? Ведь именно она источала тот самый запах — запах каури! Аккуратно положив книжку в пакет, чтобы не растерять драгоценный дух, я бесшумно покинул дом.

После долгого изучения этой книжки и звонков по многочисленным номерам обнаружилось три телефона, показавшихся мне странными, где вписанный владелец не совпадал с реальным владельцем номера. Два вскоре отпали — это были номера его любовниц; остался один. Я записал его на листке бумаги, отложил в сторону, и время от времени рассматривал, пока, наконец, не решился позвонить. Не буду утомлять тебя подробностями и рассказывать, как, в конце концов, следуя по цепочке теней, имеющих лишь голоса и цифры телефонных номеров, вышел на убийцу. Ты и представить себе не можешь, как четко и лаконично работает эта система! Система ликвидации неугодных людей, среди которых волею случая оказалась и ты.

Его звали Лене́й (имя, разумеется, вымышленное), но это не имело значения. Это был убийца, твой убийца, в этом я не сомневался и поклялся его найти. И нашел.

Первый разговор был кратким. Он отправил мне е-мэйл, по которому нужно связаться. Я выполнил его просьбу, написав, что хочу избавиться от некоей надоевшей мне особы. Он сказал, что свяжется со мной в ближайшее время. Так оно и вышло.

«Кто этот человек?» — спрашивал он. Я ответил, что готов прислать фотографию. «Свяжемся позднее», — написал он и отключился. Углубившись в компьютерные дебри, я немедленно проверил, откуда исходило сообщение. Сообщение пришло из одного Интернет-кафе. В следующий раз он прислал сообщение из другого Интернет-кафе, затем из третьего. Он никогда не выходил на связь из одного и того же места, но все адреса были в одном районе. Этот парень был вовсе не так умен, как ему казалось. Он носил за поясом нож со следами крови своих жертв, подаренный ему когда-то отцом, любил крашенных блондинок и хорошее виски, ничего не боялся и легко убивал любую жертву, он был безжалостен и бездушен, и при этом совершенно глуп. Я узнал адреса всех Интернет-кафе, находящихся в данной местности и примерно определил, где он может жить, а потом тянул время, бессмысленно торгуясь с ним, чем почти что довел его до бешенства. Но он, тем не менее, не отказывался от работы. Наконец, мы договорились о цене, и он должен был в последний раз выйти на связь, чтобы обсудить аванс и получить от меня информацию о жертве. В моем

списке оставалось одно место — по моим подсчетам он должен был придти именно туда.

В назначенное время я распахнул прозрачные двери кафе, прочитал про себя молитву и вошел внутрь. Больше всего пугало то, что моя теория окажется беспочвенной, и тогда все придется начинать заново. Я сильно нервничал, но держал себя в руках. В кафе было всего три человека, одна девушка и два парня, что еще более сузило круг подозреваемых. Девушка исключалась сразу — она была слишком толста и неповоротлива, чтобы незаметно к тебе подкрасться. Оставались парни. Один что-то изучал, глядя в экран, время от времени посмеивался и начинал что-то быстро печатать, видимо вел с кем-то приятную беседу. А вот второй то и дело поглядывал на часы, вел себя как-то нервно и неестественно. И я понял — это он. Парень высокого роста, почти выбритый наголо, в высоких черных ботинках и черной кожанке — он был настоящим убийцей. Но я его не испугался — сел рядом и стал краем глаза наблюдать за ним. Парня явно что-то беспокоило, он не знал, куда деть руки, то и дело теребил мелкую щетину бритых волос, хватал телефон, словно проверяя, не пропустил ли звонок, а когда ему, наконец, позвонили, схватил трубку, напрягся, но тут же на его лице проступило разочарование. Он отвечал только «да» и «нет», и непонятно было, о чем разговор, да меня это и не интересовало, ведь он рядом, а это главное. Заказчик не выходил на связь, и парень занервничал — еще бы, пропадала такая сумма, срывалась такая сделка. А я сидел за соседним столом и внутренне улыбался, потому что точно знал — все подходит к концу. Хотя что-то смущало меня, но, что именно, неясно, словно бы недоставало какой-то маленькой детали, совсем крохотной, но очень важной. И вдруг мне стало грустно. Столько времени и сил посвящено тому, чтобы найти его, и вот теперь, когда он был на расстоянии вытянутой руки, не подозревая, что теперь он — жертва, а палач — я, в моей душе что-то лопнуло, и образовалась зияющая пустота. Мир мгновенно стал безликим и одноцветным. Сегодня, или завтра, или послезавтра, существенного значения это не имеет, я убью его, а что делать дальше? Как жить? Само слово «жизнь» больше не вызывало трепета, а смерть... Что мне ее бояться? Ведь я был уже мертв. А что тело мое еще двигалось, хотело спать и есть, ничего не значило. Меня охватила тоска. За

дверьми этого кафе меня больше ничего не ждет. Там нет неба, солнца, цветов, музыки, красивых женщин — НИЧЕГО. Только мрак, такой же, как в моей душе. Еще немного, и он накроет меня бесцветным покрывалом смерти. Ибо иного выхода нет. Я машинально простучал по клавишам и вновь посмотрел на него. Он все так же нервничал, посылая кому-то (конечно же, мне!) письмо, на которое не придет ответа. Тогда я взял себя в руки и мысленно досчитал до десяти. Нет, рано думать о своем будущем, сперва надо довести дело до конца.

И вдруг в нос ударил запах — запах каури. Я вздрогнул. Ну, конечно! Как я мог о нем забыть! Вот она — недостающая деталь. Вот только запах исходил не от бритоголового. Этот парень был чист. И, наблюдая за ним, я не заметил, как настоящий убийца вошел и сел неподалеку от меня. Худощавый, смуглый, с блестящими черными волосами и глазами с припухшими веками, похожими на каури, он производил даже приятное впечатление. Такие нравятся женщинам. На какое-то мгновение я заколебался, но запах... Запах не оставлял сомнений. Он набрал мне письмо и теперь ждал ответа. Убийца был абсолютно спокоен, не подозревая, что тот, кому он пишет, уже рядом. Я смотрел на него, застыв от какого-то непонятного мне чувства то ли безысходности, то ли ужаса, а он спокойно сидел, погрызывая ноготь указательного пальца правой руки. Он несколько раз отправлял письмо, но, не получив ответа, чуть озабочился. Теперь с его лица сползла маска спокойствия, и он занервничал. И тогда я подошел к нему:

— Не нужно тратить время зря, я уже здесь.

— Не знаю, кто ты.

Он тут же встал и направился к выходу. Я догнал его и, не зная, что делать, схватил за рукав, как последний идиот.

— Ты убил мою жену! — прокричал я на все кафе.

Меня охватила паника. Что делать с громиллой в кожаной куртке, было абсолютно ясно, а перед этим человеком вдруг возникла растерянность. Я понимал, что совершаю глупость, и все сделанное до этого напрасно, ситуация больше неподконтрольна мне, я упустил из рук птицу счастья и не смогу отместить за тебя, дорогая. Я хватал его за рукав и орал:

— Ты убил мою жену!

— Пошел вон! — прошипел он и выбежал из кафе.

Я бросился за ним. Все что я мог, это вопить на всю улицу, привлекая внимание прохожих:

— Ты убил мою жену!

Люди оборачивались и останавливались, глядя на столь странную картину. А я все бежал за ним, но он безнадежно удалялся — он был ловчее и быстрее меня. Прости, я ничего не мог поделать.

Но видит Бог, дорогая, справедливость все же восторжествовала. Когда последняя капля моей надежды упала на асфальт, и была раздавлена моим же ботинком, из-за поворота вдруг выскочил громадный черный джип, сбил парня и, даже не притормозив, умчался прочь. Я только молча и недоуменно смотрел на тело твоего убийцы. Да, да, именно тело. Он был мертв, в этом не было сомнений. Асфальт забрызгали его мозги, смешанные с густой, почти черной кровью, а у раздавленного правого бедра лежал нож, источающий запах каури. Я подошел, взял нож и немедленно двинулся прочь, воспользовавшись суетой.

Зачем я взял нож? Я не знаю, милая. Ведь на нем была твоя кровь и запах каури, так долго преследовавший меня. Какое-то время я бродил по городу, время от времени вынимая нож, потом убирал снова, пока уже под утро, измотавшийся до предела, не бросил в какой-то водоем. Я выполнил свою миссию, и теперь, наконец-то, готов был встретиться с тобой.

— Ну, что ты об этом думаешь?

Полина Яновна внимательно посмотрела на мужа.

— Что я могу сказать, — пожал плечами Яков Борисович, — у человека убили жену, и он в отчаянии совершает акт мести.

— Нет, — Полина Яновна вздохнула, — тут что-то другое. Понимаешь, эти записи не пролили свет на его личность. Мы ведь так и не знаем, кто он. Его подобрала милиция, думали пьян, разобравшись, направили к нам. Его доставили с явными признаками шизофрении. При этом он ничего не мог сказать о себе. Он был хорошо одет, знаешь, такое дорогое пальто, совершенно новые черные перчатки, прекрасный костюм, между прочим, «Версаче», крахмальная белая рубашка, вычищенные ботинки, шелковый галстук «Дольче и Габанна». Как-то слиш-

ком дорого для безработного мстителя. Первые две недели его преследовали галлюцинации самого разнообразного характера, он все время кого-то видел, с кем-то разговаривал, пугался, спорил, потом вдруг впадал в глубокую апатию и подолгу молчал, глядя в потолок немигающим взглядом. Но медикаментозное лечение все же дало результаты, и он постепенно стал восстанавливаться, а потом и вовсе повеселел, стал разговорчив, внимателен, обходителен, знаешь, этакий князь Мышкин. Мы даже стали выпускать его из палаты. Но кто он, как зовут, где живет, будто бы не знает.

— Ты говоришь «будто бы», считаешь, он лжет? Симуляция?

— Возможно, — ответила Полина Яновна, прикуривая сигарету от любезно предложенной Яковом Борисовичем зажигалки.

— Может, от кого-то скрывается? — предположил Яков Борисович.

— Если это симуляция, то очень профессиональная.

— А откуда эти записи?

— Он хранил их под подушкой.

— Вы дали ему ручку?

— Упаси боже, он украл ее у врача при обходе, мы даже не заметили когда, а писал на бланках, во время прогулок набрал. Записи... или дневник, что ли, даже не знаю, как их окрестить, впрочем, не важно; так вот эти записи он тщательно прятал и страшно не хотел отдавать, пришлось даже купировать возбуждение аминазином. Как-то беспокоит он меня, даже не пойму почему. Не думаю, что он убийца. Сам знаешь, я двадцать лет судмедэкспертом отпахала, и маньяков этих не то, что по лицу, по запаху определяю. А этот спокойный, вроде бы и мухи не обидит, хотя... при шизофрении нет полных гарантий.

— Н-да, — Яков Борисович нацепил очки и еще раз пролистнул записи, — ты бы своим бывшим друзьям на Петровку позвонила.

— Уже звонила, — улыбнулась Полина Яновна, — никаких убийств, подобных тем, что описал наш больной, не числится.

— А, может, он из другого города приехал?

— Может, — согласилась Полина Яновна, — всю Россию-то не обзвонишь.

— Послушай, — махнул рукой Яков Борисович, — мне все-таки кажется, он обыкновенный шизофреник, а записи лишь подтверждают это: один себя Наполеоном видит, а этот мстителем-убийцей. А что себя не помнит, понятно — полный распад личности. Типичный паранойяльный бред.

— Может быть, может быть, — забарабанила ухоженными тонкими пальчиками по стеклянной панели стола Полина Яновна.

— И вообще, этиология и патогенез шизофрении недостаточно изучены, — продолжил Яков Борисович. — На симпозиуме в Нью-Йорке, помнишь, я был там в прошлом году? Так вот, один, между прочим, очень уважаемый американский психиатр выдвинул совершенно дикую теорию, будто бы шизофрения это вовсе не болезнь, а некое особое состояние личности, что-то вроде пребывания в иных измерениях. Понимаешь? Это у них вовсе не галлюцинации, а вот видят они нечто, что мы не видим, — Борис Яковлевич снял очки и рассмеялся. — И ты думаешь, его освистали и осмеяли? Как бы не так. Очень заинтересовались новой теорией, — он вытер очки и снова водрузил их на нос. — Бред какой-то.

— Зря ты так, — возразила Полина Яновна, — вот была у меня одна пациентка, Наташа, так она могла читать мысли. Хочешь, верь, хочешь, нет, а правда могла. У нее это очень странно происходило, нет, за руку никого не брала, в глаза не заглядывала, наоборот — отвернется и как-то боковым зрением смотрит, а потом все выдает, что у тебя в голове. И, между прочим, отнюдь не смешно, а даже страшно. Мы ее изучали, все пытались что-нибудь этакое в строении мозга обнаружить, но ничего необычного не заметили. У нее была рекуррентная шизофрения, так что она у нас довольно часто появлялась, а потом исчезла. Может, с такими-то способностями в гору пошла. И этот убийца странный. Не дает он мне покоя.

— А вы запрос по пропавшим давали? Раз хорошо одет, говоришь...

— Ну, естественно! Вот только никто его не разыскивает, и с такими приметам пропавших без вести нет.

— Ладно, тьфу на него, давай лучше коньячка выпьем.

Яков Борисович достал бутылочку «Курвуазье» и налил им с Полиной Яновной по рюмочке.

Элегантно отпив глоток, Полина Яковлевна поставила рюмку на столик и продолжила:

— А...

— Не, не, не, — перебил ее Яков Борисович, — дай хоть дома от шизофреников отдохнуть. Давай лучше телевизор посмотрим.

Он взял пульт и включил тонкую панель, прикрепленную к стене.

— О, как раз про твоих убийцев.

— Не люблю я эту криминальную хронику! — Полина Яновна сделала еще глоток.

«Вчера вечером в своей квартире была найдена убитой Слесарева Евгения Викторовна, секретарь одной из риэлторских фирм. Убийство, очевидно, заказное, убийца проник в ее квартиру и убил женщину ножом в спину. Следствие теряется в догадках — кому понадобилось убивать простого секретаря, тем более что, по словам ее мужа, инженера конструкторского бюро, ничего из квартиры не украдено, да и красть было нечего. Что за тайна скрыта за смертью Евгении Слесаревой, покажет следствие. Но из неназванного источника просочилась информация, что, возможно, женщина имела какое-то отношение к торговле оружием, в чем подозревается ее шеф, однако доказательств найдено не было...»

Полина Яновна и Яков Борисович молча и недоуменно смотрели в глаза диктору, спокойно продолжавшему рассказывать о совершенных правонарушениях. Мысли в голове у Полины Яновны как-то зависли, она никак не могла поверить, что между загадочными записями и совершенным вот только что преступлением есть какая-то связь, но вдруг побледнела и прикрыла рот рукой, словно боясь произнести внезапно мелькнувшую догадку.

— Что? Что, Поля?

— Боже! — Полина Яновна схватилась за сердце. — Как я раньше не догадалась — это же племянница Людочки, нашей старшей сестры. Господи, Боже мой. Она, ну эта девочка, Женечка Слесарева, к нам месяца два назад приходила вместе с мужем, такой худенький инженер, они как раз с отдыха приехали, не помню откуда... ну, какой-то остров... — Полина Яновна по-

бледнела еще больше и произнесла зловещим голосом, — Крит. Точно, Крит. Это же было в записях! Она еще ракушку нам подарила, знаешь, такая коричневенькая с маленькими пятнышками.

— Каури, — мрачно вставил Борис Яковлевич.

— Что? — не поняла Полина Яновна.

— Каури, говорю, ракушка эта называется каури.

— Каури? — Полина Яновна словно не поняла смысла сказанного и торопливо продолжила: — Она, эта ракушка, на компьютере в регистратуре лежала, а он, больной наш, он всегда, когда мимо проходил, брал ее в руки и задумчиво так крутил. Помню, Людочка еще спрашивает: «Нравится?», а он как-то сразу растерялся, как школьник, застигнутый врасплох, положил на место и убежал. Мы еще посмеялись. Яша, я ничего не понимаю. Ведь Женечку только убили, а он, этот больной, уже давно знал, что это произойдет. И как знал! Но ведь он не был знаком с Женечкой! Все, что их связывает, это ракушка! Не могла же ему об этом рассказать какая-то каури! — нервно засмеялась Полина Яновна. — Нет, это невозможно! — тут Полина Яновна выкатила глаза. — Боже, Яшуня! Ведь этот мститель, этот «я», этот псих ненормальный — получается, им станет Женечкин муж?! А с виду тихий такой... Да нет, все это как-то... — Полина Яновна замялась, но так и не нашла нужных слов, — да бред какой-то! — тут она нервно вскочила и забегала по комнате, затем резко остановилась и пристально посмотрела на мужа.

Ее глаза чуть сузились и заблестели, а губы растянулись в зловещей улыбке:

— Вот что мы сделаем, Яшуня: мы спрячем эти записи и никому не покажем. Да, да, не спорь, — Полина Яновна протестующе подняла руку, хотя супруг и не собирался возражать, ибо одеревенел от неясности происходящего и только взирал на жену бессмысленным взглядом. — Мы будем ждать, чем же все закончится, а я постараюсь добиться разрешения на дополнительные исследования мозга нашего больного, якобы для новой научной работы о шизофрении. А время покажет, прав ли он. Вот тогда мы и узнаем, кто он на самом деле: больной фантазер? Ясновидящий? Пророк? Или, может быть, Властелин судьбы, — Полина Яновна заговорила тихим зловещим голосом, —

вот так взял ракушечку, повертел в руках, да и заставил события двигаться в таком вот направлении?! Ужас какой!.. Ты представляешь, какая тема?! Прорыв! Научная сенсация! Нобелевская премия в кармане! Ну, что ты об этом думаешь?

Ничего не ответил Яков Борисович, а только налил себе коньяка и выпил залпом.

Остановись, мгновенье!

Слава Богу, мир не без добрых людей! А то бы сроду Лебедев не узнал, что жена ему изменяет. Так бы и помер в неведении. Но нет, есть у нас заботливые граждане, которые и видят, и слышат все, что другим недоступно. Вот от такого доброжелателя однажды поутру и принял Лебедев всю сию голую правду, как говорится, с рук на руки и под расписочку. Принять-то принял, вот только не сразу понял, а что с этим теперь делать — слишком неожиданной оказалась она для Лебедева, все равно что половником по лбу: вроде бы больно сразу, но не сразу ясно отчего. А когда Лебедев все осознал, то сначала запаниковал, а затем впал в глубокое уныние. А осознал Лебедев, что впервые в жизни ему придется самостоятельно принять какое-то решение, чего доселе он не делал, поскольку все решения сначала принимала за него мама, а затем жена. А еще он понял: решение это будет непростым, и даже очень непростым, а самое страшное — решение-то решением, но ведь его придется воплощать в жизнь. Просто кошмар какой-то! Вот если бы родился он, Лебедев, в рыцарские времена, то во имя своей Прекрасной Дамы непременно вызвал мерзавца на поединок и пронзил копьём подлое сердце, в семнадцатом — заколол шпагой, в девятнадцатом — застрелил на дуэли, но на дворе двадцать первый, и как же быть? Нанять киллера? Как-то неудобно, не совсем прилично, полагал Лебедев, вот так втихаря пальнуть в спину, да еще и чужими руками. Можно, конечно, набить морду, но... страдающий излишним весом и полным отсутствием даже намека на наличие мышц Лебедев не способен был на такой поступок; да и вообще, он и мухи убить не мог — это вызывало в его душе глубокий протест по случаю незакон-

но учиненного насилия над ни в чем не повинной тварью, все ж таки божьей.

И Лебедев затосковал. Он тосковал в метро по дороге на работу, непосредственно на рабочем месте, в машине на обратном пути, когда личный шофер Вики забирал его, и вечерами дома перед телевизором. В общем, с утра и до вечера. И деться от этой тоски было некуда. А ночами впервые в жизни его стала мучить бессонница. Он подолгу смотрел в потолок, в то время как ничего не подозревающая жена мирно сопела на подушке рядом, и все думал, думал, думал. А думы его были тяжки непосильно. Думал Лебедев о том, что если завтра, скажем за завтраком, нет, лучше за ужином (а то потом как после этого работать!), мило улыбаясь, сказать Вике, мол, все знаю, простить не могу, то что делать дальше? Собирать вещи и уходить? Куда? Конечно, к маме. А мама-то его, безусловно, ждет не дождется. «Ага, — скажет она, — говорила я тебе, не пара нам эта девка, не послушал!» И будет ликовать. Затем объяснит, что соль — это белая смерть, а сахар — сладкая, жареного есть нельзя, мясо для печени вредно, а пить надо только негазированную воду; что лето надо проводить на даче, обкапывая вновь посаженные кусты, а ложиться не позднее десяти. После ужина мама будет рассказывать, какие невежественные люди окружают ее на работе, прямо-таки подлецы и негодяи, но она, мама, непременно с ними расправится (в этом Лебедев никогда не сомневался); а все остальное время посвятит его, Лебедеву, воспитанию. От этих мыслей Лебедеву начинало мутить, и он решил пока ничего не предпринимать. А вдруг да обойдется?

А Вика тем временем вела себя как ни в чем не бывало. Ее рабочий день был ненормированным, поэтому проследить где, с кем, и когда она бывала, не мог никто, и, пользуясь этим, Вика продолжала скрывать от Лебедева то, о чем он уже давно знал. Более того, она стала нежнее и приветливее, приносила подарочки, целовала в щечку и даже... пекла по воскресеньям пироги, изображая нормальную семейную жизнь! Смотрите, какая заботливая! Сроду такого не было! Но именно этот факт и доконал Лебедеву окончательно. Он понял, что его жалеют, не просто понял — увидел в отражении Викиных глаз, как он ничтожен.

А Вика и в самом деле его жалела. «Ну, куда он пойдет, — размышляла она, — куда денется?» Ведь нельзя же взять и вытолкнуть его на улицу. Нет, конечно, можно купить Лебедеву квартиру и изредка навещать, ну, чтобы он не окислился окончательно, а иногда приносить воскресные пироги. Бросить Лебедеву на произвол судьбы в лице свекрови она не могла, Вика вообще была человеком сердечным и жалостливым и поступить так даже с бывшим мужем никогда бы себе не позволила. К тому же в ней говорил здоровый практицизм, поскольку своего нового кавалера она хоть и знала давно и хорошо как коллегу по работе, но как мужчину и кандидата в мужья — не очень. А Лебедев, смешной и немного занудный, устраивал ее по все параметрам: он слова не мог сказать супротив Викиного, выполнял всю работу по дому, в то время как она «сидела» в Интернете, бегал в магазин, покупал билеты в театр и каким-то неведомым чутьем угадывал все ее желания и прихоти. Причем делал это искренне и с душой — это она знала точно. А вот Вадим хоть и был собою хорош: весьма примечателен внешне и вроде бы не глуп, но своей независимой позицией несколько ее отпугивал. К тому же она была начальником, а он подчиненным, от нее зависела его зарплата и продвижение по службе, и это наводило на определенные мысли, которые она как человек умный сбрасывать со счетов не могла. В общем, Вика находилась в сомнениях, и в каком направлении они разрешатся, не знал никто.

А Лебедев тосковал все больше. Впервые он серьезно задумался: а не ошибка ли его брак? Безусловно, когда Лебедев выбирал супругу (хотя кто кого выбирал — под большим вопросом), не последнюю роль сыграло нестерпимое желание вырваться из-под опеки матери, жить с которой после смерти отца стало совершенно невыносимо, но все же основным было не это, и даже не то, что Вика красива и умна, — Лебедев любил эту женщину, причем какой-то особенной любовью. Увидев Виду впервые, он мгновенно понял, что эта худенькая и очень свое нравная девушка — та самая, единственная и неповторимая, ради которой и собственной головы не жалко. Причем это навсегда. Надо сказать, что скромный и застенчивый Лебедев и не мечтал, что Вика обратит на него внимание, более того, станет законной супругой. Для него это действительно стало чудом, Бо-

жым даром. И он, словно в благодарность, отдавал ей всего себя, что называется, со всеми потрохами, при этом ничего не требуя взамен. И вот теперь он вынужден расплачиваться за свои чувства, за искренность и преданность.

Нет, надо что-то делать, делать что-то надо, но что? Как-то объясниться? Однако объясняться с ним, справедливо полагал Лебедев, а уж тем более оправдываться, Вика не будет, а то еще обругает сходу да и пошлет... не к какой-то там матери, а к его собственной, что значительно страшнее. Лебедев жутко боялся объяснения, потому что заранее знал результат — он уже проиграл битву, даже не выйдя на поле боя. В общем, светлого будущего у Лебедева не предвиделось.

День и ночь думал он над сложившейся ситуацией и впервые в жизни вдруг понял, что жизнь — это не только пироги и пиво, как говорят англичане, а действие, ежедневное действие и борьба, все время борьба, не на жизнь, а на смерть. А к борьбе он был не готов, и оттого было ему безумно страшно. А еще он понял, что все эти годы и не жил вовсе, а просто выполнял чужую волю, как механизм, который все время кто-то заводил, а теперь вот завести забыли, и он встал. Вот так просто ржаветь Лебедеву не хотелось, потому что настал момент, когда механизм должен был заработать сам. А это оказалось болезненно и трудно. И даже невозможно.

Переполненный чувствами и противоречиями, Лебедев стал выпивать, и это какое-то время спасало, но недолго. Когда же алкогольные пары уходили, на душе становилось еще муторнее, а потом дорогие французские вина и вовсе перестали спасать от невыносимой тоски. Да и Вика ругалась.

И вдруг с какого-то момента — Лебедев даже не смог уловить его точно — страх исчез. Это было так странно, так непривычно — ничего не бояться: ни мамы, ни Вики, ни отсутствия будущего; ему стало совершенно безразлично, что станет с его жизнью, бросит его жена или нет, выгонят с работы или оставят, потому что внутренний конфликт в душе Лебедева давным-давно перерос просто измену. Теперь это был конфликт неудовлетворенного собой человека; человека, который прожил тридцать четыре года, и как выяснилось, совершенно напрасно. Возможно, это была обычная депрессия, кризис среднего воз-

раста, очередное изменение жизненных ценностей, когда необходимо принять решение, то есть сделать то, на что Лебедев не был способен. Бессонные ночи так измучили его, что он похудел и осунулся, и в один прекрасный день ясно почувствовал совершенное бессилие перед обстоятельствами, свою невозможность хоть как-то повлиять на ход событий. Он был слаб, настолько слаб, что даже и предположить не мог. И ему стало за себя невозможно стыдно. Будущего не было, прошлого тоже, оставалось тихо плыть по течению, дожидаясь, когда же волна выбросит тебя на какой-нибудь бережок, где, глядишь, и подберет кто-нибудь, пригреет и приголубит, причешет, умоет, накормит, пожалеет. И забудет все Лебедев как страшный сон, и начнет он жизнь свою сначала. Вот только начало будет таким, как было, а значит и на другой конец рассчитывать не стоит. Что-то изменилось в мировоззрении Лебедева. Как-то он внезапно повзрослел и постарел одновременно, словно этап, который у других людей длится долгие годы, уложился у него в какие-то несколько дней, изменившие его до неузнаваемости.

В отличие от Лебедева Вика мыслила логически просто и ясно. Как-то, сидя в своем кабинете, она крутилась на стуле и размышляла над сложившейся ситуацией. Отношения с Вадимом дошли до определенного рубежа, когда нужно было принимать какое-то решение. А принимать решение просто так, с бухты-барахты, она не могла. Не такой она была женщиной. Ей нужен был анализ. Ее математический ум требовал непременно доказательства теоремы, потому как жизненные аксиомы она отметала как антинаучные. И вот сидит Вика, смотрит в окошко и думу думает. Что-то последнее время стало ее не устраивать. То ли пелена с глаз упала, то ли обстоятельства изменились, да только галантность Вадима как-то незаметно превратилась в навязчивость, он стал потихоньку ее раздражать, пробуждая незнакомое доселе чувство сопротивления. Дело в том, что раньше сопротивлялись ей, а здесь приходилось сопротивляться самой. Он стал слишком много от нее требовать, и в какой-то момент она ясно ощутила, что он вовсе не тот, каким она его себе придумала. Он был намного обычнее, чем показалось в первое мгновение. И Вика серьезно задумалась, а стоит ли менять шило на мыло. В конце концов, Лебедева она знала давно и хорошо, во

всяком случае, так ей казалось, могла почти безошибочно предугадать все его шаги, на что муж способен, а на что нет. И эта уверенность была ей не просто приятна. Такому типу женщин, как она, это было необходимо, потому как любая недоговоренность и неопределенность раздражали ее. А тут еще в последнее время с Лебедевым стало твориться что-то невообразимое, что никак не укладывалось в привычный образ, и на какое-то мгновение она даже допустила мысль, что он обо всем догадывается, но тут же отбросила ее, как недостойную. Нет, это просто невозможно. У Лебедева на голове можно назначать свидание, он и то ничего не заметит, а она вела себя обдуманно и осторожно, не допуская ошибок. Разумеется, не потому, что опасалась разоблачений со стороны Лебедева, а потому что вообще все на свете делала хорошо. А вдруг у него тоже есть любовница, подумала она и рассмеялась. Эта мысль показалась ей настолько абсурдной, насколько это вообще возможно.

Затянувшийся роман с Вадимом в одночасье стал Вике неприятен и даже в тягость, и она наконец-то призналась себе в этом. Теперь от мысли, что все это придется рвать, выслушивать обиды, оправдываться, как в первом классе, а значит тратить время на пустяки, рождало в душе чувство тоски и раздражения. А что именно так и будет, она не сомневалась, поскольку с недавних пор в Вадиме вдруг проснулась ревность — он ревновал ее к собственному мужу. Идиот! Он стал напорист и требователен, теперь ему хотелось больше встреч наедине, больше внимания, больше слов. И на этом фоне все роднее и роднее становился Лебедев, который никогда ничего не просил, за что все и получал. И наконец-то Вика призналась себе, что то чувство, которое в течение последних четырнадцати лет связывало ее с Лебедевым, больше, чем просто привычка, а может быть, называется любовь, только она об этом не задумывалась. И когда Вика сделала столь потрясающее открытие, душа ее наполнилась небывалой нежностью и женственностью.

Переполненная этой вновь обретенной нежностью, Вика подумала, а отчего собственно она так много времени проводит на работе, а не в семье, и почему все праздники предпочитает праздновать в коллективе, вместо того чтобы устроить пир горой дома, наедине с мужем. А тут еще Новый Год как всегда

неожиданно оказался на пороге. И Вика настояла, чего ранее не было никогда, чтобы Лебедев присутствовал на корпоративной вечеринке, которую она как руководитель фирмы устраивала своим сотрудникам. «Издавается», — с тоской подумал Лебедев, но на вечер все-таки пошел. Должен он был, просто обязан, лицом к лицу встретиться со своим врагом, так сказать, глаза в глаза. По случаю вечера Вика купила ему новый костюм, и, аккуратно отглаженный, он висел на плечиках, дожидаясь, когда хозяин наконец выйдет из ванной. А в ванной Лебедев сидел ровно два часа. Он мылся, тщательно брился, всячески приводил себя в порядок. Но когда вышел, надел костюм и посмотрел на себя в зеркало, то впал в еще более сильное уныние: да что ты с этой рожей сделаешь, тут никакой костюм не поможет! Запустить бы в это зеркало чем-нибудь, чтоб только себя не видеть. Снял Лебедев новый костюм и бросил на кресло. И пошел в старых потертых джинсах, в которых у мамы на даче картошку копал.

А Викин хахаль оказался как раз напротив Лебедева, буд-то специально. Сидит, глазами сверкает, дырявит Лебедева. Весь ухоженный, подтянутый, надушенный, улыбка как у Кевина Костнера, футболка на груди вот-вот от мышц треснет, сидит, весь сияет, ясное дело почему. А Вика-то, Вика-то хороша, хоть на него и не смотрит, но Лебедева не проведешь. Лебедев все сечет, все примечает, все видит, все чувствует: стоит ему только отвернуться, как они наверняка тут же перемигиваются, знаками обмениваются, смеются над ним, над Лебедевым, потешаются, мол, вот он какой весь неуклюжий, толстый, гадкий. А может, здесь все уже знают, и все над ним смеются? Конечно, он по глазам видит. Одни насмешники кругом. Ну что ж, смотрите, смотрите, какой я, некрасивый, нестройный, не то, что ваш Вадим — Голливуд, да и только! Да разве ж от такого красавца, как Вадим, добровольно откажешься?! Это какой душой надо быть. Нет, проиграл ты, Лебедев, этот бой, проиграл. И нет у тебя никаких шансов вернуть Вику назад. И вдруг Лебедев увидел, что ни Вадима, ни Вики нет, а затем обнаружил их на балконе. Они стояли на ветру и о чем-то говорили, говорили как-то быстро, словно спешили, на-верное, действительно спешили, это ему, Лебедеву, спешить

некуда. И странное дело, ничего не дрогнуло в душе Лебедева, ничего не шевельнулось, только сердце вдруг закололо, наверное, слишком много выпил шампанского.

«Что-то ты какой-то не такой? — спросила в машине Вика. — А почему ты костюм новый не надел?» — неожиданно удивилась она, внимательно глядя на мужа, и взяла Лебедева за руки. «Наконец-то заметила», — тоскливо усмехнулся Лебедев, и от прикосновения Викиных рук, а особенно от упоминания о костюме, его передернуло так, словно на электрическом стуле включили рубильник. «Такой замечательный был вечер», — продолжала Вика, положив на плечо мужа голову. «Ясное дело, замечательный», — угрюмо думал Лебедев, напрягая отсутствующие мышцы. И медленно, медленно его измученная душа заполнялась какой-то новой, неведомой пустотой, от которой внутри становилось холодно. И все стоял перед глазами Вадим, такой красивый и видный, с голливудской улыбкой на губах, не чета ему, Лебедеву. А за окнами машины мелькала новогодними огнями Москва, обещая совсем скоро много новой радости и нового счастья, вот только кому?

Пронеслись, промелькнули новогодние праздники, растаяли в рождественских огнях, в пении церковного хора, в запахе ладана и свежей ели. Но только не было в них радости, не было нового счастья, не было ничего, что ждала Вика. И все спокойнее становилось у нее на душе, потому что она чувствовала: происходит что-то неподвластное ее уму, ее мысли, а как с этим жить, она не знала, потому что не понимала, что это. Настойчивость Вадима стала ее просто бесить. Неужели он не понимает, что все кончено, что бесполезно звонить, а говорить не то чтобы не о чем, а просто незачем. Она сделала для него все, что могла, перевела в хорошую фирму к старому приятелю на такую же должность с такой же зарплатой. Но он все приходил и приходил в офис и требовал каких-то разбирательств. А ведь она хотела по-хорошему, без скандалов, как взрослые люди. А эти его звонки домой просто возмутительны. Он совершенно не считается с тем, что там муж, который ее любит, и что за бред, что такого, как Лебедев, любить невозможно. Ну, если она любит, значит все-таки возможно, а на остальных ей просто наплевать, что они там себе мыслят о ней и ее муже.

В тот день, это был вторник, а вторники Вика ненавидела больше всего на свете, потому что все дурные события происходили с ней именно по вторникам, поэтому уже заранее она приходила в офис в дрянном настроении; так вот в этот самый несчастный вторник Вадим нагло, без предупреждения появился к ней в офис и потребовал каких-то объяснений, хотя она уже давно ему все объяснила, еще тогда, на балконе, на новогоднем вечере. Ей совершенно не хотелось заново переливать из пустого в порожнее, и она сорвалась, нагрубила, нахамила, накричала и даже запустила вслед дыроколом. А этот наглец еще посмел ухмыляться, делать намеки, что «тайное иногда становится явным», и предположил, что она, Вика, к нему приползет. Ха! Вот уж воистину, как она в нем ошибалась! Да он ее совершенно не знал и даже не попытался узнать. И не любилнисколько! Он только любовался собой, упиваясь победой над надменной начальницей, а теперь хочет доказать, себе любимому естественно, что таких, как он, не бросают, вот и звонит, и является без приглашения. Знает она таких! В этом и заключается месть — вернуть и тут же бросить. Вот уж не выйдет! Не на такую нарвался.

Но когда дверь захлопнулась, оставив ее наедине с тишиной опустевшего офиса, Вика облегченно вздохнула, и ей стало даже хорошо, хорошо оттого, что все наконец-то завершилось. А может быть, именно эта незавершенность затянувшегося романа и тревожила ее мысли в последнее время, пугая Вику какой-то неопределенностью, может быть, именно она и вносила дисгармонию в ее душу? Ну, конечно! Но теперь все кончено! Теперь к Лебедеву, быстрее, скорее. Она схватила сумку и выбежала на улицу. Ей хотелось дышать, дышать этим новым воздухом новой жизни, которую она чуть было не потеряла, но теперь обрела заново. И она подумала о детях. «А почему, собственно, у нас нет детей?» Конечно, нам непременно нужны дети, милые, хорошенькие, пухленькие, не один, по крайней мере, двое — девочка и мальчик. И она представила себе мальчика в матросском костюмчике и девочку в голубом платьице в кружевных рюшках, она видела такое в Лондоне, вот они все вместе идут куда-то, например, в зоопарк или на елку. Нет, конечно, она женщина деловая, ей детьми заниматься некогда, но ведь на это есть Лебедев. Из него получится прекрасный отец. А уж она,

Вика, обеспечит семью по полной программе, чтобы никто и ни в чем не нуждался.

И окрыленная Вика мчалась по городу в своем служебном «Мерседесе» скорее, скорее к Лебедеву. Вот сейчас она придет и обязательно скажет, как сильно любит его, как хочет иметь от него детей, и как он ей нужен, вот такой — добрый и немножко наивный, смешной и очень нежный, единственный и неповторимый. Только теперь, в сравнении с Вадимом, она наконец ясно поняла, насколько Лебедев устраивает ее, и нежная признательность к любящему, почти боготворившему ее Лебедеву обдала Вика горячий волной. Ответная любовь к мужу переполняла Вика, и ей немедленно захотелось отблагодарить его за все. «Родной мой, — думала она, — тебя что-то сильно беспокоит в последнее время, но я развею все твои сомнения! Что же, черт возьми, так медленно переключаются светофоры?! И водитель на ходу спит!»

Теперь мысли Лебедева перестали бродить, они уже давно созрели, как хорошее молодое вино. Он понял все, понял всю свою бездарность, ненужность и безысходность, он стал себе невыносимо противен. И если от мамы и Вики он вполне мог где-нибудь спрятаться, то спрятаться от себя оказалось совершенно невозможно. Все его попытки найти хоть какой-то компромисс развалились, так и не обретя конкретных форм. Одно он хорошо усвоил: что ничтожен и ни на что не способен, а раз так, то Вика его бросит непременно, а если она его бросит, в чем он не сомневался, то и решать что-либо уже не имело смысла.

И впервые в жизни в его мозг вкралась мысль о смерти, такая простая и когда-то такая далекая. Он понял, что это самое легкое и изящное решение всех проблем, и возможно — единственное. Теперь он точно знал, что никто никогда не воспринимал его всерьез, он был всего лишь тряпкой, о которую вытирали ноги, но, поскольку тряпка оказалась мягкой и в целом неплохой, на помойку ее пока еще не выбросили. Конечно, быть тряпкой неприятно, это вам каждая собака скажет, а еще неприятнее не осознавать это и вдруг прозреть, что, собственно, и произошло с Лебедевым. Он уже не верил, что его вообще кто-то может любить, что он может быть кому-то дорог. Он ничтожен — к сожалению, это все. Оглядевшись по сторонам, он с то-

ской заметил, что вокруг никого нет, кому бы он мог рассказать о случившемся, спросить совета, вымолить помощь. Он жил все это время только для одного человека, которому теперь оказался не нужен. Он давно наблюдал за Викой и понял, что в ней, как и в нем, идет борьба, и, естественно, борьба эта не принесет ему ничего хорошего. И все прошлые события подтверждали это, особенно новогодний вечер, когда Вика и Вадим разговаривали на балконе, пусть недолго, но по глазам Вики Лебедев понял, что она приняла какое-то очень важное решение, он слишком хорошо знал это выражение ее глаз, этот странный блеск, который появлялся всегда, когда Вика предпринимала что-то очень и очень серьезное. Значит, развязка близка — не сегодня, так завтра. Стоит ли ждать, стоит ли тянуть время, если оно все равно необратимо убегает вперед? А впереди была ночь, долгая и бессонная, и Вика, как бывало часто в последнее время, задерживалась. И хорошо. Пусть ее не будет подольше.

Лебедев вышел на балкон и первый раз в жизни закурил. Кроме астматического приступа кашля это ничего не дало, тем самым лишив последней отрады. Он бросил сигарету и увидел, как она, словно падающая звезда, очертила круг и исчезла где-то внизу. С высоты одиннадцатого этажа без очков он не различал внизу никаких предметов, там не горели фонари, и была только темнота, густая и глубокая, словно инопланетный океан, и ему даже представилось, как он прыгает в этот океан, погружаясь в мягкие теплые волны. И сердце заколотилось как сумасшедшее, словно пытаясь отбить ритмы, отмеренные ему природой, простучать их все разом, если уж велено замолчать навсегда. Но потом он увидел свое тело — бесформенную грудку костей внизу, на асфальте, в луже крови. Его передернуло от ужаса, и он резко отступил к стене, почти вжался в нее, ощущая, как промерзшие кирпичи остужают разгорячившуюся кровь. Этот холод словно отрезвил его, и Лебедев скривился в безумной усмешке — он снова был жалок, ему опять страшно. Всю жизнь страшно. Вчера, сегодня, завтра. Тогда он снова шагнул к перилам, но очень медленно и осторожно, будто их вовсе не существовало, и, перегнувшись, посмотрел вниз. На сей раз ему показалось, будто внизу кто-то ходит, и он стал внимательно вглядываться, пытаясь разобрать, кто это, человек или, быть может,

собака, и вдруг ясно осознал: там никого нет и быть не может, потому что это бездна, без дна, где нет ни мыслей, ни тревог, ни отчаяния, а только покой и тот самый выход, который он так тщетно искал в последнее время. От страшного нервного напряжения в глазах слегка потемнело, и тогда, даже не поняв толком, что случилось, как бы на грани осознанного и бессознательного, Лебедев вдруг легко оттолкнулся и перекинулся через балкон, словно бы ему кто-то помог. И понесло, закружило, потащило вниз, в бездонную пропасть — конец всего и начало начал одновременно. Но он тут же испугался и стал судорожно хватать руками воздух, пытаясь дотянуться до балкона, дотянуться и забраться назад, в теплую комнату, где слишком громко работает телевизор, а на кухне уже, наверное, закипел...

А Вика спешила. Конечно, она опять задержалась, но она все обязательно объяснит Лебедеву и если надо — даже оправдается перед ним. Мысленно она уже рассказывала ему, что заехала в супермаркет, чтобы купить шампанское, торт и черную икру, ведь Лебедев ее очень любит. Ну вот, наконец-то доехали. «До свидания, утром, как обычно в 8.00, не опаздывайте, обговорим завтра, все завтра, а то меня муж ждет, волнуется...» Чертов лифт опять сломался, ну ничего, сегодня у нее словно крылья за спиной, ведь дома ее ждет Лебедев, любимый и единственный, желанный и ненаглядный; наверняка он уже приготовил ужин и согрел чай — она видела на кухне свет, а может, даже налил в ванну воду и теперь сидит, смотрит на часы, беспокоится. Как обычно. Не волнуйся, милый, я уже рядом, совсем, совсем близко.

И от этих мыслей стало ей тепло и светло, а главное, легко, и именно сейчас, может быть, вдруг, а может, нет, она поняла, что по-настоящему счастлива, как никогда.

Ольга Мусеева

Родилась и живу в Москве, окончила английскую спецшколу, потом Московский Авиационный Институт. В поиске себя сменила несколько профессий: инженер, переводчик с английского, менеджер, преподаватель художественной резьбы по дереву, преподаватель английского языка.

Писать начала в 1997 году, сначала стихи, а потом решила попробовать себя в прозе и была приятно удивлена, когда газета «Тайная сила» приняла к публикации пару моих эссе. Позже принялась сочинять рассказы и участвовать с ними в сетевых литературных конкурсах, где не раз удавалось стать победителем и призером.

Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание — сила. Фантастика», «Лауреат», сборнике «Звезды ВнеЗемелья». Член международного союза писателей «Новый Современник».

Ртаки

Ветер мечется в густом переплетении ветвей, треплет листья, разбивая солнечные лучи на тысячи осколков. Я лежу на земле, и горячие пятнышки скользят по моему телу, вспыхивая золотом между темными полосами моей шубы. Медленно вожу по ней языком, оставляя влажные дорожки, пока весь мех не становится чистым и блестящим. Тогда я встаю и бесшумно иду сквозь лес. Ступаю осторожно, прислушиваясь и приносясь, и вскоре чувствую: там, на поляне за кустами есть то, что мне нужно. Ловлю ноздрями ветер, определяя его направление, а затем делаю широкую дугу, заходя к кустам с подветренной стороны. Тихо прижимаюсь лбом к ветвям, глядя в просвет между зарослями. Вот он — крепко стоит на коротких ногах, вспарывая клыками лесную подстилку, на массивной спине топорщится

бурая упругая щетина. Расстояние до него — примерно шесть длин моего тела. Я могла бы покрыть их одним прыжком, но предпочитаю не рисковать и подобраться поближе, чтобы ударить сильно и наверняка.

Я почти растворяюсь в кустах, скользя беззвучной, смертельно опасной тенью. Шаг, другой, третий... Кабан перестает рыть землю, поднимает голову и замирает. Я прижимаюсь к траве, мышцы наливаются кровью, скапливая силу для броска, тело собирается в напряженный комок. Толчок! Земля резко уходит вниз, и пружина моего тела распрямляется с убийственным ускорением. Кабан делает рывок к кустам, но поздно, слишком поздно! Я уже лечу вперед и обрушиваюсь сверху, сбивая жертву с ног. Клыки пробивают кабанью шкуру, и мои челюсти с хрустом смыкаются на незащитной шее...

Я просыпаюсь и тут же встречаюсь с пристальным желто-зеленым взглядом Ртаки. Такое ощущение, что она открыла глаза одновременно со мной. На какие-то доли секунды я словно возвращаюсь обратно в сон, и, кажется, могу изогнуться и с ловкостью Ртаки мягко спрыгнуть с кровати...

Иллюзия быстро проходит, и все, что остается — чувство жара на щеках и стук крови. Он накатывает изнутри и шумит в ушах как морской прибор.

— Ртаки! Иди ко мне!

Она встает с пола, неслышно подходит к кровати и кладет голову рядом со мной на подушку. Я закрываю глаза и зарываюсь лицом в теплый мех. Я хочу снова очутиться в том сне, но не вижу ничего, кроме темноты. Под веками становится горячо и щекотно. Это слезы.

— Доброе утро, родная!

Папа. Я отрываюсь от Ртаки, надеясь, что мои слезы утонули в ее шубе, и отец ничего не заметит. А если заметит, то сделает вид, что не видел. Он знает, как я ненавижу, когда успокаивают. Если я плачу, значит так надо, и в этот момент я вовсе не нуждаюсь в сострадании. Отец все понимает правильно. И пусть даже он говорит со мной с преувеличенной бодростью и неестественным весельем, это все равно лучше, чем с болью и жалостью. Спасибо ему за это. Я люблю тебя, папка.

— И я тебя, дочка! — улыбается он.

Оказывается, одну из мыслей я сказала вслух.

Отец подходит ко мне, и Ртаки быстро и бесшумно отступает в сторону, пропуская его к кровати. Он целует меня в щеку, я чувствую запах его любимого табака и одеколона.

— Принести тебе завтрак?

— Нет, пока не хочу. Пересади меня в коляску.

Папа берет меня на руки, и я вдруг вижу, что ему тяжело. Он сильно сдал за последние годы, постарел... Непросто пережить, что твоя дочь — навсегда калека.

Я стала беспомощной четыре года назад, когда мне едва исполнилось девятнадцать лет. В то время я встречалась с парнем, у которого был японский мотоцикл. Мы любили дороги, скорость и адреналин... Бешеную пляску огней на ночной трассе и холодную, сумасшедшую силу встречного ветра...

Банальная история с довольно предсказуемым финалом. Для меня все закончилось на больничной койке. А для моего парня... все просто закончилось.

Наверное, я тоже постарела. Не знаю. После аварии я перестала смотреть в зеркала...

Время за полночь, и все обитатели дома должны спать, но мои уши не обманешь: в самой дальней комнате слышатся приглушенные голоса. Отсюда я не могу разобрать отдельных слов, однако по тону понимаю: говорят о чем-то важном. Один голос принадлежит отцу, а другой — его подруге тете Дине.

Тетя Дина — врач широкого профиля, доктор медицинских наук, и после аварии часто бывает в нашем доме. Кто-то, может, и поверит, что из-за меня, но только не я! Заботливый лечащий врач, ха! Как бы не так! Моя беспомощность ей только на руку — не надо искать повод постоянно быть рядом с моим отцом. Она давно и безнадежно в него влюблена, а он... спит с ней иногда, я знаю, хотя они и стараются скрыть свои отношения. А я в ответ делаю вид, что ничего не подозреваю. Пусть, раз им так хочется. Не понимаю только, зачем? Неужели они боятся, что я буду переживать из-за этой... дружбы, слегка приправленной сексом? Бедная тетя Дина! Такая ученая — а такая глупая! Думаешь, я буду ревновать? Рассчитываешь занять мамино место? Не вый-

дет! Отец не забыл маму, пусть даже прошло уже десять лет, как она умерла. Да хоть сто! Он никогда ее не забудет, никогда!! Слышишь ты, Дина-льдина! Он терпит тебя только потому, что мужчине иногда нужна разрядка! Отец не предаст маму, поняла? И ты не сможешь отнять его у меня!!!

Я вскакиваю, собирая ковер в складку. Горло начинает вибрировать, и я едва удерживаю рвущийся наружу низкий рокошующий звук. Ноздри раздуваются, с силой втягивая воздух, уши прижимаются к голове. Мне с трудом удается совладать с собой и не нарушить тишину.

Пару минут спустя я успокаиваюсь и направляюсь к двери. Когти втянулись обратно, и мягкие лапы беззвучно мнут ковровый ворс. На лопатках играют лунные блики, и в призрачном свете ночи светлые полосы меха становятся серебряными, а темные наливаются густой, глубокой чернотой.

В коридоре пусто и темно, только в конце видна тонкая яркая полоска света. Еще пара шагов, и тихие голоса приобретают отчетливость.

— ...Нет, мы не можем! Тигрица лечит ее! — отец взволнован и еле сдерживается, чтобы не повысить голос.

— Ее лечит не тигрица, а собственный мозг, — спокойно отвечает тетя Дина. — Он посылает сигналы в мышцы, заставляя их восстанавливаться. Да, Ртаки помогла твоей дочери избавиться от атрофии. Это прекрасно и воистину поразительно, но что дальше? Мы целый год наблюдаем ее окрепшее тело, а она по-прежнему не может шевельнуть даже пальцем!

В комнате воцаряется молчание. Слышно, как отец достает сигарету и щелкает зажигалкой. Воздух наполняется запахом горящего табака.

— Ее мозг добился невероятного, но теперь он намертво застрял на достигнутом. Требуется дополнительный импульс! Мы должны освободить ее сознание от химеры.

— Но это же будет для нее самым настоящим шоком! Ты хоть представляешь, как она будет тосковать?.. Я боюсь, что... — слышно, как потрескивает сигарета. Отец глубоко затягивается. — Вспомни, как она прокусила себе язык...

Эти слова тут же отдаются во рту медно-соленым вкусом горячей крови, и я снова чувствую, как лежу и жду, когда кровь

наполнит рот и устремится в горло. Я вдыхаю, проталкивая ее в легкие. Наружу рвутся булькающие хрипы. Только бы никто не услышал, только бы никто не пришел! Я захлебываюсь, перед глазами плывут радужные пятна. Но скоро все кончится, осталось потерпеть совсем немного... просто подождать, пока наступит благословенная темнота...

Но темнота так и не наступила. Меня спасли. Я кричала, что не хочу жить. Я умоляла отпустить меня, но никто не слушал, никто не хотел понять, каково это — быть похороненной заживо в гробу инвалидного кресла! За что?!!

Отец молчал и плакал. По-настоящему. Больше никогда — ни раньше, ни потом — я не видела его слез. Это было два года назад.

Постепенно отчаяние и ярость сцементировались в глухую стену: по одну сторону оказалась я — калека, а по другую — все остальные, у кого судьба не отняла шанса распорядиться ею по своему усмотрению...

Отец — единственный, кто сумел одолеть эту «стену».

Мысли прерывает голос тети Дины.

— Решать тебе, — вздыхает она, — я не могу настаивать. Но...

— Давай больше не будем сегодня это обсуждать, — прерывает ее отец, — я должен подумать.

— Хорошо. — слышно, как шуршит платье тети Дины. Она встает.

Вслед за ней поднимается и отец. Я отступаю назад по коридору, маскируясь темнотой.

Открываю глаза и, как всегда, встречаюсь взглядом с Ртаки. Будто две серебряные монетки висят передо мной во мраке. Тигрица стоит так близко, что я чувствую ее теплое дыхание.

— О чем они говорили, Ртаки? — шепчу я. — Что задумала Дина?

Тигрица вытягивает шею, и влажным теплом языка согревает мне щеку и ухо. Колючие вибриссы щекочут мне нос и подбородок. Я беззвучно смеюсь, но мне не очень-то весело. Услышанный разговор продолжает крутиться в голове и не дает покоя. «...Нет, мы не можем! Тигрица лечит ее!.. Мы должны освободить ее сознание от химеры... Это будет для нее самым насто-

ящим шоком... Ты представляешь, как она будет тосковать?» О чем это он? Господи, о чем?! Неужели они хотят отобрать у меня Ртаки? Нет, я не верю! Этого просто не может быть! Отец... он так любит меня, он не согласится! Да и какой в этом смысл?! Я не понимаю... я ничего не понимаю...

Почему я так волнуюсь, Ртаки? Ведь это был только сон?

Да, это был наш с тигрицей сон. За последний год я видела их уйму. Правда, действие этих снов неизменно разворачивалось в лесу и ни разу не происходило в нашем доме. Вот что странно. И почему-то пугает. Ртаки, что все это значит?

Тигрица отходит от кровати и ложится на пол. Она хочет показать мне еще один сон, и я послушно закрываю глаза.

Я просыпаюсь и вдруг чувствую — во рту что-то есть... Пф-ф!!! Перья! Птичьи перья!!! Я выплевываю их на подушку и с изумлением узнаю пестрый рисунок. Утка!

Сегодня во сне я переплывала реку. Тугие струи обнимали тело, и прохладные ладони воды гладили густой мех, даря ему чистоту и шелковистость...

Скрытая кустами дикой смородины, я долго шла вдоль берега, пока не учуяла уток.

Мягкая крадущаяся поступь, мощь прыжка, брызги воды, крики птиц, поверженная добыча у ног и мой протяжный гортанный стон с характерным «уу-уу-уунг» в финале... Я рычу, и песня силы доносится до всех уголков леса, заставляя его обитателей цепенеть от страха, признавая мое превосходство...

Потом я легла и принялась ощипывать утку. Я выдергивала перья зубами — аккуратно, не повреждая кожу...

Но ведь это было во сне? Откуда же здесь, наяву, у меня во рту взялись эти перья? Такого раньше никогда не было!

— Ртаки?

Ухо тигрицы мгновенно поворачивается в мою сторону, она щурит глаза, и вибриссы расходятся в стороны, словно Ртаки мне улыбается.

Дверь распахивается и в комнату входит отец с пожеланием доброго утра. Удивительно, откуда он всегда знает, что я уже проснулась?

— Как спалось, маленькая?

— Хорошо, папа! — я хочу спросить его о ночном разговоре с тетей Диной, но отчего-то не могу решиться.

— А это еще что такое? — он поднимает брови, глядя на перья, разбросанные по моей подушке.

Ртаки, все так же «улыбаясь», подходит к приоткрытому окну и останавливается, пристально глядя мне в глаза.

— Э-э-э... это Ртаки, — говорю я, не в силах отвести взгляд от черных полосок тигриных зрачков. Яркий свет из окна сделал их тонкими и острыми, как лезвия кинжалов.

— То есть? — отец непонимающе хмурится.

— Окно... В окно влетела птица... — отвечаю я, а сама все смотрю на тигрицу, и на миг мне кажется, она согласно кивает. — Ртаки ее поймала... и съела. Вот. Только перья остались, — я делаю глубокий вдох и добавляю: — Все кошки так делают.

Отец молчит, а взгляд его становится таким странным, словно из него исчезли все мысли и передо мной — пустая оболочка, а сам отец ушел куда-то далеко-далеко. Ртаки вдруг быстро подходит к кровати, и я вижу у нее на подбородке пестрое перышко. Как же это я не заметила его раньше?

— Вот, смотри, у Ртаки на морде перо осталось!

Но вместо того, чтобы взглянуть на тигрицу, отец опускает глаза и поворачивается ко мне спиной.

— Я сейчас вернусь, детка! — говорит он и быстро выходит из комнаты.

Я в растерянности смотрю ему вслед. Он догадался, что я вру, конечно, догадался! Но как я могла рассказать ему правду? «Папа, эти перья я принесла из сна, когда была там тигрицей и загрызла утку...» Бред! Что он обо мне подумает?! Известно, что! А тетя Дина скажет: «Да, тяжелая травма головы не прошла для нее даром».

Мне вдруг становится страшно.

— ...Что ты так распсиховался? Наверняка этому есть какое-нибудь рациональное объяснение! — слышу я раздраженный женский голос.

Я сижу в саду, неподвижная, как манекен. Обычное мое состояние. Впрочем, нет, не совсем обычное. С некоторых пор мой

слух стал настолько чутким, что я отлично слышу папу и тетю Дину, хотя они находятся в дальней части дома, за закрытыми дверьми. Ртаки лежит рядом, временами постукивая кончиком хвоста по полу. Я сижу в беседке, а моя инвалидная коляска стоит на дорожке. Хорошая коляска, управляется дыханием. Я дую в трубочку — и коляска едет, здорово!

Но я попросила отца посадить меня на скамью в беседку, поближе к сочной зелени хмеля. Его стебли плотно обвили шпалеры, и молодые побеги заглядывают внутрь беседки, заигрывая со всеми, кто присел на скамейку.

Теперь до коляски мне никак не добраться самостоятельно, и папа уверен, что я не подъеду к его комнате и не услышу, о чем говорят они с тетей Диной. Он не знает, что мне не надо никуда подъезжать. Я все слышу и так.

— Возможно, их просто принесло ветром, — продолжает тетя Дина.

— Нет, окно не так расположено, и створка была приоткрыта в противоположную от кровати сторону! — говорит отец.

— Послушай, — голос тети Дины становится почти спокойным, — подумай сам, в чем ты пытаешься меня убедить? Что перья действительно принесла тигрица? О, дорогой, ради Бога! Опомнись. Твоя дочь больна. У нее очень серьезные проблемы с психикой. А ты, вместо того чтобы предоставить ей соответствующее лечение, вот уже целый год поощряешь постоянное расстройство ее восприятия, делая вид, что Ртаки действительно существ...

Ее голос вдруг делается гулким, словно она говорит в железное ведро. Я чувствую, как мою голову стягивает тугой обруч, и слова тети Дины начинают двоиться и троиться, смешиваясь с собственным эхом.

— Что она говорит, Ртаки? Что она говорит? — шепчу я тигрице, пытаюсь превозмочь нарастающую головную боль и собрать воедино то, что слышу. Но слова разбегаются, и я успеваю поймать только обрывки.

— ...ей так легче... она лучше выглядит... единственная радость...

— ...станет неадекватной под воздействием бреда... тигрица должна навсегда исчезнуть...

«Навсегда исчезнуть», «навсегда исчезнуть»! «Тигрица должна навсегда исчезнуть» — слова бесконечно повторяются в голове, словно там пустая пещера, и они перекрестным эхом мечутся от стены к стене в поисках выхода. Я сжимаю веки, плотно, как только могу, пытаюсь остановить боль, но она бьется в висках, заставляя стены «пещеры» пульсировать. Сильнее, еще сильнее, и... взрыв! Сознание внезапно озаряет яркая вспышка ужасающего понимания. Я широко распахиваю веки.

— Они хотят убить тебя, Ртаки!

Тигрица поднимает голову и смотрит на меня чуть раскосыми желто-зелеными глазами. Тонкий луч солнца пробивается сквозь переплетение листьев и золотит короткие волоски на покатых верхушках ее ушей. Она знает, о чем я говорю, но в ее глазах нет страха, а только спокойное осознание факта.

— Вставай, Ртаки! Тебе нужно уходить, — я с трудом проглатываю распирающее горло комок. В груди разливается холод и сердце бьется все быстрее, пытаюсь согреться. — Нам придется расстаться. Иначе они тебя уничтожат!

Ртаки встает и подходит ко мне. Поставив передние лапы на скамейку, она вытягивает шею и нежно проводит по моей щеке теплым розовым языком.

— Прощай, Ртаки, — губы мои дрожат, едва выговаривая слова.

Я целую тигрицу в нос. Ртаки щурится, щекоча упругими вибриссами бровей мое лицо. Я слышу, как в доме открывается дверь. Тигрица тоже слышит. Она отходит от меня и останавливается в дверном проеме беседки.

Плитки дорожки шуршат под ногами. Сначала тихо, потом все громче и громче. И вот уже шаги гремят оглушительно, словно выстрелы.

— Боже мой, Ртаки, беги! Беги!!! — слезы заливают глаза, мир расплывается, и тигрица превращается в размытую непонятного цвета тень. — Скорей же!

Я закрываю глаза и вижу, как бегу вместе с ней к забору. Ты перепрыгнешь его! Ты можешь! Я знаю, какая ты сильная, и как ты умеешь прыгать. Я помню! Я все помню! Каждое движение каждой мышцы... Вот уже зеленые доски проглядывают сквозь кусты боярышника. Больше скорости! Раз! два! три!!! Пошла!!!

Толчок! Земля резко уходит вниз, тутая, до предела сжатая пружина распрямляется, и тело летит вперед! Наше с тобой тело...

Одетые в темное силуэты коротко обнимают отца, немного-словно прощаются и исчезают в чревах машин. Вскоре все они разъезжаются, и отец остается один.

Вчера мне снилось, как он гуляет со мной в саду. Он катил инвалидную коляску по дорожке, и по моим застывшим коленям скользили быстрые тени, снова и снова напоминая о движении — таком естественном и в то же время таком для меня недоступном.

Я проснулась с влажными глазами и сухостью во рту. Поднялась, направилась к реке и долго пила прохладную воду, перемешанную с лунными бликами. В их тихом плеске мне чудились шаги отца, и в шепоте ветра высоко над головой я слышала его голос.

Ты звал меня, папа, и я пришла.

Густые ветви бузины качаются перед глазами, то и дело скрывая фигуру отца. Он стоит так долго и неподвижно, что кажется еще одним деревом на краю дороги. Сейчас, папа, сейчас... Дай мне еще чуть-чуть времени.

Из дома выходит тетя Дина и медленно приближается к отцу. Я замираю, досадуя на себя за то, что упустила момент. Тетя Дина подходит к отцу сзади и обнимает его за плечи.

— Уже поздно, — тихо говорит она ему на ухо. — Пойдем, я приготовила тебе горячий чай со смородиной и мятой. Он поможет уснуть.

— Ты иди, Дина, — отвечает отец, — я потом. Хочу побыть тут еще немного. — Он внезапно поворачивается в мою сторону и пристально смотрит на кусты бузины.

— Я постою с тобой, — тетя Дина разнимает руки и становится сбоку от отца.

Его поза сразу делается напряженной и через пару минут он говорит:

— Ладно, пойдем в дом.

Они поворачиваются ко мне спиной, и тетя Дина с преувеличенной осторожностью берет отца под руку и так заботливо

ведет его к дому, будто он — тяжело больной. Спустя некоторое время я слышу, как они медленно идут по длинному пандусу, ведущему к входной двери.

Сквозь тонкие занавески видно, как в комнате движутся две тени. Я наблюдаю за ними в ожидании, когда погаснет свет. Наконец, дом погружается в темноту, и я выхожу из своего укрытия.

В саду тихо и до сих пор еще витает легкий запах еды, напитков и людей, приходивших сегодня к отцу. Я медленно иду вдоль восточной стены нашего дома, направляясь к окну своей комнаты. Отчего-то я уверена, что отец оставил его открытым. Так и есть! Я легко вспрыгиваю на подоконник и замираю, глядя на свое инвалидное кресло. На черном кожаном сидении лежит мягкая игрушка — рыжий тигренок с изумрудными бусинами пластмассовых глаз.

Эта игрушка — подарок мамы. Мне тогда было лет шесть, и я помню, как бежала ей навстречу, а она держала в руках этого тигренка.

Мама вручила мне игрушку и сказала, что это уссурийский тигр.

Потом, укладывая меня спать, она рассказала, как выступала на большом собрании людей, которые заботятся о дикой природе, и объясняла им, что нужно делать, чтобы сохранить уссурийских тигров — замечательных, сильных и красивых животных...

Тигренок сразу стал моей любимой игрушкой и, засыпая, я всегда прижимала его к себе. Потом я выросла, и тигренок переселился на полку возле моей кровати...

Это отец снял игрушку с полки и посадил на инвалидное кресло. Он ждет меня.

Я спрыгиваю с подоконника, беззвучно пересекаю комнату, выхожу в холл и направляюсь к короткому коридору, ведущему в спальню отца. В холле висит зеркало, закрытое темной тканью. Когда я прохожу мимо, ткань неожиданно падает на пол, и впервые за долгое время я с удовольствием поворачиваюсь к зеркалу. Мне нравится мое отражение.

Дверь в спальню приоткрыта. Я проскальзываю внутрь и останавливаюсь напротив отца. Легкий ветерок колышет занавески.

вески, и по лицу отца бегут едва заметные в слабом свете звезд тени.

Он открывает глаза и резко садится на постели. Даже в темноте видно, как побелело его лицо, а губы кажутся фиолетовыми. Здравствуй, папа.

Мы оба застываем в полной неподвижности и не отрываясь смотрим друг другу в глаза. Время останавливается, и все вокруг исчезает, растворяясь во мраке. Остаются только наши слившиеся воедино взгляды. Постепенно его лицо расслабляется, и к нему медленно возвращаются краски. Все хорошо, папа. Ты знал, что я приду, правда?

Отец тихо встает с постели, подходит и опускается рядом со мной на колени. Он обнимает меня и прижимается лбом к моей шее. Да, родная, все хорошо. Мы снова вместе. Я чувствую, как его дыхание входит в унисон с моим, а кровь начинает пульсировать в такт ударам моего сердца. Добро пожаловать в мой мир, папа...

Тишину внезапно разрывает истошный женский визг. Время вновь трогается с места, и визг тут же заглушается тигриным гортанным стоном. Протяжное «уу-уу-уунг» уносится далеко за пределы сада.

Не бойся, он славный!

Нажав кнопку отбоя, Нина вздохнула и медленно пошла через двор, сжимая в руке мобильный телефон. На душе было тяжело. Отчего он не хочет понять? Мысленно она все еще продолжала диалог с Алексеем.

«Но для меня это тоже очень важно! — говорил он. — А к Ване придешь на следующий день! Что в этом особенного?!»

«Ох, Леша, Леша! Да как же объяснить тебе, что следующий день — это не для него! Это только для таких, как мы...»

Неожиданный толчок в плечо отбросил Нину в сторону. Она ойкнула и взмахнула руками, чуть не выронив телефон. Толкнувший ее мужчина даже не обернулся, продолжая стремительно идти вперед. Под мышкой он нес картонную коробку, перевязанную бечевкой. Нина убрала телефон в сумку и двинулась

дальше, неодобрительно посматривая на яростно подпрыгивавшую спину незнакомца. Тот быстро подошел к мусорным контейнерам в углу двора и, небрежно бросив коробку поверх горы отходов, почти бегом бросился прочь. Выскочив через арку на улицу, он мгновенно скрылся из виду.

Поравнявшись с контейнерами, Нина услышала громкий шорох. Брошенная мужчиной коробка тряслась и качалась, потихоньку сползая с кучи мусора. Девушка ахнула и отступила назад, не сводя с нее глаз. Съехав на край контейнера, коробка резко дернулась и свалилась на землю. Раздался сдавленный писк.

«Мышь? — подумала Нина, опасливо приближаясь к коробке. — А вдруг крыса?!» Коробка вновь задвигалась, елозя по земле и издавая тихие жалобные звуки. «Ладно, — решила Нина, — кто бы там ни был, нельзя, чтобы животное так мучилось». Она развязала веревку и, открыв крышку, на всякий случай отпрянула. Но никакая крыса оттуда не выпрыгнула. В коробке сидело маленькое существо. Пушистое тельце, покрытое густой блестящей шерстью красивого темно-шоколадного цвета, четыре мягкие лапки и толстый хвостик, судя по всему, принадлежали котенку. Мордочку Нина увидела пока не могла, потому что на голову существа был надет мешочек из плотного черного полотна со шнуром, завязанным на шее животного. Существо затрясло головой и пискнуло. «Это еще что за ку-клукс-клан такой?!» — поразились Нина, распутывая узел.

Она стянула с головы несчастного пленника мешочек и сунула его в карман. Взгляду предстала симпатичная кошачья мордочка с огромными, чуть красноватыми глазами. «Ну, люди! — подумала Нина, вспомнив, как мужчина буквально на бегу швырнул коробку в помойку. — Котенок-то — совсем малыш! Выходит, не успел завести, как уже избавился! Да еще и мешок этот дурацкий! Ни стыда, ни совести!» Котенок вновь тоненько то ли мяукнул, то ли пискнул и всем дрожащим тельцем потянулся к своей спасительнице, глядя ей прямо в глаза.

— Ах ты, бедолага, — сказала Нина, осторожно подхватив котенка, — да возьму я тебя! Возьму, конечно, не волнуйся!

Дома она поставила перед котенком блюдце с молоком, но тот не проявил к нему интереса. Он неподвижно сидел на полу

и, подняв мордочку вверх, неотрывно смотрел на девушку. От его больших красных глаз Нине вдруг стало не по себе. Ей внезапно показалось, что своим пристальным взглядом котенок путает ее мысли, заставляя думать о чем-то нужном ему, но неприятном для нее. Ей даже почудилось, будто он что-то сказал, только так тихо, что она не расслышала. Нина вздрогнула и попятилась. Котенок тут же отвел взгляд и потянулся к блюдцу. Станные ощущения мгновенно покинули девушку. Теперь это был обычный голодный котенок. Он жадно лакал молоко, не обращая на нее никакого внимания.

Отыскав в чулане большую плетеную корзину, Нина положила на дно мягких тряпочек и поставила корзину неподалеку от котенка.

— Здесь ты будешь спать, — сказала она ему.

Котенок к тому времени уже покончил с молоком и сидел, облизываясь. Увидев корзину, он быстро подбежал к ней, запрыгнул внутрь и улегся на дно. «Вот уж не знала, что кошки могут быть такими сообразительными», — удивилась хозяйка и хотела погладить котенка, но тут зазвонил телефон. Это был Алексей.

— Нина, это я. Послушай, я тут подумал... В общем, я был не прав. Погорячился, извини... Алло, ты меня слышишь?

— Да-да, я здесь, — ответила Нина и умолкла, пытаясь собраться с мыслями.

С ней происходило что-то непонятное. Размолвка с Алексеем вспоминалась с трудом, словно она была не сегодня, а сто лет назад. Нина вдруг осознала, что уже не испытывает по этому поводу никаких чувств, потому что все это давным-давно было поросло.

— Нин... ты чего молчишь?

— Я... вовсе на тебя не сержусь, и... знаешь, что-то я устала сегодня... поговорим завтра, ладно?

— Ну, хорошо... как скажешь. Ты не заболела?

— Н...нет, все в порядке. Завтра созвонимся. Ну, пока?

— Пока, — в голосе Алексея слышалась обида, но Нину это почему-то совсем не трогало.

Она села на кровать и взглянула на котенка. Тот сладко спал, свернувшись клубочком. «Пора и мне на боковую, тяже-

лый выдался день. Впрочем, как всегда», — она поднялась и стала разбирать постель.

Утром Нина проснулась с ощущением, что ночью ей приснился страшный сон. Она не помнила подробностей, только общее впечатление страха, и что кошмар был связан с котенком. Будто он стал громадных размеров и хотел какую-то часть тела у нее отъесть, или даже целиком проглотить, сверкая красными огнями глаз. Она приподнялась на кровати и посмотрела на своего нового питомца. Он сидел в корзине, вылизывая лапки и умываясь так, как это делают все кошки. Нина вдруг заметила, что он и в самом деле увеличился. Конечно, не как во сне, но... его бока... Они явно округлились! Да и морда стала как-то больше, щеки надулись... «Глупости! Что за чепуха! — Нина откинулась обратно на подушку. — Не мог же он за ночь вырасти! Просто поел, отоспался, вот шерстка и распушилась. Ничего он не увеличился! Черт-те что лезет мне в голову! Все из-за этого бредового сна. Наверное, я просто переутомилась. Каждый день на двух работах пахать! Так недолго и правду двинуться. А не побережь ли себя? В «Фонтан» я должна явиться к трем часам, так почему бы мне сейчас не отдохнуть? Возьму, да и посилю еще. Надо только телефон выключить, чтоб никто не мешал». Отключив и домашний, и мобильный телефоны, Нина натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Уже накатывала дрема, когда она вспомнила, что обещала сегодня утром зайти к Ване. «Да ладно, — подумала она, — я и так часто у него бываю. И всегда вкалываю не покладая рук, причем бесплатно...»

Около часа дня Нина встала, чувствуя себя отдохнувшей и посвежевшей. Напевая, она приняла ванну и тщательно привела себя в порядок. Потом надела нежно-голубое платье, то, что было ей особенно к лицу, и покрутилась перед зеркалом. На губах заиграла довольная улыбка. Вот теперь она готова отправиться в «Фонтан звуков». В этот крупный магазин, торгующий модной музыкальной продукцией, часто заходят достойные покупатели, и она должна выглядеть эффектно.

Часов в семь вечера, когда Нина расставляла на полки только что полученные со склада диски, кто-то тронул ее за

плечо. Она обернулась и увидела мрачного, обеспокоенного Алексея.

— Леша! Привет! — Нина улыбнулась. — Ты чего такой хмурый?

— Я звонил тебе все утро.

— Ой! — воскликнула Нина, хлопнув себя по лбу. — А я и забыла совсем, что отключила телефоны! Надо включить.

— Между прочим, Ваня тоже тебе звонил. Очень волновался, куда ты пропала.

— А ты откуда знаешь?

— Я был у него. Заехал в свой обеденный перерыв.

— Ты ездил в хоспис? Зачем?!

— Думал, ты там.

Нина отвернулась к полке и продолжила расставлять диски. Несколько минут Алексей молча стоял, наблюдая за ее действиями, потом спросил:

— Нин, что происходит? Ты не хочешь со мной разговаривать?

— Знаешь, — голубое платице крутанулось, красиво подведенные глазки игриво посмотрели на парня, а тщательно накрашенные губки сложились в ласковую улыбку. — Я так соскучилась! Очень хочу побыть с тобой вдвоем. Приду к тебе в субботу.

— То есть, как придешь?

— Как, как... Ногами, естественно! — рассмеялась Нина. — Или ты уже передумал меня приглашать?

— Нет, не передумал, конечно, и очень рад... только не понимаю: а Ваня-то как же? Ты же сама вчера мне объясняла, как это для него важно, и что ты не можешь нарушить свое обещание!

Улыбка вмиг исчезла, Нина нахмурилась и потерла руками виски.

— Да... Ваня... конечно, — она закусила губу и уставилась в одну точку, словно силилась что-то вспомнить, — я должна обязательно пойти к нему в субботу. Ведь ему не так долго осталось!

— Да, он совсем плохо выглядит. Под глазами черные круги, будто неделю не спал.

— Не спал, — эхом откликнулась Нина и, вздрогнув, схватила приятеля за руку, — плохо спал! Ну да! Потому что лекарство не подействовало! Врач обещал увеличить дозу! Вот что! Вот!!! — глаза ее лихорадочно заблестели.

— Нин, ты чего? Тише, тише, — Алексей обернулся на посетителей магазина. Некоторые остановились, с любопытством глядя в их сторону.

— Слушай, сегодня я видела странный сон, — Нина понизила голос, — или даже два сна! Нет, подожди... мне надо подумать.

— О чем ты? — Алексей посторонился, пропуская к полке покупателя.

— Леш, давай, я лучше тебе потом все объясню. Попозже вечером, после работы, хорошо? А то здесь неудобно.

— Ладно, ты только телефон не забудь включить!

Закончив смену, Нина вышла из магазина и направилась домой, раздумывая о том, что сегодня произошло. И чем больше она размышляла, тем сильнее поражалась своему поведению. Как безобразно она сегодня поступила! И, главное, совершенно не понимала этого! Просто затмение какое-то нашло, приступ махрового эгоизма... Раньше такого не случалось. Хорошо, пришел Леша и вывел ее из этого состояния. Это же надо! Завалилась дрыхнуть вместо того, чтобы пойти в хоспис! А ведь там была уйма работы! Лизе пришлось за двоих вкалывать. А Ваня! Он так разволновался! Стоило только включить мобильный, как он тут же позвонил и сказал в точности то же самое, что она услышала от него сегодня во сне! Да-да! Оказывается, перед тем, как начался кошмар с котенком, ей приснился Ваня. Этот эпизод неожиданно всплыл в памяти во время разговора с Лешей:

«Ну, как ты, Ванечка?» — спрашивала она, вглядываясь в его изможденное бледное лицо. «Не спал. Лекарство плохо подействовало, и всю ночь внутри ужасно жгло». — «А что Николай Фомич? Ты ему сказал?» — «Да. Он обещал увеличить дозу... Нина, а я успею справить день рождения?» — «Ну, зачем ты так говоришь, Ваня? Ты и сам знаешь, что мы обязательно отпразднуем твой день рождения, обязательно! В субботу, как договорились». — «Ты точно придешь?» — «Ну, разумеется! Конечно! И не только я. Все!» — «Хорошо, — Ваня улыбнулся, — я буду ждать». И тут он закашлялся, сильно, глубоко и громко, изо всех сил прижимая к груди исхудавшие руки. Лицо его побавровело, исказившись от боли и напряжения, на лбу вздулась синяя жилка, а на глазах выступили слезы. Нина тихо сидела,

ожидая, пока пройдет этот неистовый приступ, и ей казалось, что Ванина грудь вот-вот разорвется, а вместе с ней разорвется и ее собственное сердце...

Потом Ваня исчез, и она вроде бы оказалась у себя в комнате, где на нее и напала эта огромная тварь. Она смутно помнила только хищный прыжок темного тела и яростный блеск красных глаз, но при этом почему-то была абсолютно уверена, что это чудовище — ее котенок...

Проходя мимо книжного магазина, Нина увидела невысокого сухонького старичка в застиранной почти до полной потери цвета рубашке и заношенных брюках. Он стоял возле небольшого раскладного столика с книгами. То были разные издания, некоторые сильно потрепанные, но большинство томиков находилось в приличном состоянии. Дедушка явно пытался распродать книги из собственной домашней библиотеки. Нина подошла к столику.

— Вот, пожалуйста, посмотрите, тут есть и проза, и поэзия, — сказал дед неожиданно глубоким сильным голосом.

Нина взяла одну из книг.

— Георгий Иванов, — тут же прокомментировал старик ее выбор, — первый поэт русской эмиграции. Если любите поэзию, берите! Отдам недорого. Прекрасные стихи. Явление в литературе двадцатого века.

— Хорошо, я возьму. Сколько с меня?

Старик назвал сумму.

— Действительно, дешево, — Нина вернула том на столик и полезла в сумку за кошельком. — Вот, — она протянула деньги старику.

Тот уже держал книгу в руках, ласково поглаживая корешок. Чуть помедлив, он взял купюры и как-то неохотно протянул томик. Было видно, что ему нелегко расставаться с книгой любимого поэта. Нине стало жаль деда.

— А может, пусть она у вас останется? — девушка положила книгу на стол. — А деньги возвращать не надо.

— Да вы что? — в голосе старика вдруг зазвенел металл. — Немедленно заберите! Нешто думаете, я прошу у вас подаяния? — он гордо выпрямился, сверля покупательницу взглядом.

— Извините, — пробормотала она и, схватив томик, убрала его в сумку. — До свидания.

— Всего хорошего и спасибо за покупку, — как ни в чем не бывало улыбнулся дед.

Остальную дорогу Нина прошла скорым, размашистым шагом и спустя несколько минут была уже дома. Открывая свою квартиру, она чуть не задела дверью котенка. Видно, он ждал ее в прихожей прямо возле порога и теперь едва успел отскочить. Выглядел он уныло. Бока опали, мордочка осунулась, шоколадная шерсть поникла.

— Ох, я — свинья! — воскликнула Нина, перехватив укоризненный взгляд котенка. — Забыла оставить тебе еды! Прости, прости меня, малыш! — она поспешила на кухню и открыла холодильник. — Что тут у нас? Ага, вот. Будем есть сосиски!

Достав четыре штуки, она две бросила в кастрюлю вариться, а две положила в миску котенка.

Достав из сумки купленную книгу, она вспомнила нищего, но гордого старика. «Образованный, аккуратный и еще полный сил, он наверняка всю жизнь добросовестно работал, а теперь вот... Ах!» Внезапный прыжок котенка оборвал ее мысль. Только что он стоял на полу, спокойно поедая сосиску, и вдруг, одним молниеносным скачком, оказался на столе, напротив Нины. Глаза его горели красным блеском, и казалось, сейчас он бросится на нее и вцепится в лицо. Она в ужасе отпрянула и, налетев на плиту, опрокинула кастрюлю с сосисками. Левую руку обдало кипятком, и Нина закричала от нестерпимой боли, а потом в ушах зазвенело, и все погрузилось в черноту.

Придя в себя, девушка обнаружила, что сидит на полу в кухне в луже разлитой воды. Котенка поблизости не было. Нина стала подниматься и, поскользнувшись на раздавленной сосиске, едва не потеряла равновесие. Она ухватила за плиту, и тут же вскрикнула, увидев собственную руку. Предплечье и кисть были бордового цвета и покрыты пузырями. Некоторые лопнули, превратившись в страшные открытые раны, окруженные лоскутками кожи. Ожог выглядел жутко, но боли не было. Совсем. И это привело Нину в не меньший ужас, чем зрелище изуродованной кипятком кожи. Внутри у нее все похолодело. «Почему, почему я ничего не чувствую?! Рука будто мертвая! Что случилось?» Девушка

медленно согнула и разогнула руку в локте, затем покрутила кистью, сжимая и разжимая пальцы. «Действует нормально, слава Богу», — Нина слотнула и пальцами другой руки осторожно дотронулась до обожженного места. Никаких неприятных ощущений, за исключением липкости сукровицы. «Наверное, все равно надо ее забинтовать, иначе попадет грязь».

Нина подошла к столу, где в ящике хранились медикаменты. Взгляд упал на книгу. «Зачем я купила эти стихи? Только деньги зря потратила! Старику они нужны! А мне что, разве нет? Он уже прожил жизнь! — Нина вдруг поймала себя на том, что по-настоящему разгневана, и это ее удивило. — Что со мной? Старик... Почему я злюсь на него?.. — мысли путались и ускользали. — ...Нужно забинтовать руку». Она выдвинула ящик, но бинта там не оказалось. «Был же вроде. Может, в комнате, в шкафу?»

Нина вошла в комнату и остановилась как вкопанная. Котенка больше не было. Вместо него в корзине лежало темное, бесформенное существо, и его толстое мохнатое тело там едва помещалось, так что кое-где в промежутках между прутьями пучками торчала наружу длинная коричневая шерсть. Существо, похоже, спало, и Нина стала тихо отступать назад, не сводя с него широко открытых от изумления и страха глаз. От мысли, что оно может проснуться и посмотреть на нее, Нину обуял ужас. Почему-то именно это пугало больше всего. Его взгляд.

Существо зашевелилось, и Нина замерла, слушая стук собственного сердца. Казалось, время почти остановилось, и она, не отрываясь, смотрела, как существо неторопливо растянуло, зевая, пасть и начало медленно открывать глаза. словно под гипнозом она следила за его веками. Вот они дрогнули, и стали потихоньку раздвигаться. Щели между ними делались все шире, пока вдруг не вспыхнули красным светом, заставив Нину очнуться от ступора и пулей выскочить из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Ледяная волна страха обострила восприятие, и Нина вдруг почти физически ощутила, как с ее сознания спадает какая-то тонкая, но мутная пелена. Мысленный взор стал кристально ясным, и в памяти неожиданно ярко всплыла вторая часть вчерашнего сна.

После того как ей приснился Ванечка и его мучительный кашель, место действия сна неожиданно сменилось, и Нина оказалась у себя в комнате, в постели. Вокруг было темно, а прямо напротив светились два красных огонька. Вскрикнув, Нина резко села на кровати и, нащупав выключатель стоявшей на тумбочке лампы, нажала кнопку. Но свет не зажегся. Она отчаянно щелкала выключателем, но лампа не загоралась. Оставив бесполезные попытки, Нина, задыхаясь от ужаса, смотрела, как огоньки медленно плывут к ее постели, и тут вдруг услышала тихий шелест. От страха она не сразу поняла, что этот шепот, и только спустя некоторое время сумела различить слова: «Не бойся! Я не сделаю ничего плохого. У тебя есть то, что тебе не нужно. Я заберу это, и тебе станет лучше». Приблизившись к кровати, огоньки подпрыгнули, и что-то мягко стукнуло по матрасу. Нина задрожала и вжалась спиной в стену. Теперь она смогла явственно различить силуэт котенка с двумя горящими, как угли, глазами. «Что тебе надо?!» — хотела выкрикнуть Нина, но вместо связанной речи из горла вырвалось лишь сдавленное мычание. Однако котенок ответил: «Боль! БОЛЬ! Вот что мне надо. Я заберу твою боль. Отдай ее мне! Оотдаайййй», — прошипел он и запрыгнул девушке на колени. «Прочь!» — взвизгнула Нина и попыталась вскочить, но все вокруг внезапно стало меркнуть. Последнее, что она увидела, прежде чем чернота поглотила сознание, было растущее на глазах кошачье тело и морда с огромными красными пятнами глаз. Потом морда стала вращаться, расплываясь в бесформенное нечто, и Нине показалось, что и ее, и котенка, и вообще весь мир засасывает какая-то гигантская безжалостная воронка...

Очнувшись, Нина отпустила ручку двери, в которую она, оказывается, вцепилась мертвой хваткой и все это время так крепко держала, что занемела рука. Девушка разомкнула пальцы и замерла, успокаивая дыхание и прислушиваясь. В комнате было тихо. Нина посмотрела на ручку двери. Сможет ли он допрыгнуть? Запросто! Она метнулась в ванную, схватила швабру и приставила ее снизу к ручке двери в комнату, другим концом уперев в пол. Вот так! Теперь ручка не опустится вниз, даже если он до нее дотянется. Конструкция, конечно, не слишком устойчивая, но для кота... Кота?! Да какой, к черту, кот?!

Нина бросилась в кухню, схватила телефонную трубку и набрала Лешин номер.

— Леша, пожалуйста, приезжай! Очень тебя прошу! — скороговоркой выпалила она, услышав знакомое «алло».

— Нина! Что случилось?

— Ты можешь приехать прямо сейчас?

— Да что стряслось-то?!

— Расскажу, когда будешь здесь!!! Пожалуйста! Мне нужна твоя помощь!

— Уже еду.

Нина выскочила в прихожую и, опасливо взглянув на припертую шваброй дверь комнаты, устремилась к вешалке для одежды. Вчера было прохладно, и она ходила в легкой куртке. Порывшись в карманах ветровки, девушка извлекла мешочек из плотного черного полотна. Теперь она понимала, зачем мужчине понадобился этот чехол, но что делать дальше не знала. Она была слишком напугана и взволнована, чтобы трезво оценить ситуацию и принять какое-нибудь решение. Девушка вернулась на кухню и, сев за стол, положила мешочек перед собой. Надо подождать Алексея. Вместе они что-нибудь придумают. Обязательно.

— Ваня, привет! — улыбаясь, поздоровалась Нина, заходя в Ванину комнату.

— Привет! — он заерзал, стараясь поудобнее устроиться на кровати.

Нина подложила ему под спину подушку и помогла сесть.

— Что у тебя с рукой? — нахмурился Ваня, увидев ее забинтованную кисть. Остальную часть руки скрывал длинный широкий рукав шелковой блузки.

— Да так, чай пролила, ну, и обожглась немного. Уже не болит. В общем, ерунда! Лучше расскажи, как твои дела?

— Да ничего. Бывало и похуже, — он улыбнулся одними бесцветными губами и указал на пол возле кровати, куда Нина поставила какой-то прикрытый курткой предмет, — а это что такое?

— Это контейнер для переноски животных. А в нем мой котенок. Федей зовут. Вот решила принести, показать тебе, — Нина поставила контейнер на прикроватную тумбочку, сняла куртку и открыла крышку.

— Ой, а зачем это у него на голове? — Ванины глаза округлились.

— Понимаешь, у Федей редкая болезнь. Из-за нее он не может долго оставаться на свету с незащищенными глазами.

Котенок завозился в контейнере и тоненько приглушенно мяукнул.

— Бедняжка! — Ваня вздохнул. — Ему, должно быть, душно в этом мешке.

— Да, душно вато немного. Но я уже заказала ему специальные наглазники. Послезавтра будут готовы. Так что ему чуть-чуть потерпеть осталось.

— Какая красивая у него шерстка! Такая шоколадная! — Ваня с любопытством рассматривал Федей. — А можно мне его погладить?

— Конечно! И знаешь, я могу ненадолго снять с него мешок. Надо только шторы задернуть и дверь в комнату закрыть, чтобы не попадал свет из коридора.

— Давай! — оживился Ваня.

— Только, Вань, пусть это будет нашим секретом, ладно? Ты ж понимаешь, врачи вряд ли будут в восторге, узнав, что я принесла в хоспис животное. Боюсь, после этого меня сюда вообще больше не пустят.

— Я никому не скажу! — с готовностью ответил Ваня, следя за тем, как Нина задергивает шторы.

— Хорошо, — девушка подошла к кровати и взглянула Ване в глаза, — я знаю, ты не проболтаешься.

Ваня кивнул. Лицо его было серьезным.

Развязав шнурок на шее котенка, Нина аккуратно стянула с его головы мешок.

— Ой! — Ваня испуганно отшатнулся.

— Не бойся, он славный! — ласково проговорила Нина, отступая к двери.

Ваня замер, не смея шевельнуться. Взгляд его был прикован к глазам котенка. Выпрыгнув из контейнера, Федей мягко приземлился к нему на одеяло.

— Ну вот... ты тут поиграй с ним, а я посторожу, чтобы никто не вошел, — сказала девушка и, приоткрыв дверь, выглянула в коридор.

Отойдя от хосписа, Нина достала мобильный телефон.

— Алло, Леша, это я. Все получилось замечательно! Я уже иду домой.

— Отлично, я тоже выезжаю и скоро буду у тебя. Ну, как все прошло? Что он делал?

— Кто, Федя? — Нина улыбнулась, взглянув на прикрытый курткой контейнер, который она несла в левой руке. — А что он мог делать? То же, что и всегда! Забирал боль. Много боли, много! Так напился, что я едва затолкала его обратно в переноску.

— Ничего, к завтрашнему утру опять усохнет... Словно клоп! Насосется крови — распухает, а потом, когда переварит, обратно уменьшется.

— Прекрати! Зачем ты так? Клоп! Подумай лучше, скольким людям еще он сможет помочь. В хосписе боль не кончится никогда!

— Ладно, ладно, не заводись! Лучше расскажи, как Ваня-то? Испугался?

— Да, было чуть-чуть. В самом начале, а потом... ну, ты сам понимаешь. В общем, когда я уходила, Ваня уже спал. Крепко и спокойно. Знаешь, я такого лица у него никогда не видела! Спит и во сне улыбается, даже щеки порозовели.

— Хорошо, — Алексей немного помолчал, а потом спросил: — Нин, а ты? Ты сама как? Не... — он замялся.

— Я? Ха! Зря боишься! Слушай, он у Вани взял столько, что, по-моему, наелся под самую завязку. Так что для меня у него и места-то уже не было. К тому же я неукоснительно соблюдала технику безопасности! — она засмеялась.

— Ага, смейся! А вот мне, между прочим, было совсем не до смеха, когда ты выключила телефоны и на всех болт забила!

— Да хватит тебе! Я же не нарочно! Сколько можно меня стыдить! Что было, то прошло... А теперь со мной уже все в порядке. И когда нужно, душа моя болит по-прежнему. Как ей и положено.

Мария Сидлер

Я из породы «библиотечных крыс» — библиотекарь со стажем (окончила Московский Государственный Университет Культуры, работала в библиотеке Дома Гоголя). Но судьба распорядилась, чтобы я не только читала чьи-то книги, но и начала писать свои... Сказки. Для детей и взрослых. Потому что сказкой может стать любая мелочь — надо только сильно захотеть увидеть сказку в своей жизни.

Я — МАМА. Потому что моя удивительная сказка началась с рождения моих дочерей.

Я — ЖЕНЩИНА. Именно с большой буквы и большими буквами.

У меня собственная Философия Бурной Реки: «Жизнь это Бурная Река. И сколько бы раз на пути она ни вспенивалась — ее надо преодолеть, сколько бы раз она ни бросала в водовороты — надо из них выбраться, сколько бы раз она не предоставляла убежище в тихой заводии — лучше из него уплыть...»

Манекены

И в самых пустых головах любовь нередко преострые выдумки рождает.

К.Прутков

Неизвестно, была ли его голова пустой всегда, или она опустела в тот миг, когда любимая девушка неожиданно решила выйти замуж за другого... Но с некоторых пор Павел чувствовал странную пустоту в том месте, где по мнению ученых, должен был располагаться мозг. Иногда ему даже казалось, что внутри черепной коробки не пустота, а вакуум.

Однажды Павел уныло брел по улице, ни о чем не думая, как вдруг его взгляд уперся в витрину одного из многочислен-

ных магазинчиков одежды. За стеклом стояла ОНА. Его Вероника. Она смотрела на него пристально и чуть-чуть надменно. Павел замер, пораженный неожиданной встречей, и его вакуум мгновенно заполнился миллиардами маленьких, острых мыслишек. Они вихрем пронеслись в голове и слились, как ему показалось, в удачную идею. Молодой человек поспешно толкнул дверь бутика.

— Девушка! Умоляю! Продайте мне вот это! — с порога воскликнул Павел, обращаясь к молоденькой продавщице и бестолково тыча пальцем в сторону витрины.

Менеджер торгового зала широко улыбнулась:

— Вы хотите купить это вечернее платье? Знаете размер своей девушки?

Павел отрицательно помотал головой.

— Зачем мне платье? У меня и девушки-то никакой нет... Я манекен хочу купить.

Продавщица вытаращила на него густо накрашенные глаза:

— Но мы не торгуем манекенами! Могу предложить вам телефон фирмы, которая нам их поставляет.

— Нет, вы не понимаете! Мне нужен именно ЭТОТ манекен... Понимаете... — и Павел сбивчиво рассказал грустную историю своей любви.

Девушка-менеджер так растрогалась, что обещала помочь обрести Павлу личное счастье.

Через полчаса Павел шагал по улице, неся под мышкой огромный сверток.

Дома Павел первым делом освободил свое драгоценное приобретение от упаковки и осторожно поставил манекен на пол. Платье нежно струилось по совершенному телу псевдо-Вероники. Павел отошел, чтобы полюбоваться.

— Добро пожаловать домой, любимая! — громко сказал он и, подхватив манекен на руки, начал показывать ему свое жилище. Пластиковой девушке особенно понравилась спальня. Она шикарно смотрелась, разметав на белоснежном покрывале двуспальной кровати длинные каштановые локоны. Павел осторожно снял с подруги белое платье и повесил в шкаф:

— Это ты наденешь на нашу свадьбу, дорогая.

Он накрыл куклу одеялом и пристроился рядом, нежно прижавшись к прямой спине манекена...

— Спокойной ночи, МОЯ Вероника...

...Так они и зажили вдвоем. По утрам Павел вскакивал чуть свет, варил ароматный кофе и приносил в крохотной чашечке Веронике. Но кофе так и остывал на тумбочке.

Павел накупил для куклы кучу разной одежды и изящного дорогого белья. Он с удовольствием бегал по магазинам и объяснял удивленным продавцам, что покупает одежду для своей девушки, которая не любит сама делать покупки. Женщины тайно вздыхали и отчаянно завидовали неведомой красотке.

Вероника сидела на кухне в шелковом халате, стояла у окна в спортивном костюме, смотрела телевизор на диване в джинсах и водолазке, спала на двуспальной кровати в шелковой пижаме с кружевами.

Павел был на десятом небе от счастья. ЭТА Вероника оказалась идеальней, чем ТА, другая. Вероника из прошлой жизни часто бывала капризна и болтлива. Теперешняя Вероника молчала и внимательно слушала Павла. У нее никогда не болела голова, и не менялось по пять раз за день настроение. Правда, ЕГО Вероника не умела готовить... Но Павел не считал это большим недостатком. Ведь главное — Вероника навсегда останется с ним.

Как-то раз Павел даже взял ее в ресторан. Люди, конечно, смотрели на него, как на сумасшедшего. За лучшим столиком сидят манекен в норковой шубке и страстный молодой человек, с горячечным блеском в глазах наблюдающий за реакцией других посетителей на его спутницу.

Небольшой скандалчик вышел в ЗАГСЕ, где категорически отказались принимать заявление о регистрации странной парочки.

По вечерам они гуляли. ЕЕ пластиковые ноги, обутые в новые кроссовки, медленно волочились по асфальту...

Цветы Павел покупал искусственные — решил, что манекену пластмассовые и тряпичные розы больше придутся по душе.

Душа... Павел теперь все чаще задумывался над вопросом: а есть ли у манекенов душа? Наверное, есть. Иначе чему так загадочно улыбается Вероника, глядя в окно? Иногда Павлу даже

казалось, что кукла сама меняет положение тела, но уловить момент, когда она это делает, не мог.

Как-то утром Павел обнаружил, что манекен, лежащий рядом с ним, дышит. Он несколько раз протирал глаза и щипал себя за мочки ушей и кончик носа, но видение плавно вздымающейся идеально очерченной груди не исчезло.

Павел был счастлив. Кукла ожила! Вероника ходила по квартире, примеряла наряды, говорила приятным голосом:

«Паша! Мне идет это платье? Хочешь кофе? Иди ко мне, милый, я тебя поцелую!»

...Приехавшая по срочному звонку Вероника увидела в квартире бывшего возлюбленного Павла два манекена, сидящих рядышком на диване и трогательно держащихся за руки.

Усталый милиционер спросил:

— Когда вы в последний раз видели Павла Анатольевича Игнатова?

— Давно... — рассеяно ответила Вероника, рассматривая манекенов. Лицо пластиковой девушки напоминало личико самой Вероники, а мужественный профиль пластикового юноши... был точной копией Павла. Застывшее лицо бывшего жениха светилось счастьем.

«Дорогая, что здесь делают эти люди?» — Павел удивленно повертел пустой пластиковой головой.

«Они просто пришли в гости», — улыбнулась ЕГО Вероника.

«Вот еще выдумали! Нам и одним хорошо...»

— Вероника Сергеевна! Последний вопрос. Кем вы работаете?

— Манекен... — Вероника запнулась, — ...щицей.

Ветер

Инга, откинувшись на спинку шезлонга, сидела на балконе своего гостиничного номера. Легкий ветерок обдувал ее стройное загорелое тело. Девушка наслаждалась минутами покоя. Все командировочные дела и заботы решены, осталось еще два дня, которые можно потратить на собственные удовольствия. Этими самыми удовольствиями и являлось бес-

цельное времяпрепровождение в шезлонге на балконе или Анапском пляже. Глаза девушки были закрыты. Нет, она не спала — просто предавалась каким-то своим мечтам. Думала о том, что хорошо бы позвонить маме, спросить, как дела у овчарки Лиззи, которую пришлось на время командировки оставить с родителями. А еще надо позвонить Славику, у него сегодня защита диссертации, спросить, как все прошло. Но для выполнения этих важных дел требовалось встать с шезлонга, так как мобильный остался лежать в номере на кровати, а ни сил, ни желания отрываться от ласк морского бриза не было. «Вот бы мой Славик был таким же нежным в постели, как этот ветер!» — мелькнула мысль. Инга даже улыбнулась своей нелепой фантазии. Неожиданно в правом ухе прошелестел голос: «Я не фантазия....» И по щеке, шее и груди кто-то легонько провел рукой. Инга в испуге открыла глаза и одним быстрым движением вскочила с шезлонга. На балконе, кроме нее самой, никого не было. Что и следовало ожидать. На всякий случай Инга свесилась через перила — на балконе нижнего номера было пусто. Задрала голову — просматривается верхний балкон плохо, но, кажется, что и там никого нет. Девушка сходила в номер, проверила ванную и туалет, распахнула шкаф, даже залезла под кровать — все напрасно, никто нигде не прятался. Она вновь вышла на балкон и уселась на прежнее место, но расслабиться не получалось. Ветерок прилежно обдувал ее разгоряченное лицо: «Не бойся меня!»

«Все, пора в нормальный отпуск! — Инга потеряла виски. — Уже голоса слышатся!»

«Ха-ха-ха!» — кто-то засмеялся в ее левом ухе, а по шее прошелся холодок. «Да... мне не в отпуск, в Белые Столбы пора!» — Инга зябко передернулась и попыталась встать на ноги. Резкий порыв ветра толкнул ее обратно. Инга упала на шезлонг. Ветер настойчиво гладил ее ноги, живот, грудь. Было странно и приятно одновременно получать ласки от невидимого поклонника. «Перестаньте!» — задыхаясь от нахлынувшего возбуждения, прошептала Инга. Бриз залепил ей рот соленым поцелуем. Со стороны казалось, что у девушки внезапно случился припадок — она извивалась на шезлонге, отплевываясь и размахивая руками, как будто пыталась кого-

то оттолкнуть. «Не сопротивляйся мне! — шептал этот кто-то ей прямо в уши. — Я буду самым жарким и нежным твоим любовником!»

— Нет, нет, нет! — закричала Инга и зажала уши руками. — Я не сошла с ума! Я не сошла с ума! Это просто переутомление!

Она улучила минуту затишья и, вскочив с шезлонга, кинулась в номер. Очутившись внутри, она с силой захлопнула балконную дверь.

«Глупая!» — прошелестело ей в спину.

Инга перевела дух и села на кровать.

«Глупая! — повторили рядом. — Ты оставила открытой форточку! И я снова с тобой... Ложись, я доставлю тебе неземное удовольствие...»

Ветер сначала похолодил стопы, потом начал забирался выше — обволок икры и колени, коснулся прохладным поцелуем бедер. Инга с криком бросилась в ванную. Следом по ногам нежно подул сквозняк. «Теперь нам точно никто не помешает...» Девушка кинулась обратно в комнату, подлетела к шкафу и начала одеваться. Ветер рассердился — он рвал из ее рук юбку, запутывал рукава блузки, трепал волосы. Инга выбежала из номера с таким видом, как будто за ней гнался маньяк-убийца. Горничная с удивлением проводила взглядом странную постоялицу, которая застегивала на ходу блузку и что-то бормотала себе под нос, собирая волосы в неаккуратный хвост. Инга сходила в лобби-бар, выпила чашку кофе и постаралась успокоиться. «Это всего лишь ветер!» — Инга повторила фразу несколько раз, одновременно стараясь ровно дышать — когда-то она занималась аутотренингом и решила, что сейчас это ей поможет. «Мне все почудилось!» — перешла она к следующей ступени самовнушения. Через некоторое время ей стало легче, происшедшее наверху стало казаться чьей-то идиотской шуткой или временным помешательством. Инга решительно направилось к выходу. На улице ее встретило полное безветрие и девушка облегченно вздохнула: «Мне все почудилось!»

Инга неспеша дошла до набережной. Ветра по-прежнему не было. Присев на парапет, девушка засмотрелась на лениво-

спокойное море. «Кажется, такая погода у моряков называется «полный штиль», — подумала она и вдруг заметила, что от горизонта отделилось что-то черное. «Туча? Неужели будет дождь?» — Инга посмотрела на залитую солнцем набережную, подняла глаза вверх — на небе ни облачка, и снова тревожно уставилась на море. Черный столб стал ближе. Теперь было ясно видно, что это небольшой смерч. Он шел, петляя из стороны в сторону, вбирая в себя морскую воду и все, что в этот момент в ней находилось. Поднялся сильный ветер, и отдыхающие ринулись с пляжа. Они лезли через парапет, не разбирая дороги, увязая в песке, бросая по дороге вещи, с единственной мыслью — убежать от смертоносного столба. Ингу толкали со всех сторон, но она продолжала сидеть и неотрывно смотреть на смерч. С невероятной скоростью он приближался к пляжу. Уже можно было различить огромную воронку, уходившую прямым в кипящую воду. Что-то едва различимое, какие-то тени мелькали в в чудовищно извивающемся рукаве. Пляж и набережная опустели, и только Инга по-прежнему не могла двинуться с места. Смерч вышел на сушу, и к бешено крутящейся воде добавился пляжный песок и мусор. Пара лежачков, краешком задетые воронкой, рассыпались, будто были собранные из спичек. Инге показалось, что сквозь завывание ветра она слышит грозные слова: «Я пришел за тобой! Ты должна быть моей».

Словно во сне, Инга смотрела, как смерч катится прямо на нее. Волосы рвались с головы, точно безумные, блузка и юбка стремились утащить свою хозяйку из опасного места... И внезапно труба рассыпалась прямо перед парапетом. Ингу с ног до головы обдало брызгами воды и песка, что-то больно ударило по плечу... «Я не могу взять тебя силой... — грустно дунуло ей в ухо». — «Зачем я нужна тебе? — беззвучно спросила Инга ». — «Потому что я полюбил тебя... — выдохнул ей в лицо ветер». — «Почему именно я? Ведь у тебя на пути встречается столько девушек!» — «Разве можно объяснить причины любви? — ветер нежно потрепал ее по макушке». — «Но у меня есть Славик... — растерянно подумала Инга ». — «Но ты же сама хотела, чтобы он был похож на меня? Значит, я лучше... — ветер играл с подолом юбки». — «Да, но... — Инга не нашлась, что ответить»...

...Девушка шла по безлюдной набережной. На море снова царил полный штиль. А у нее то внезапно начинали развеваться длинные волосы, то колыхалась рубашка, то вокруг ног закручивалась юбка... Девушка время от времени принималась весело хохотать, размахивала руками, но что ее так веселило, для прохожих оставалось загадкой...

...Через девять месяцев у Инги родился мальчик. Она назвала его Леван*. Когда ее спрашивали, откуда такое чудное имя у ребенка, она честно отвечала: «Я назвала сына в честь его отца...»

*ЛЕВАН (левант) — восточный ветер на Средиземном, Черном и Азовском морях (от Гибралтара до Кубани)

Светлана Скрябина

Изданы пять тоненьких книжек со сказками и стихами. Мои книжки непременно должны быть тоненькими. И обязательно с цветными картинками.

Часть моих сказок звучала по радио. И не только по российскому, на родном языке. Как-то мне дали послушать, как звучат мои произведения на китайском. Надо признаться, это меня вдохновило на новые «подвиги».

Сказки разных лет

ПРО ЛЮБОВЬ, ЛУНУ И ИВАНА-ДУРАКА

Жил на свете Иван. По уму — дурак, по виду — гусак. Шапку нахлобучит, нос задерет, ходит взад-вперед — лучше его и нету. Гусь да и только!

Раз втемяшилось ему в глупую башку, что луна небесная девица в него влюбилась без памяти и по нему сохнет.

Бродит целый день по дорогам Иван-дурак, всем встречным-поперечным одну и ту же байку рассказывает: «Луна, уж так по мне тоскует, исхудала вся, один рожок от нее остался. Сперва глядела на меня, а сама-то грустная такая, а после на убыль пошла».

Болтал он, болтал, а кто-то из прохожих, видать, посмеяться решил и уговорил его... на луне-то жениться.

Иван своими мозговыми зародышами пораскинул и решил, что пора ему семьей обзавестись. Все взвесил, все по полочкам расстелил-разложил и думает: «Хорошо, что тещи у меня не будет, ведь лунную мамку в глаза никто не видел».

Объявил Иван-дурак на всю округу, что луну замуж берет и, мол, теперь ей по ночам гулять да на чужих парней глазеть не позволит. Так и сказал: «Луну на небе не ищите, в потемках как-нибудь сами разбирайтесь».

Отправился Иван в большой город одежонку к свадьбе прикупить. С кем ни заговорит, одно твердит: «На луне женюсь, порядок в доме заведу — жену ночью за порог не пущу».

Дошел этот слух до боярских ух. Собрались они Дурака поглядеть и послушать заодно. Видят, мужик молодой важный и говорит хорошо, с задором. «Не врёт!» — думают бояре.

Давай они думу думать, как беды эдакой избежать. Царю ведь не по нраву придется, коли луна насовсем с неба уберется. Да и волнения в народе могут быть. Народ, хоть и сам темный, но впотьмах жить не захочет — бунтовать начнет.

Решили бояре Ивана от женитьбы отговорить. И давай луну-невесту всячески чернить-позорить. Она, дескать, ленивица — весь день спит, только к ночи просыпается. С лица — не красавица, кривая, рябая. Правом — переменчивая, то худеет, то толстеет. Да к тому же бесприданница.

Одним словом, такому парню как Иван — не пара! Найдем, говорят, мы тебе другую невесту, любо-дорого, и всем на загляденье.

Нашли, женили его на богатенькой, на цареву службу определили.

С ним все ясно... В народе говорят — дуракам счастье. А что с луной творится — не пойму! Глядит она на нас, дураков, грустно так, жалеет будто. Может, видит то, чего мы не видим, и замечать не хотим, а может, и впрямь, замуж охота?

СНЫ

Великому сказочнику
Хансу Кристиану Андерсену
посвящается

Говорят, живет где-то в северном краю Оле Лукойе. Ночью пробирается к нам в спальню, прыскает в глаза сладким молоком, чтобы мы быстрее утомонились, и раскрывает свои зонти-

ки. Один зонт — пестрый, со снами-сказками для хороших людей, другой — простой-гладкий для людей гадких. У Оле Лукойе порядок строгий-престрогий, никогда он не ошибался и снов не путал.

А сны — они ведь тоже всякие бывают: добрые, смешные, страшные, злые и другие разные бессвязные. Случаются и — вещице... Только Оле один и знает — кому какой когда бывает.

Снам, как и всем нам, свободы хотелось, но есть закон неписаный, ни в одной сказке неописанный. Моя же сказка — небылица, небылица в лицах.

Жалели сны Оле Лукойе, он уже немолоденький. И кафтан пообносился, и зонты поистрепались, и чулки порвались, да еще и прикашливать начал.

Просят сны без злого умысла: «Отдохни маленько, Оле, отлежись недельку. Мы же — умные, сами все законы ночные-вечные наизусть знаем, без тебя справимся».

Тяжело Оле свою службу нести каждую ночь без выходных, без праздников — он и согласился.

Сны на радостях давай прыгать-скакать, лапками топают, ладошками хлопают. И ну пировать-гулять — волей дышать. Добрые сны песни петь, стихи читать. Страшные с вещими расползлись-рассорились. Какой пир без драки? Глядишь: уже и перья кому-то повырывали, крылышки пообтрепали. Гудели-трындели полнедели, за время сонной гульбы народ ничегошеньки ночью не видел. Так и спал — баклашка баклашкой.

Опомнились сны, кое-как в ряд выстроились. По-порядку пересчитались... Ну, не хватило кое-кого, не без этого.

Дождались они ночи, и в народ!

Разлетелись по темному небу, к людям заспешили, а сами затылки чешут, друг дружку переспрашивают, кому куда не знают. Перепутались в хороводах-плясках скакавши, в драках-спорах участие принимавши. Какая в ком суть — одна муть. Где чудесный сон-награждалка, где вещий сон-оберегалка, где страшный сон-предупреждалка? А уж про остальных и говорить не приходится. Кто какой, кому куда — никак не разберутся. Ладно, думают, и так сойдет!

Занырнули в человечьи головы, как нужно было, похозяйничали там, как положено. Отработали свое, и — домой!

Народ этого всего за ночь нагляделся, с утра проснулся, почесался, и думает: «Приснится же такое!!!» И за работу, а сны покою не дают, ум будоражат-тревожат. Кто-то всю ночь во сне смеялся, кто-то плакал поутру, кто-то жить боялся, хоть и не заслужил. Младенцы в люльках плачут — не успокаиваются, дурных снов нагляделись, небось. Гадалки от расспросов устали. Что, мол, за сон и к чему, потому что сами не знают почему. Народ как-то и жить-то стал «вполсилы» — только о снах и думает, и не работается ему, и не отдыхается как следует.

Поначалу сны и не поняли, что натворили беды. Как сообразили, что учудили, к Оле-Лукойе бегом, ты, мол, нас прости, назад под свое крыло пусти. Оле и сам не рад, что их распустил, без присмотра к людям отпустил.

Отругал он сны непутевые, приструнил, как полагается, кое-кого даже выпорол, заслужили, значит. И вновь порядок восстановил.

Теперь в сонном царстве все по закону, чтоб не было никакого урона.

В наших-то краях так говорят: «Сны правду скажут да не всякому», «Что наяву деется, то и во сне грезится».

А я так думаю — во сне и правда, и чудо, и намек, и кому-то — урок.

Сказка вся, больше говорить нельзя!

ОБЛАЧКО В ШТАНАХ

Жило-было небо. И все у него хорошо, и все гладко. Вдруг откуда ни возьмись появилось на голубом-ясном пятно красное.

Пригляделись небесные облака-тучки, что это за штучка, а это и не пятно вовсе, а Облачко в штанах. Штаны красные атласные на солнце блестят, как огонь горят.

— Снимай! — говорят другие облака. — Не положено нам, облакам, в штанах щеголять, людей на земле пугать.

— Не сниму, — отвечает Облачко в штанах. — Народ честной по земле в одежде ходит, и я буду.

Тучи-облака ну Облачко бранить-стыдить, щеголем обзывать. Отказались от него, не разговаривают. Облачко от обиды

заревело, дождя напустило, от слез исхудало. Штаны красные атласные с него свалились, на землю упали.

Два брата их подобрали, постирали и долго, потом по очереди носили, перед девками форсировали.

С Облачком зато все дружить стали, но победным взглядом все же оделяли.

А через год дошел слухок — в одной небесной столице, что за границей — все облака друг перед дружкой выхаживают в... красных штанах.

Вот тебе — «Ох!», вот тебе — «Ах!» Наши-то облака рты пораскрывали и давай Облачко пытаться: «Где нам красные штаны достать?»

К Облачку поприставали и помчались по небесным базарам скакать, модное тряпье искать.

И какая тут мораль? Только Облачко жаль...

ПОДУШКА

Была на свете Подушка. Жила она в просторном доме, в детской кроватке. Простынь на той кроватке белая льняная, одеяло красное-атласное. Сама Подушка пуховая, наволочка на ней шелковая с кисточками. Кисти, как ушки, очень нравились Подушке.

Как-то раз за эти ушки подвесила хозяйка Подушку на тутую веревку посушиться и проветриться заодно.

Подушка висит, на белый свет глядит: ласточки в небе снуют, сокол в вышине парит, воробьи по веткам скачут. А подушка чуть не плачет, завидно ей и обидно.

«Всю жизнь на кровати лежу, господам-хозяевам служу. Меня ли не били — не взбивали! Теревить-теребили и за уши таскали! Горе мне, а не житье! Пора бежать и птицей стать. И у меня пух, и у меня перья», — подумала так Подушка и прыг на землю.

«Оставлю себе две кисти — ушки, а две другие пусть будут — ножки», — рассудила она и затопала по дорожке. Шагает, а про себя думает: «Ходить, что воду лить — проще простого, сама смогла — научу теперь любого. Взлететь бы птицей соловьем или синицей.»

Подпрыгнула Подушка от мыслей своих радостных. Распушила все, что смогла. Сейчас взлетит!

Да не тут-то было, на землю — бряк!

Рановато еще летать нам, подушкам, думает, и пошла в лес. У птиц лесных полет воздушный перенимать.

Идет она, идет к темному бору, изгордилась-измечталась вся: «Мне ли пуховой-шелковой под человеческим ухом лежать, детский сон ублажать? До небес долечу, месяц за хвост ухвачу!»

Ей навстречу Лисица. Что, мол, голубушка Подушка-подружка на воле гуляешь, а не сны в ладошки сгребашь? Языком спрашивать-спрашивает, а носом нюхать-нюхает. Ах, какой запах нежный! Тут тебе и курятинка, и гусятинка, и белый лебедок.

Не выдержала рыжая зверюшка — хватъ Подушку за ушко! И ну ее трепать, пух-перо ветру отдавать. Ветер — жадный мужичок, чужого добра нахватал и усвистел-улетел. А Лиса поплевалась пухом с пером и поняла, что запах — не всегда мясо. Обругала свою лисью породу последними словами и убежала во-вояси.

От Подушки одна шелковая наволочка и осталась. Шелку много — толку мало.

Каждому свое — кому подушкой лежать, кому птицей летать! Обeim бы не ухитриться встретиться с лисицей.

ПОДАРОЧЕК ДЕДА МОРОЗА

Случилось это зимой, и как в песенке поется: «Зайчишка, зайка беленький под елочкой скакал...» — вот и доскакался. Попал ушастик в ловушку, а это тебе не — игрушка. Ловушка та хитрая была, с секретом, никак зайцу не выпутаться. Он и так, и сяк, ну никак!

Лютует на улице мороз, наш заяц совсем замерз. Он не пищит, не верещит, а тихохонько сидит, знает: вокруг волки обитают. Лисы рыщут, добычу ищут.

Сороки-белобоки, птицы-болтушки зайчишкину беду углядели, застрекотали-загалдели.

Как раз на ту пору из Великого Устюга Дед Мороз по лесу проезжал. Сорок услышал, слез с саней и помог заячьим лапки из

хитрющей ловушки выпутать. «Зверь раненный, хромой, околет он зимой, — думает Дед Мороз. — Заберу его с собой, а там поглядим». И положил его в мешок с подарками. Зайка забился внутрь, тепло ему стало, только ранка болит.

Дед Мороз, как ему положено-предписано, округу объезжает, детворе гостинцы вручает. Кому игрушки, кому сласти, кому лыжи, кому санки-салазки, кому добрые сказки.

Дело это нехитрое, но и нескорое. А тем временем жили-были в этой местности-окрестности старик со старухой. И дети у них были, и внуки, и даже правнуки. Да только разъехались кто куда, упорхнули из семейного гнезда. Вот дед с бабкой остались одни век коротать. Уж так редко их близкие навещают, даже в праздник никому до них дела нет... Велик праздник, а от любимых чад ни привета, ни ответа, ни весточки, ни открыточки. Эх, глупы-молоды бываем, стариков-то забываем...

Молодость не без глупости, а старость не без дурости. Вот и решили они под Новый Год сесть возле дома на скамейку и замерзнуть, раз никому не нужны. Обнялись они и сидят на холоде, ждут, когда помрут.

На счастье Дед Мороз мимо их дома лошадку остановил, глядит, чего-то со стариками не так, а понять не может. А как сообразил, что к чему, ногами затопал, посохом застучал, заругал их, закричал.

Дед с бабкой и сами уж не рады, что до такого додумались. Давай Морозу плакаться, мол, одиноки, брошены.

Дед Мороз, он же добрый, отходчивый. Дай, думает, горемычных порадовать, сунул руку в мешок, а там и нет ничего, все детям раздал. Один заяц калеченный скукожился. Какой-никакой, а — гостинец, думает. Вытащил зайца за длинные уши, старикам подает: «Вот вам — подарочек к Новому Году!»

Поблагодарили они Деда Мороза и зайца в дом понесли, а тот — и больной, и — холодный, и — голодный. Давай его и лечить, и греть, и кормить. Вроде и жить снова захотелось.

Долго старики с ним сюсюкались-возились, добрым словом Деда Мороза вспоминали за подарочек.

Сказке — конец, жизни — начало.

Цикл «Деревенские инопланетяне»

Инопланетарь* Василий

Игорь Бурдонов

В душе я неподвижен, толст и злобен, покрытый панцирем, с огромной бородой.

Но жизнь, как пасьянс, сложилась иначе. Сталин умер, когда мне было 5 лет.

Играя в создание и разрушение песчаных городов, я размышлял, кем быть: философом, художником, поэтом или ученым?

Будучи по природе занудлив и лишен принципов, я выбрал математику за ее умение точно вычерчивать траекторию полета фантазии и неспособность верить очевидным вещам.

Но, делая выбор, мы ничего не делаем.

На самом деле, выбирается и то и другое, или ни то ни другое.

Будучи сентиментален, как англичанин, я писал стихи.

Будучи задумчив, как немец, я сочинял философские эссе.

Будучи свободен, как китаец, я рисовал белые хризантемы черной тушью.

По возрасту и неверию я типичный семидесятник.

Поэтому мои творения никому не нужны.

Как говорили китайские императоры: «Я, ничтожный и единственный».

Когда моя жизнь сложится, как карточный домик, Бог или нечто, Его заменяющее, спросит: «Ну, как? Что?»

И я, злобно тряся бородой, отвечу: «Жизнь прекрасна просто потому, что это единственное, что существует. К чему бессмысленные вопросы?»

А пока предлагаю вашему вниманию немного «шелухи души» еще живой моей.

Может быть, здесь вы увидите меня? Может быть, здесь вы увидите меня?

Инопланетарь Василий всю жизнь прожил в деревне Нижние Голенищи. Это если не считать того давнего случая, когда его хотели призвать на военную службу. Только доехали до соседней деревни Верхние Голенищи, как Василий заболел, и пришлось вызывать местного доктора. Доктор смотрел и так и сяк, чего-то слушал, куда-то стучал, ничего не понял в состоянии Васиного инопланетарного организма, и решил отвезти его в райцентр на обследование. Не успели проехать и двух километров, как Василию стало совсем плохо. Его била лихорадка, у него был жар, озноб и весь он покрылся зелеными пятнами. Он успел три раза прохрипеть «Везите меня скорей обратно!» и потерял сознание. Делать нечего, повезли обратно, и, действительно, как только вернулись в Нижние Голенищи, Василий ожил, а около своего дома стал совершенно здоровым. Сомневаясь, не симулирует ли Вася свое заболевание, чтобы от армии откосить, доктор решил провести еще один опыт. И опять: как отъехали от Нижних Голенищ, так Василию заглохло. Симптомы не вызвали сомнения: температуру за сорок и зеленые пятна вряд ли можно симулировать. Для верности провели еще два эксперимента и установили научный факт: Василий может жить только в деревне Нижние Голенищи и ее окрестностях, образующих почти правильный круг с центром около печки в Васином доме и радиусом семь километров. За пределами этого круга все жизненные функции Васиного организма расстраиваются, чем дальше, тем больше, и так, по всей видимости, вплоть до летального исхода, до которого, правда, доктор побоялся экспериментировать. Этот научный факт подтвердила и специальная комиссия из области. Еще приезжал журналист из местной газеты, брал интервью у доктора, беседовал с Василием и напечатал статью под названием «Нижне-Голенищевский феномен». Какое-то время Василий был почти знаменит, но, поскольку ника-

*Аптека-аптекарь, пушка-пушкарь, врата-вратарь.

ких других необычных явлений с ним не случалось, а сам Василий ничем другим не отличался от прочих деревенских жителей, интерес к его персоне быстро пропал, и жизнь его вернулась к прежнему малозаметному течению. От армии Василия освободили, хотели было назначить ему какую-нибудь местную обязанность, похожую на военную, но, ничего не придумав, оставили все как было.

После того случая Василий уже не скрывал своего инопланетарского происхождения, но все же стеснялся его. Впрочем, для местных жителей, которые хотя и могли, в отличие от Василия, выезжать за пределы Нижних Голенищ, но делали это редко, ненадолго и без всякого удовольствия, — для местных жителей были равноудалены и малоинтересны что другие планеты, что другие страны, что другие города. Во всех анкетах Василий указывал Нижние Голенищи как место своего рождения, так и в паспорте у него записано. Только после моих настойчивых расспросов Василий как-то раз признался, что родился он все же на другой планете, в Нижних Голенищах оказался совсем еще маленьким, но все же кое-что помнит из своего раннего, инопланетарского детства, правда смутно. Собственно, помнил Василий только один эпизод, как он лежит в круглой зеленой мохнатой ванне, плещется ярко-желтая вода, моросит зеленый дождь, и чьи-то ласковые щупальца держат на плаву его голову. Это была моя мама, говорит Василий с некоторым сомнением в голосе. А как же щупальца, осторожно спрашиваю я. Василий пожимает плечами: она ведь женщина, а я мужик, зачем мне щупальца, наверное, у инопланетарских мужиков щупалец не бывает.

Мы беседовали долгими зимними вечерами, сидя в жарко натопленной Васиной избе, поглядывая в огонь русской печи и медленно потягивая зеленый самогон. Этот самогон Василий делал из папоротника с добавлением еще каких-то кореньев и травок, напиток был не очень крепкий, тягучий и солоноватый на вкус. От него шло приятное тепло по телу, голова не туманилась, а как бы даже наоборот разъяснялась, и еще почему-то обострялось зрение так, что можно было разглядеть каждую во-

лосинку, дрожащую на тельце мухи, лениво ползущей по потолочной доске. Папоротник нужно собирать по левому берегу Красненького болота, объяснял Василий. Кто берет с правого берега, у того самогон получается, конечно, покрепче, но не такой финтистый. Какой? — спрашиваю я. Инопланетарское слово вырвалось, извиняется Василий и в смущении чешет себе плечо, не знаю точно, что оно значит, но что-то приятное. Я делаю еще один маленький глоток и признаю: очень даже финтисто.

Мы молчим и слушаем, как в окно скребется снег. Зима в Нижних Голенищах очень снежная. Бывает, в соседних Верхних Голенищах снег не прикрывает даже траву на лугах, а Нижние Голенищи засыпаны сугробами по самые крыши. Люди здесь не расчищают снег, а роют в нем ходы и тоннели, прибывая лопатой снег на стенах, на полу и на потолке, а потом поливая его водой. Получаются ледяные крытые улицы, переулки и площади. Так под снегом и живут зимой. Чтобы не скользить, на валенки крепят железные решетчатые галоши с шипами, в них и ходят. Только ребятишки с визгом и смехом катятся по ледяным улицам на попе, а чтобы штаны не протирались, мамыши пришивают на них куски толстой свиной кожи. С весенними дождями снег быстро тает, но вдоль улиц еще долго остаются ледяные трубы, сверкающие под весенним солнцем. Только ближе к лету они рушатся с грохотом и звоном. Это называется «весенний ле-докол».

Летом мы сидим с Василием на широком крыльце и смотрим, как идет дождь. С крыши льются тонкие зеленые струйки воды и собираются на земле в изумрудные лужицы. Это дождь смывает с крыши Васиной избы зеленую краску. В сенях стоит огромная бочка с этой краской, и Василий каждые две-три недели подкрашивает крышу. Я говорю ему: есть ведь несмываемая краска, на несколько лет хватит. А он отвечает: тогда струйки зелеными не будут. Мы пьем чай, обычный, в магазине купленный, и я спрашиваю Василия, отчего он не женился, детей не завел. Ты, говорю я, уже ведь в таком возрасте, что и внуков мог бы иметь. Василий смущается, плечо чешет, потом говорит: да нет, есть у меня жена вообще-то, только она в городе живет, ей

здешний климат не годится, а мне, сам знаешь, из Нижних Голенищ уезжать нельзя. Она ко мне приезжала раньше, и дети приезжали, вот только в этом году еще ни разу не были, забот у них там, в городе, много было: ремонт затеяли, младшая дочка в школу пошла. А старший сын недавно женился, так что и внуки, наверное, скоро будут. Тут уже я смущаюсь, не знал, говорю, вроде как житье твое мне холостяцким показалось. А как они, спрашиваю, дети-то, инопланетари они или люди? Василий пьет чай и долго не отвечает. Я уж было подумал, что обидел его ненароком, но тут Василий говорит: я и сам толком не знаю. Сам посуди: я ведь совсем ребенком в Нижние Голенищи попал, воспитания и образования инопланетарского не получил, поэтому не знаю, чем мы, инопланетари, от людей отличаемся. Может быть, и ничем не отличаемся, может быть, это только моя такая персональная особенность, что из Нижних Голенищ не могу уехать, а другие инопланетари где угодно жить могут. Вот ведь как-то я попал же сюда, значит, меня привезли. Хотя я не помню, кто это был, сколько их было, куда делись, может быть, им тоже заглохло, и они на инопланету вернулись. А может, и не было никого, роботы космическим кораблем управляли. А почему меня здесь оставили, кто знает? Забыли, или несчастье какое случилось, или это эксперимент такой научный космического масштаба, кто знает? Я вот думаю иногда: а вдруг за мной вернутся, начнут спрашивать, как я, да что я сделал? А что я сделал, ничего ведь не сделал, живу тут, в Нижних Голенищах, и все дела. Вдруг из-за меня ихний эксперимент не удался, не оправдал я надежды инопланетарские. Василий закуривает сигарету и долго молча дымит, вглядываясь в даль, куда-то туда, за широкие луга, за речку Палинку, за дальний Шурочкин лес, за скользящие над ним плоские серые облака, несущие новый дождь.

Как зимой снег, так летом в Нижних Голенищах все время идет дождь. Бывают дожди затяжные, бывает дождик грибной – с солнцем, бывают и грозы, обычно, с шаровыми молниями необычного зеленого цвета. Местные жители уже привыкли, а приезжие, как Васина жена, от такого климата болеть начинают. Осень, наоборот, стоит сухая, теплая и тихая. Только сонные

мухи чуть слышно жужжат на лету, будто листья шелестят. Эти мухи белого цвета, размером со сливовую косточку и спят на лету. Когда втыкаются в препятствие, падают замертво. Откуда берутся неизвестно, но летают всю осень, до первого снега. Мы сидим с Василием у открытого окна в тяжелых дубовых креслах и пьем осеннее пиво, которое в Нижних Голенищах варят из сосновых шишек. Но не из всяких, а только тех, что сыпятся в маленьком сосновом бору, который вырос на острове посреди речки Палинка. У тех сосен иголки очень мягкие и очень светлые, какие бывают у молодых сосенок в начале лета, а у этих сосен такие иголки круглый год. Это пиво «с дымком», чуть-чуть горчит, и цвет у него с зеленоватым отливом, но в остальном оно похоже на самое обычное пиво. Сонные мухи время от времени влетают в окно, перелетают комнату, втыкаются в печку и падают на железный противень.

Я закуриваю сигарету и говорю: ладно, Василий, вот что я хочу тебе сказать. Ты был прав насчет космического эксперимента. И насчет щупалец ты тоже правильно догадался: у инопланетарских мужиков щупалец не бывает. У тебя их нет, и у меня нет. Василий тоже закуривает сигарету и говорит: ага, значит, и ты инопланетарь, я мог бы и догадаться. Это как же, интересно, ты догадался бы? А вот потому, что ты все меня расспрашиваешь, что, да как, будто отчет хочешь получить о ходе эксперимента. Да я уже получил отчет. Тут ведь вот какое дело, Вася, говорю я доверительно. Эксперимент этот никто нарочно проводить не хотел, так уж случилось. Ты, когда родился, был вроде как все инопланетарские младенцы, а потом, когда тебе годик по нашему, инопланетарскому времени исполнилось, вдруг заболел. Ну, у нас, на инопланете, врачи очень хорошие, они все ученые и быстро определили причину твоей болезни. А болезнь твоя такая, что ты можешь жить только в Нижних Голенищах и окрестностях с радиусом в семь километров. Никакой другой болезни у тебя нет. А от этой болезни лекарства не было. Поэтому пришлось нам тебя через весь космос везти сюда, в Нижние Голенищи. А здесь ведь для нас, остальных инопланетарей климат очень вредный, можно сказать, смертельный, как для твоей жены, хотя она и не инопланетарша, а самый обычный человек.

Так, сказал Василий и стряхнул со стола сонную муху, удравшую его в лоб. Может еще пивка подлить? Можно, отвечаю. Вася подливает мне и себе пива и спрашивает: ну, а ты-то как тут оказался? Почему прилетел? И вот ведь: ты у меня уже почти год гостишь, а все не заболел. Нашли что ли лекарство инопланетарские врачи? Нашли, говорю, Вася, долго искали и вот только год назад и нашли. И вот теперь ты сам решай: вернуться хочешь на инопланету, родину твою настоящую, или тут останешься, в Нижних Голенищах, где ты всю жизнь, можно сказать, прожил. Василий медленно тянет свое пиво с дымком и зеленоватым отливом и размышляет. Я тоже глотнул пивка и продолжил: а чтобы ты, Вася, не сомневался и не испытывал лишних иллюзий, я тебе сразу честно скажу: другого выбора у тебя нет. Мало того, что наша инопланета находится очень далеко от Нижних Голенищ, это еще полбеды, это еще не препятствие для нашей науки и космической техники. Вся беда в том заключается, что нынешнее расположение галактик вплотную подошло к тому рубежу, за которым сообщение между инопланетой и Нижними Голенищами на долгое время станет невозможно по физическим законам вселенной. Поэтому не удастся тебе прилететь на инопланету, погостить там и вернуться в Нижние Голенищи. Так что выбирай, где тебе проводить остаток твоей жизни: здесь, в Нижних Голенищах, или там, на нашей инопланете. И времени на раздумья у тебя мало: через три дня рубеж будет достигнут, и мне нужно до того вернуться: с тобой или уж без тебя. А как же жена моя и дети, спрашивает Василий. Это не проблема, говорю я, если они хотят, могут с тобой полететь. Наше научное лекарство и на людей распространяется: смогут они на нашей инопланете жить, ну, разве только пигментация кожи чуть-чуть изменится – немного зеленоватый отлив будет.

В окно влетели еще две сонные мухи, покружились по комнате, налетели друг на друга и упали замертво. Из окна повеяло теплом: это вечернее солнце просвечивало сквозь нагретую листву. Над речкой Палинкой мерцал воздух. Под окнами прошла по улице корова с телянком, ее гнал домой деревенский мальчик. Увидев нас в окне, он поздоровался и побежал дальше. Василий разлил остатки пива и почесал плечо. Я вот хотел спро-

сить, говорит он: почему ты сразу-то мне все не рассказал? Зачем почти целый год ждал? Вон сколько времени прошло, пока ты тут у меня жил, в Нижних Голенищах: зимой в снегу ходы делали и водой их поливали, самогон у печки попивали, весной на Красненькое болото ходили, и на речку Палинку, летом на дождь смотрели, как зеленые струйки с крыши текут, да вот уже и почти вся осень прошла, скоро сонные мухи закончатся, – а ты все молчал.

Я долго тянул свое пиво с дымком и зеленоватым отливом. Из окна поплыл ночной холодец, в небе звезды и галактики засветились, пока еще слабые. Запоздалый трактор протарахтел по улице и заглох где-то в ее конце. Мышь прошуршала опавшими листьями под старой березой. Василий дремал, сидя в своем дубовом кресле, так и не сказав ничего о своем выборе и не дождавшись от меня ответа на свой вопрос. А я еще одну сигарету закурил и подумал, что от этой вредной привычки, не принятой среди нас, инопланетарей, на нашей инопланете, надо бы все же отказаться. Потом когда-нибудь.

Инопланетак* Шурочка

Речка Палинка, пробираясь меж широких холмов, поросших луговой клубникой, разделяет Нижние и Верхние Голенищи, кружит по лугам, постепенно подбирается к Шурочкиному лесу, но едва проникнув под его полог, впадает в Елиповое озеро. На другом берегу озера, у самой кромки воды стоит старый дом. Там живет инопланетак Шурочка. Точно неизвестно, кто в честь кого прозывается: Шурочка в честь леса или лес в честь Шурочки. Жители Верхних Голенищ полагают, что лес старый, рос здесь с незапамятных времен, а потому имя его древнее и никак не может происходить от ныне живущего человека, даже если он инопланетак, а не человек. Скорее уж «Шурочка» — не имя, а прозвище того, кто поселился на берегу Елипового озера в Шурочкином лесу. В Нижних Голенищах,

*Рыба-рыбак, ведьма-ведьмак, дура-дурак.

напротив, бытует версия, что, поскольку Шурочка инопланетак, и неизвестно, как долго живут инопланетаки, и сколько лет самому Шурочке, а даже самые ветхие не помершие старики припоминают, что еще во времена их детства жил Шурочка на берегу Елипсового озера в Шурочкином лесу, то это лес стали называть в честь Шурочки. Верхнеголенищевцы сомневаются, что старики эти помнят того самого Шурочку, что сейчас живет, а скорее всего помнят отца Шурочки или деда, которого, как это часто бывает, тоже звали Шурочка. Нижнеголенищевцы в ответ лишь усмеваются и резонно замечают, что тогда тем более лес назван в честь Шурочки, пусть не одного сегодняшнего, а всего ихнего, Шурочкиного, рода. Так они спорят между собой, но не особо рьяно, до драки дело не доходит, а больше от делать нечего или чтоб разговор поддержать, когда пьют пиво с дымком и зеленоватым отливом и хрустят Шурочкиной копченой рыбой.

Рыбу эту Шурочка ловит в Елипсовом озере и коптит по своему особому, никому не понятному рецепту. Рыба получается одновременно и мягкая, как свежее испеченный хлеб, и хрустящая, как сухарики. Шурочка ловит только на удочку, с берега или с лодки, никаких сетей или бредней не признает. Конечно, сетью можно больше поймать, говорит он, только это будет глупая рыба, без мозгов, потому и в сеть идет. Хорошая рыба требует индивидуального подхода и ручной работы. С ней и поговорить можно, вы думаете, только люди между собой имеют общение, а оно, наверное, всем существам живым для продолжения жизни требуется, а уж рыбам в первую очередь, потому как вода всякие токи, и звуки, и волны лучше передает, чем воздух. И тут уж кто кого переговорит, кто умнее окажется или хитрее. А бывает, такая мудрая рыба попадется, что никак ее поймать невозможно, потому как совестно становится за свою несмышленность, сматываешь удочки и домой возвращаешься или, если на лодке, в другое место отплываешь, где плавают рыбы попроще.

Почему умная рыба вкуснее глупой, Шурочка не объясняет, считая это само собой разумеющимся. Но я от него не отставал с расспросами, потому как не люблю, когда в деле остаются какие-то неточности, и не все сопутствующие обстоятельства про-

яснены до конца и определено их фактическое место в общей картине. На моей родной инопланете, признается Шурочка, все рыбы: птицы — рыбы, животные — рыбы, и мы, инопланетаки, — тоже рыбы. Даже водоросли — и те рыбы, только примитивные. И все у нас организовано иерархически, каждый свою ступеньку лестницы занимает. Чем выше ступенька, тем умнее ее обитатели, а на самом верху мы, инопланетаки, располагаемся как высшие разумные существа, вроде вас, людей. Но это еще и пищевая лестница: каждый ест то, что на ступеньку ниже находится. Только нас, инопланетаков, никто не ест, потому что мы на самом верху, и водоросли, что в самом низу, никого не едят, да и как им есть-то — у них и рта-то нет. И главное, через ступеньку нельзя перепрыгивать: понос будет, вплоть до летального исхода. Поэтому мы, инопланетаки, едим самую умную рыбу на всей инопланете, не считая, конечно, нас самих. Но самих себя у нас никто не ест: на то есть моральный запрет, заложенный в самих рыбьих генах, и обойти его никак нельзя.

А что же в Елипсовом озере, спрашиваю я, рыба умная по вашим, инопланетакским, стандартам? Разная попадается, Шурочка шмыгает носом и начинает проверять свои поплавки. Мы сидим в лодке, которая медленно дрейфует по Елипсовому озеру, не приближаясь ни к одному из берегов. Будто по кругу ходит, а точнее — по эллипсу, потому что такую форму имеет озеро, за что и прозывается Елипсовым. Вечереет. Тени Шурочкиного леса удлиняются, доставая уже до середины озера. Вода краснеет от заходящего солнца. Облака на светлом еще небе скапливаются в той стороне, где солнце опускается меж широких холмов, и журчит невидимая отсюда речка Палинка. А поточнее, настаиваю я. Шурочка внезапно дергает удилище, и вот уже по воздуху летит и сверкает серебром рыбешка, и падает прямо в ведро на дне лодки. Движения Шурочки выверены и точны, он прирожденный рыбак, точнее, инопланетак. У меня, говорит Шурочка, в доме телевизор есть, поэтому я знаю, какая рыба у вас в других озерах, в реках и морях водится. Только скажу тебе честно, мы, инопланетаки, умнее ее будем. А вот в Елипсовом озере есть такая порода мудрая, что мы, инопланетаки, ее ловить не можем. И на какой же она ступеньке находится,

спрашиваю я. Сам видел, на какой, огрызается Шурочка и замолкает. Сегодня он уже больше ничего не скажет. Мы вернемся с рыбалки, Шурочка будет коптить пойманную рыбу, ту, что поумнее. А из глупенькой сварит уху, и мы будем ее есть, сидя за большим овальным столом и глядя в окно на чернеющее Елипсово озеро. Я буду думать, что имел в виду Шурочка, когда говорил, что я видел эту мудрую рыбу. А Шурочка будет молчать сумрачно. До следующего утра, уж я-то знаю, я у него уже три недели живу, пока следствие веду.

Утром Елипсовое озеро блестит, как зеркало. Только изредка будто тень пробегает по зеркалу, и у старого валуна на берегу слышится тихий всплеск. Солнце сверкает ярко и уже заметно припекает. И даже Шурочкин лес, обычно темный и мрачный в своей еловости, кое-где просвечивает светлыми полосами и пятнами. Почти до самой травы свисают ветви старой ивы, будто еще не проснулись. А мы уже проснулись и сидим в тени старой ивы, пьем кофе и глядим в никуда, а получается, что на Елипсовое озеро. Долго ты еще будешь следствие-то свое вести, первым начинает разговор Шурочка и шмыгает носом. Уехать хочешь? Может, и не хотел бы, вся жизнь тут прошла, да только придется, не жить мне тут. До конца следствия я взял у Шурочки подписание о невыезде, не потому, в общем-то, что подозреваю его, а потому, что кроме него никто не прояснит мне все темные места этого дела. Да и жить удобнее здесь, рядом с местом происхождения, в Шурочкином доме, чем мотаться каждый день из города, или даже из Голенищ, что Нижних, что Верхних. Я не спрашиваю у Шурочки, почему он должен уехать. Спрашивал уже, тот сразу замолкает, опять до следующего утра.

Дело, которое я веду, это дело об убийстве. Тело молодой женщины нашли на берегу Елипсового озера. Точнее, половину тела, верхнюю. Опознать убитую до сих пор не удалось, хотя ее фотографии были разосланы во все УВД, напечатаны в газетах и даже размещены в Интернете. Жертва была очень красивой, с длинными волосами странного зеленоватого оттенка, видимо, крашеными, большими глазами, прозрачно-синими, ярким ртом и непропорционально маленькими ушными раковинами,

впрочем, полностью скрытыми под волосами. Свидетели показали, что накануне у Шурочки были гости, много гостей. Приехали на машинах, да не каких-нибудь там жигулях, а на крутых мерседесах, вольвах и джипах. Еще с озера был слышен шум мотора, но не автомобильного, а вроде как от катера или моторной лодки. Сам Шурочка пользовался только веслами и к моторам относился отрицательно. Он говорил, что рыбы этого не любят. Экспертиза подтвердила, что женщина могла быть разрезана пополам винтом от большого лодочного мотора. Но ни лодки, ни мотора найти не удалось. Также как и самих гостей, видимо, испугавшихся содеянного и быстро уехавших. Наверное, и лодку они привозили с собой, а потом увезли.

На первый взгляд, по всему выходило, что Шурочка в этом как-то замешан, если не сказать, что он соучастник преступления. Это ведь к нему гости приезжали. Но Шурочка заявил, что видел тех людей впервые, приехали они не к нему, а просто на Елипсовое озеро, а к нему пришли переночевать, потому как некуда им больше было приходиться. Я опросил многих жителей Нижних и Верхних Голенищ, и все они в один голос уверяли, что Шурочка не мог совершить такое преступление, да и вообще никакого преступления совершить не мог по свойству своей натуры. Нет у Шурочки ни друзей, ни родственников, так что гости вряд ли были ему знакомы. Живет он один, тихо и незаметно, рыбу ловит и продает всем желающим, и это весь его доход, а больше ему ничего не надо. Пообщавшись с Шурочкой, присмотревшись к нему, я склонен был согласиться со свидетелями. Он сам, как умел, описал тех гостей, но никаких особых примет не запомнил. Описал и автомобили, на которых они приехали, да только таких автомобилей и в городе и в области последнее время стало полным полно. А ведь гости могли издалека приехать, даже из Москвы, машины-то быстрые. По всему выходило, что искать нужно тех людей, этим и занимались другие следователи. А я оставался на Елипсовом озере, гостил в доме у Шурочки. Из показаний жителей соседних деревень выяснилось, что те люди были далеко не первыми гостями Шурочки. И раньше приезжали люди на крутых машинах, останавливались у Шурочки на день-другой и уезжали обратно. Шурочка

этого не отрицал, но говорил, что приезжали опять же не к нему, а на Елипсово озеро, отдохнуть, шашлыки пожарить, рыбу половить. А у него только ночевали. Но что-то не давало мне покоя, что-то тут было не так, хотелось разобраться, да и Шурочка чего-то недоговаривал, может быть, и не имеющее прямого отношения к преступлению, а все же что?

Не зная, о чем спрашивать у Шурочки, я просто ждал, пока тот сам заговорит. Шурочка же все порывался уехать, а я не разрешал, и он тоже ждал. Так мы и ждали друг друга, но мое терпение уже заканчивалось. Видимо, Шурочка почувствовал это, потому что тем утром шмыгнул носом и начал без всякого предисловия: в общем, так, если очень уж хочешь тебе знать, скажу тебе: бордель у меня тут был. Чего-чего, опешил я. Бордель, чего непонятного: мужики и бабы трахаются за деньги. Та-а-к, протянул я, бордель, значит. А ты, выходит, держателем борделя будешь? Мадам, значит, будешь? Какая я тебе мадам, я же мужик, хоть и инопланетак. Ну, это не важно, и большой доход ты с этого имел? Да какой доход, никакого дохода: все деньги, что мне мужики давали, я на корм тратил. Какой корм? Как какой, рыбий, конечно. Ничего не понимаю. А чего понимать? Мужики мне давали деньги, потому что думали, что они клиенты, а я им баб поставляю. Им и в голову не приходило, что все наоборот. На эти деньги я корм покупал и рыб кормил. Подожди, что значит наоборот? Пойдем уж, сам увидишь.

И мы пошли. По левую руку трепыхалась под легким ветерком прозрачная вода Елипсового озера, легкомысленно плескалась вокруг больших камней и перекаtywала мелкие камешки и шуршала песчинками. По правую руку мрачнел Шурочкин лес, в темной глубине которого что-то таилось и пугало. Только на узкой полосе, по которой мы шли, под полуденным солнцем улыбалась зеленая трава, подмигивала желтыми глазками мать-и-мачеха и смеялись прозрачно-синие кружки цикория. Там, где прибрежные кусты были особенно густы и высоки, оказался глубокий узкий ручеек, вытекающий из озера, вроде как продолжение речки Палинка. Мы пошли по глухой тропинке вдоль ручья и вскоре оказались на берегу еще од-

ного озера, даже не озера, а так – озерца, едва помещавшегося между могучих корней старый елей. Вода здесь была темная и спокойная.

Ну вот, сказал Шурочка. Что «вот»? Здесь все и происходило. Да что происходило-то? Ты можешь по-человечески говорить, не выдержал я. Шурочка глупо улыбнулся: вообще-то могу, только я ведь не человек, я инопланетак, мы по-другому разговариваем, и есть у меня подозрение, что они тоже инопланетачки или инопланеты, не знаю, как правильное сказать? Может быть, они с нашей инопланеты давным-давно сюда, в Елипсовое озеро попали, да и прижились тут. А у нас, на инопланете, они давно исчезли в процессе всеинопланетакской эволюции. Правда, кое-какие легенды сохранились, только я раньше думал, что это просто сказки, что ничего такого быть не может, вот и у вас тоже ведь сказки про них есть. Да про кого «про них», какие сказки, о ком ты говоришь-то, кто они такие? Кто-кто, я тебе уже сколько раз намекал, и про мудрых рыб, и про баб. Я счел за благо промолчать, а то уж больно глупые вопросы получались. Шурочка это оценил: ладно, чего зря говорить, тем более, по-человечески, я лучше покажу.

Опустился Шурочка на колени, руки в воду сунул и стал там ими шевелить и хлопать, то быстро, то медленно в каком-то сложном ритме. Даже снаружи, из-под воды, какие-то звуки слышались, будто музыка играет или песня поется, только чудная музыка и непонятная песня. А потом ручеек горбом встал, и горб этот поплыл к озерцу, озерцо заволновалось, волна на берег хлынула, а из воды появились три женщины. Все как одна красавицы, с длинными волосами зеленоватого оттенка, большими прозрачно-синими глазами и ярким ртом. И, между прочим, все голые, груди их только волосы прикрывали, и то так, слегка только. А все, что ниже пояса, под водой оставалось. Да только вода-то прозрачная, и все я увидел: и рыбы хвосты и чешую, и еще кое-что, чего обычно у рыб не бывает, а только у человеческих женщин есть.

Шурочка в это время в ухо мне кричал, только я ничего не слышал, что он кричал, но запомнил, а потом вспомнил все. Он кричал, что вот они, рыбы эти мудрые, бабы то есть. Что они на ихней, инопланетакской, интеллектуально-пищевой лестнице выше инопланетаков находятся. Поэтому Шурочка поначалу думал, что бабы его съедят, а они свою выгоду другую имели: ихние мужики повымерли все, так они человеческих мужиков хотели, очень уж им хотелось. Ты, Шурочка, сказали они, мужиков нам поставляй и бери с них деньги. А на эти деньги покупай нам корм, есть-то нам все равно нужно что-то. Мы тебя не тронем, если ты нам будешь другую еду покупать. Ну, я так и делал все годы. Мужики-то ваши, человеческие, на такую экзотику падкие оказались, сами из штанов выпрыгивали, а кошельки ихние сами из карманов вываливались. Да только эта рыба-бабья еда дорогая оказалась: сыры всякие, трюфеля, колбаски копченые, конфеты шоколадные, да еще напитки иностранные, шампанское французское и вина итальянские и испанские. Все деньги на рыбий корм уходили, еле-еле хватало.

Все это мне Шурочка в ухо кричал, а я стоял и смотрел на полное безобразие в озерце лесном. Только недолго это продолжалось. Рыбы-бабы злые были, как пираньи, и начали плевать. Из воды-то они не могли вылезти, ног ведь у них нет, хвосты одни, а то бы плохо нам пришлось. Да и так не больно хорошо: убегали мы все оплеванные, полдня потом в бане отмывались, уж очень прилипчивая слюна у них. Я все боялся, не ядовитая ли, но Шурочка сказал, что не особенно, во всяком случае, не смертельная, ну, как крапивой обстрекался или пчелы покусали. Только ведь и от пчел помереть можно, если целый рой на тебя нападет и обкусает всего. Предупреждал я тех мужиков, говорит Шурочка, не катайтесь на моторной лодке, нельзя тут. А они не послушались, вот рыбу-бабу и переехали. Теперь рыбы-бабы на меня злые сильно, не жить мне тут, уезжать надо. На родную инопланету поедешь, спросил я. Шурочка шмыгнул носом: а чего я там не видал? Женщин нет, мужики икру мечут, тоже все злые. Нет уж, я лучше другое озерцо себе подыщу, рыбу буду ловить, что попроще, и коптить, как раньше делал. В общем, снял я с Шурочки подписку о невыезде, дело закрыл и уехал в город, подальше от Елипсового озера.

Инопланетахин* Саагун

На конце глухой, притопленной лесной дороги, в самом центре Шурочкиного леса, из груди широкого луга выпирает высокий холм, похожий на женскую грудь с окаменевшим острым соском. А вокруг соска прилепились по склонам мокрыми березовыми листьями позеленевшие крыши домов деревушки по имени Шабала. Из окон домов открываются виды дальние на зеленое море, волнами убегающее к горизонту, кругами на воде осенней. А в конце лега бывают здесь такие высокие туманы, что море становится белым. Туманы эти приползают по лесному ручью от Елипсового озера, затоплиают и луг, и лес, поднимаются по склонам Шабаловского холма так высоко, что один каменный сосок торчит над белой мутью. За окнами белым-бело, будто зима, и кажется, что кто-то скребется в окна, и петлями дверными скрипит, и кричит что-то сдавленным криком. Люди говорят: это не туман. Кто же это? Крикнешь в окно: кто там? А в ответ эхом: здесь я, Саагун. Люди говорят: это инопланетахин Саагун в дом просится: здесь я, Саагун. А его не пускают, говорят, пустишь, а потом не выгонишь, так и будет жить в доме, и придется хозяевам искать другой дом.

А зимой, когда за окнами белым-бело не от тумана, а от снега, Саагун плачет под окнами: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун, в метель слова влетают. И некоторые не выдерживают плача его, да и не страшно зимой, пускают инопланетахина погреться. Тот приваливается к печке старым валенком, греется и приглушенно напевает себе под нос, заунывную, тягучую поет песню, только слов не разобрать, вроде как «здесь я, Саагун, здесь я, Саагун», а может и не так, только мелодия странная, тоскливая мелодия, как из печки слышится, из трубы дымовой. А погревшись, уходит внезапно: ни здравствуйте, ни до свидания.

Еще Саагун любит в дождь приходить. В окна стучит костяшками пальцев, зовет хозяев по именам их. Кто там? Здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Но это он не в дом просится, а, наоборот,

* Балда-балдахин.

людей во двор зовет, уговаривает под дождем купаться. Если кто выходит, не видит инопланетахина, только слышит, как зовут: здесь я, Саагун. И все время будто за спиной, обернешься, а его там нет, и опять зовет, с другой стороны: здесь я, Саагун. Ищут Саагуна, ищут, не находят и домой возвращаются насквозь промокшие.

И когда ветер воет, Саагун в деревне появляется. В окна не стучит, только носится по улицам Шабалы вместе с ветром и хочет: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Чего ему в ветре том смешного, не понимают люди и думают: наверное, у них, у инопланетахинов, юмор такой, на человеческий не похожий.

Только в ясную, тихую погоду, весной или осенью, когда дали особенно дальние, и воздух звенит от прозрачности, Саагун не приходит. Но вглядываясь в синюю даль, можно увидеть, как где-то там, почти у горизонта, будто тень скользит. Крикнешь вдаль: кто там? И через долгие секунды доносится издали эхо многократное, затихающее: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун, здесь я, Саагун... Это инопланетахин летает. Говорят, у него крылья есть, прямые, как у журавля, только прячет он их под плащом, когда приходит в Шабалу.

И в звездные ночи Саагун летает. Над самым Шабаловским холмом кружит ночным облаком. Только видно, как звезды мигают, когда проносится под ними инопланетахин. И слышится шорох далекого мотора. А то крик протяжный, печальный: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Это он тоскует по своей далекой Саагунской инопланете.

Наслышался я историй про Саагуна, пока мы с напарником ветряную электростанцию монтировали на соске каменном. По вечерам напарник мой, молодой еще, в клуб уходил, где парни с девками танцы-шманцы устраивали. А я спускался с Шабаловского холма и шел в лес, под ели, к ручью рыбу ловить и так посидеть, ручей послушать. Ручей журчит, по камням прыгает, в омутах под нависшими корнями еловыми шепчет что-то. Что шепчет? И слышалось: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. И по

лесу бродил я с ружьишком, тетеревов и глухарей отслеживал, а больше так прогуливался, ноги разминал. А все же пару раз вскинул ружьецо-то, пальнул наугад почти в кроны еловые. И оба раза эхо отвечало, густое, недовольное: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун.

Надоело мне это, сел я на пенек, сигарету закурил и спокойно так говорю, не повышая голоса: Саагун, ты по-человечески-то можешь разговаривать? Что ты все одно твердишь «здесь я, Саагун, здесь я, Саагун». Да знаем уж мы, что ты здесь. А вот что ты тут делаешь? Зачем ты здесь? И слышу в ответ голос, тоже спокойный, неторопливый: а чего говорить-то? Вот закончишь ветряк ставить, я и укачу. Без электричества моя космическая повозка не хочет по космосу катиться. Наше-то, инопланетахинское, топливо давно вытекло, когда я в землю врезался. Ну, Саагун, говорю я, ветряк мы поставим, не сомневайся. А вот если бы мы не приехали, чтоб ты делал, чего ждал? Да вот того и ждал бы, отвечает голос, будто откуда-то сзади и сверху, из еловых ветвей доносится: что кто-нибудь придет и ветряк ставить будет. Это ты мог очень долго ждать. А я и ждал долго, раздался голос из-под коряги, так долго, что скучно стало, вылезать начал, с деревенскими жителями общался. Ты их больше пугал, говорю, какое же это общение: «здесь я, Саагун, здесь я, Саагун», как попка заладил. Ишь, какой умный, слышалось от ручья, тебя бы на мое место. И тихо стало, даже ручей перестал журчать, обиделся Саагун, удалился.

Дело наше с ветряным двигателем продвигалось, но медленно. То комплектация оказывалась неполной, и приходилось ждать, пока подвезут недостающие детали из города. То дожди зарядили на три дня, и наружные работы пришлось отложить. То напарник мой заболел, злоупотребив ночным купанием с девками и парнями. Погода стояла не по-осеннему теплая и ясная, если не считать трех дождевых дней. Вглядываясь в синюю даль, я углядел пару раз скользящую тень почти у горизонта. Люди кричали по привычке: кто там? Но и через долгие секунды не слышно было никакого эха, ни многократного, ни затихающего. Вроде здесь был Саагун, но не хотел отвечать.

Тогда отправился я опять в лес, к ручью журчащему. Сел на пенек, закурил сигарету и говорю: ладно, Саагун, извини, если обидел. Может, поговорим все же? Хотелось бы знать, как ты тут оказался, давно ли здесь? Долго слушал я, как ручей журчит, шепчет в омутах, как ветер шуршит в еловых ветвях. Наконец из-за кустов шиповника послышался знакомый голос: говорил я уже, повозка космическая в землю врезалась. Я на другую планету катился, совсем в другой звездной системе, а повозка моя заболела вдруг. То ли вирус какой проник, то ли от старости, только что-то у нее с мозгами случилось: с курса мы сбились, траекторию приземления рассчитали неправильно, и вот результат. Давно это было, спрашиваю. Да считай уже лет триста прошло. Ого, говорю я, а сколько ж лет тебе тогда было? Ручей будто зашнуровался в своем монотонном журчании, в дальнем омуте что-то всхлипнуло: сто лет уже исполнилось, я последнее десятилетие в школу ходил. Из школы и повозку утнал, просто покаяться хотел. Думал, покатаюсь и верну повозку. А тут вот что случилось. Да-а, Саагун, протянул я, потому что не знал, что сказать. Мы, инопланетахины, раздалось из елового дупла, живем четыреста лет. Так что, считай, я уже глубокий старик и помру скоро. А очень хочется на родную инопланету вернуться, воздухом ее звенящим хотя бы лет десять еще подышать. Вы уж ветряк сделайте побыстрее, пожалуйста. Постараемся, отвечаю, тут вопрос нескольких дней.

Только я ошибся: какая-то маленькая деталь возьми, да сломайся. И хоть деталь пустяковая, а без нее нельзя было двигатель запускать. Опять пришлось ждать, пока новую деталь привезут со склада. И снова ясными осенними ночами летал Саагун. Над самым каменным соском кружил темным облаком. Опять звезды мигали, когда проносился под ними инопланетахин с шорохом далекого мотора. И кричал протяжно и печально: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун, тоскуя по далекой Саагунской инопланете. А когда днем опустились тучи и пошел дождь, раздался стук в окно. Я вышел на крыльцо и стал слушать, как капли, падая с крыши, шлепаются на мокрую скамейку и булькают в лужах. Здесь я, Саагун, послышалось с крыши. Потерпи еще пару дней, сказал я, скоро закончим. Да я просто погово-

рить хотел, ответил Саагун из дождевой бочки. Боюсь я на родную инопланету возвращаться. Хочется очень, а все равно боюсь. Чего же боишься ты, спрашиваю. Во-первых, наказания боюсь за угнанную повозку. Вдруг крылья подрежут, а я ведь старый уже, долго крылья отрастать будут, боюсь, не доживу, чтобы в небе инопланетахинском полетать, в море инопланетахинском поплавать. Ну, говорю, может быть, учтут все же твой преклонный возраст, не станут наказывать. А во-вторых?

Утих уже дождь, туман с лугов подниматься начал, по улицам Шабаловским пополз, во дворы затягивался. Наконец Саагун ответил из тумана, в котором почти уже скрылся забор покосившийся: привык я здесь жить, пообжился в Шурочкином лесу, вокруг Шабаловского холма. Больно густы здесь туманы августовские, дожди мокрые непредсказуемые, в елях теней много плотных, в небе простор необычный, в ручье омуты глубокие, весною ветры смешные, а зимой снежность невиданная, и ночью все звезды светятся, будто по космосу катишься. И люди здесь, в Шабале, привыкли ко мне. Когда я улечу, кто ответит им из тумана «здесь я, Саагун»? Кто в окошко зимнее поскребется, у печки греться будет? Кто под дождь позовет купаться «здесь я, Саагун»? Кто тенью далекой пронесется в ясную осень? Кто звезды ночные мигать заставит? Кто крикнет с ночной высоты «здесь я, Саагун»? Ничего не ответил я инопланетахину, вернулся в избу.

А через пару дней отправил я напарника в клуб на танцы-шманцы, а сам поднялся на каменный сосок. Покурил там, пожал плечами и крикнул в ночные звезды: кто там? Мигнули звезды, и опустилась тень по другую сторону каменного соска: здесь я, Саагун. Вот что, Саагун, сказал я: проверяли мы тебя. Как проверяли, кто проверял, всколыхнулась тень. Мы проверяли, инопланетахины нынешние. Как тебя обнаружили, а обнаружили тебя, в общем-то, случайно, в ходе штатной проверки планеты Земля, так меня и послали в Шабалу. Во-первых, проверяли, остался ли ты инопланетахиным или мутировал в земную эволюцию? Знаешь ведь, мы, инопланетахины, это можем. Во-вторых, проверяли, не навредил ли ты чем людям Шабала-

ловским? Случайно ли или, не дай Бог Космический, по злому умыслу. А в-третьих, проверяли, сохранил ли ты верность и любовь к родной инопланете, хочешь ли домой вернуться? Или окончательно тебя засосала Шабаловская вольница.

Здесь я, Саагун, вздохнула тень. Не бойся, Саагун, продолжил я, проверку ты выдержал. По всем трем статьям. А что по Шабаловским туманам да дождям скучать будешь на инопланете, так это ничего, это только на пользу пойдет. И вот еще что: долго тебя не было, а инопланетахинская наука и медицина на месте не стояли все это время. Так что мы теперь не четыреста, а пятьсот лет живем. И получается, что у тебя еще полноценная сотня лет впереди, на родной инопланете. А наказывать тебя никто не собирается. Во-первых, крылья давно уже никто не подрезает, варварство это средневековое, отсталый ты инопланетахин. А во-вторых, ты уже сам себя наказал тремя сотнями лет ссылки без права переписки.

Здесь я, Саагун, вздохнула тень. Дара речи лишился, сыронизировал я. Ничего, оклемаешься. И вот тебе еще мой подарок за то, что честно на вопросы отвечал и ничего не утаил. И я бросил в тень маленькую деталь. Это такая деталь, которую каждый инопланетахин с детства знает: без нее космические повозки по космосу не катятся. А что Саагун мечтал на электричестве показаться, так это у него, наверное, старческая болезнь началась. У нас, инопланетахинов, к старости наивность сильно возрастает, совсем как дети становимся, во всякую чушь верим. Только теперь уже, конечно, не к четырем, а к пяти сотням лет. Давай, говорю, Саагун, садись в свою космическую повозку и катись отсюда по космосу на родную инопланету.

Тень опустилась, будто всосалась в каменный сосок, да так, в сущности, и было. Сосок подрожал немного, а потом плавно раскрылся, как цветок раскрывается, и изнутри пестиком вытянулась космическая повозка. Старой, еще дореформенной, конструкции, но, знал я, надежная, как телега. Здесь я, Саагун, последний раз разнесся над Шабаловским холмом протяжный крик. Пестик подпрыгнул вверх, на мгновение замер в воздухе

и, звездным лучом устремившись в небо, исчез среди звезд. Лепестки каменные снова плавно закрылись. Я проверил крепление ветряка, выдержит ли здешние ветра смешные, Шабаловские, и немного постоял, выкуривая последнюю сигарету. Из глубокого космоса вновь донеслось еле слышное «здесь я, Саагун». А может, послышалось. Тогда я скинул плащ и расправил крылья, поднялся под нижнюю звезду и сделал свой первый круг над Шабаловским холмом, шурша мотором и крича протяжно и печально: здесь я, Саагун, здесь я, Саагун. Ибо все мы, инопланетахины, носим одно имя: Саагун.

Инопланетачи* из Агачи

Мы рассчитывали добраться из Нижних Голенищ до Агачи к полудню, но потратили на дорогу целый день. Как так получилось, непонятно: вроде и дорога хорошая, и погода стояла сухая, ясная, и останавливались мы по пути всего один раз, самое большее на час, а вот поди ж ты — целый день ехали. Я все поглядывал на спидометр: стрелка колебалась около отметки «80». Мы не спешили, но при такой скорости должны были оказаться в Агачи даже раньше двенадцати. Но проходил час, другой, а дорога все плыла и плыла впереди, то извиваясь по впадине между зелено-желтых холмов, подобно речке, то круто взбираясь на холм и так же круто спускаясь с него в новую впадину. Встречные машины показывались издалека и, судя по тому, как долго они приближались, ехали совсем медленно, ползком, как трактор или телега. Но когда оказывались рядом с нами, проносились мимо с ветром и гулом, так что их скорость оказывалась никак не меньше нашей.

Когда впереди блеснула речка Палинка, плавно огибающая Шурочкин лес и уже широкая в этих местах, жена попросила остановиться. Она решила подняться на ближайший крутой холм, чтобы сделать несколько фотографий. Я видел, как она идет по склону, так медленно, словно еле переставляет ноги.

* Борода-бородач, труба-трубач.

Потом она долго устанавливала треножник и начала снимать. Слишком уж неторопливо она все делала: минут пять тратила на каждый снимок, наводила на резкость, смотрела в видеоискатель. Прошло почти полчаса, когда она стала возвращаться: сначала очень медленно, потом все быстрее и быстрее, будто склон становился, чем ниже, тем круче, хотя все было как раз наоборот. Ты что так долго, спросил я. Разве долго? Только туда и обратно, наверное, и пяти минут не прошло. Я показал ей часы: прошло сорок минут. Странно.

Мы поехали дальше, до Агачей оставалось совсем немного: спуститься с одного холма и обогнуть другой холм. Только почему-то на это понадобилось еще два часа. Уже смеркалось, когда мы въехали в деревню. Улица была пустынной и тихой. Бродили сонные куры. Изредка встречались старики, дремавшие на лавочках около ворот своих домов. Агачи — деревня маленькая, всего-то домов сорок, но ехали мы чуть ли не до темноты, пока, наконец, добрались до дома в конце улицы, где собирались остановиться. Имэн-абы ждал нас, тоже сидя на лавочке и подремывая, пока его не разбудил шум мотора.

В здешних местах чересполосица русских, татарских и смешанных деревень. Нижние и Верхние Голенищи — русские деревни, Шабала в центре Шурочкиного леса — смешанная, а Агачи считается татарской деревней. Почему, так и осталось непонятным: здесь жили и татары, и русские, а еще украинцы, марийцы, несколько чеченцев, семья молдаван, два эстонца, одна болгарка и даже китаец, которого звали Ван Чыршы. Впрочем, «Чыршы», скорее всего, было прозвищем. Здесь, в Агачах, всем давали имена-прозвища. Нас с женой стали называть Нарат и Жюке. Я так думаю, что «Жюке» на местном, довольно странном, диалекте могло быть искаженным «жена». А еще моя жена со своей короткой стрижкой похожа на француженку, во всяком случае, на такую, как Мирей Матье или Эдит Пиаф, а в слове «Жюке» слышится что-то французское. Мое прозвище «Нарат», может быть, означало «иностранец». Из-за тонкой шеи и торчащего длинного и прямого носа, меня часто

принимали за иностранца в глухих деревушках Инополя. Инополье — так называется обширная территория, включающая долину реки Палинка, Шурочкин лес и прилегающие земли Средневосточной возвышенности.

Утром меня разбудил шум дождя, который показался мне необычно низким, словно далекий гул большого колокола: бумм... бумм... бумм... Лежа в кровати, я видел, как с крыши стекает вода. Капля медленно опускалась вниз, будто не падала, а скользила по наклонному стеклу. Когда одна капля проходила половину пути, сверху начинала медленно опускаться следующая капля. Наверное, это со сна все чудится мне в замедленном ритме, подумал я. Позавтракав, мы с женой принялись за работу. Нас послали сюда в командировку, чтобы уточнить кое-какие противоречивые данные по расстояниям между геодезическими точками в районе Агачи. А главное, на месте выяснить, почему на снимках со спутника деревня не просматривается. Вместо нее наблюдается какой-то небольшой лес. Такой лесок, действительно, здесь был, но только примерно в километре от Агачи. Имэн-абы объяснил, что там находится деревенский погост. Туда мы и направились в первую очередь.

Дорога пробиралась среди лугов, поросших разнотравьем. Высокие желтые цветы покачивали головками под ветром, будто говорили: нет, нет, нет... Через полчаса мы были на опушке леса. Наверное, здесь не один, а все два километра, сказал я, километр мы прошли бы самое большее за пятнадцать минут. Я сейчас померяю, ответила жена, устанавливая теодолит. Ну что? Странно, сказала жена, но до деревни, действительно, один километр, даже чуть меньше. Наверное, мы еще не проснулись и шли слишком медленно. Меня эта версия не убедила, но спорить я не стал. Мы пошли по тропинке, петляющей среди корней деревьев.

Ну и где же погост? Это был самый обычный лес, никаких могил, оград, крестов и могильных камней мы не нашли. Впрочем, лес был не совсем обычным. Нигде раньше мы не видели

такого разнообразия: здесь попеременно росли сосна и береза, ель и каштан, осина и липа, ива и тополь, а еще черемуха, вишня, яблоня, рябина, калина, смородина и можжевельник, малина и бузина, и каких только еще деревьев и кустов здесь не было. Такой лес не мог вырасти сам, это было больше похоже на уголок ботанического сада, где на соседних клочках земли росли деревья, которые в естественной среде обитания обычно не встречались рядом. Единственно, что напоминало кладбище — это необычная тишина, покой, струившийся среди деревьев и сворачивающийся кольцами в глубоких тенях между их корнями. Время здесь будто совсем останавливалось, ветер тек как густая вода, а листья лишь изредка слабо шевелились, шепелявили что-то мягкими губами и снова застывали в скорбных улыбках.

Наверное, мы что-то напутали, не так поняли Имэн-абы или не туда пошли. Но, возвращаясь в деревню, мы повстречали Ван Чыршы. Улыбаясь, китаец заверил нас, что никакой ошибки нет: этот лесок и есть деревенский погост. А где же могилы? Ван Чыршы даже засмеялся, тряс своей реденькой бородкой: ой-я, вы ничего не заметили, ничего не видели? Видели только сосны и березы, ели, каштаны и так далее. Ну да, ну да, закивал головой китаец, все так, все правильно. И пошел дальше своей дорогой. Мы решили, что он просто плохо понимает по-русски, и лучше еще раз спросить у Имэн-абы.

Но, когда мы вернулись, старика дома не было. И мы решили продолжить работу по измерению расстояний между геодезическими точками. Уже не удивляясь, мы обнаружили, что пространство и время в районе Агачи странным образом рассогласованы: расстояние небольшое, а времени на его преодоление требуется раза в два-три больше, чем обычно. Это означало, что скорость в Агачах была в два-три раза медленнее. Скорость всего: скорость автомобиля, несмотря на показания спидометра, движения пешком, скорость падения капель дождя. Даже птицы в небе летели так, как мухи ползут по потолку. Все это означало, что время в деревне Агачи и ее окрестностях движется медленнее обычного, точнее, медлен-

нее, чем наше восприятие времени, чем скорость наших ощущений и мыслей.

Вечером мы пристали с расспросами к Имэн-абы. Но он только улыбался в свою татарскую бородку, поглаживал ее то одной, то другой рукой, кивал головой и говорил: потом, потом все поймете. Вы поживите тут, места у нас хорошие, приятные. Вот лес есть, там грибы, ягоды. Вот речка Палинка, там рыба водится. А хотите, на озера сходите, это недалеко, там другая рыба. В лугах можно клубнику собирать, а по краям растет ежевика, черная смородина. Ближе к Шурочкиному лесу, на болотах, клюквы полно и брусника попадается. Мы, говорим, сюда работать приехали, нам нужно узнать, почему расстояния странные, почему деревня из космоса не видна. А он свое гнет: поживите тут, да поживите, вы все и сами поймете, а если объяснять стану, то ничего не поймете, потому что не поверите, да и объяснять не умею, старый уже, и по-русски не так хорошо могу, как нужно бы. На погост мне пора. Могила где? Вы же деревья видели? Ну да, ну вот. Как вам объяснить? Вот Ак-Каен, тот мог бы объяснить, хотя он и эстонский мужик, зато ученый очень. Только его нет сейчас, вы подождите, поживите немного, он скоро вернется и все объяснит.

Так мы ничего и не добились. И пришлось воспользоваться советом Имэн-абы: пожить в Агачах, благо командировка наша была на две недели, а геодезических точек, между которыми нужно было расстояния уточнить, оставалось довольно много. Мы, конечно, понимали, что не это тут самое главное, что тайна какая-то в Агачах имеется, но как разгадать эту тайну более быстрым способом, не знали. Так и жили, работали, отдыхали, и постепенно привыкли. Уже не казалось нам, что птицы летят медленно, что капли дождя не падают, а ползут. Не удивлялись, что пару километров можно пройти пешком только за час, если не бежать, а не за полчаса, как думали раньше. Я мог полдня провести, сидя на крыльце и наблюдая, как растет подорожник вдоль тропинки. И это не казалось мне напрасной тратой времени. Но больше всего мне нравилось глядеть на сосны на ветру, казалось, что в движениях их ветвей под вет-

ром, в медленном парении опадавших иголок больше смысла, чем... даже не знаю, во всяком случае, больше, чем во всей геодезии и картографии. Моя жена, которую я тоже стал звать Жюке, буквально расцвела под здешним ласковым солнцем. Мне казалось, что она даже пахнуть стала по-другому: какой-то неуловимый, приятный запах, напоминающий запах липового цвета. Но кое-что все же оставалось непонятным: почему деревня со спутника не видна и почему на погосте могил нет.

В тот день в гости к Имэн-абы приехала из города его дочка, Чия. По этому случаю соседка Имэн-абы, которую звали Миляш-апа, приготовила шулпалыбеляш. Это такой огромный круглый пирог с начинкой из мяса и картошки. Верх пирога срезают и используют вместо хлеба, а сам пирог едят ложками, стараясь зачерпнуть снизу, где сохраняется горячий бульон. Как мы поняли, приезд кого-то из родственников или просто друзей и знакомых в Агачи воспринимается ее жителями как праздник. На этот праздник, кроме соседки Миляш-апы, были приглашены китаец Ван Чыршы, эстонец Ак-Каен, чеченцы Шамарт с женой Алмаагач, а также русский паренек Балан, молдаванин Усак и старая болгарская бабушка Карлыган. За большим столом собралось двенадцать человек. Во главе сидели старейшины: Имэн-абы, Ван Чыршы и бабушка Карлыган, на другом конце стола — Чия и мы с женой, а остальные расположились по бокам.

После того, как все отдали дань кулинарному искусству Миляш-апы, слово взял Имэн-абы. У нас сегодня за столом, начал он, дорогие гости из города: Нарат и Жюке. Они прожили в нашей деревне уже двенадцать дней. Это, конечно, мало для полного перехода, но они ведь еще молоды, и полный переход им не требуется. Маленький переход, поддержал его Ван Чыршы, они сделали маленький переход: Нарат видит, как растет сосна, а Жюке пахнет, как липа. Но ведь они попали к нам случайно, возразила бабушка Карлыган, может быть, им и не нужно никаких переходов. Старая ты стала, ответил ей Имэн-абы, не помнишь что ли, как сама появилась в Агачах? Все засмеялись, бабушка Карлыган смущенно потупилась, Ван

Чыршы покраснел, а эстонец Ак-Каен медленно, нарастающим произнес: Нуу, этоо к делу нее относится. Ладно-ладно, сказал Имэн-абы, давайте я им расскажу то, что им так хочется знать, будем считать, что они уже почти инопланетачи. Полуинопланетачи, уточнил Усак. Ладно-ладно, я буду говорить, ты, Ван Чыршы, и ты, Карлыган, добавляйте, если чего забуду, ты, Ак-Каен, меня по-ученому поправишь, если что не так скажу, а ты, Балан, кое-какие слова на русский переведешь, у тебя лучше получится, ладно? Все согласились и Имэн-абы продолжил.

Если коротко пересказать довольно длинную речь Имэн-абы, перемежавшуюся вставками и дополнениями Ван Чыршы и бабушки Карлыган, репликами других гостей и не всегда понятными научными комментариями Ак-Каена, то получится вот что. Все жители деревни Агачи — инопланетачи. Но только нет такой инопланеты, откуда они были бы родом. Может быть, и была когда-то, но давно уже нет. Инопланетачество разное: все, кто приезжает в Агачи, становятся хотя бы частично инопланетачами. Это так называемый маленький переход. Чем дольше живешь тут, тем больше становишься инопланетачем. Есть средний переход, и есть большой переход. Постоянно в деревне живут одни старики и старухи, молодежь норовит в город уехать. Правда, к старости все возвращаются в Агачи, чтобы провести здесь свои последние годы. Они как бы пускают здесь корни, чтобы уже никуда больше не уезжать из Агачей. Впрочем, слово «как бы», наверное, лишнее, они и вправду пускают корни, только это надо понимать скорее в энергетическом смысле, как полуфизический процесс в пространстве-времени, если мы правильно поняли довольно запутанный ученый комментарий Ак-Каена. Это называется предпоследним переходом. А потом идут на погост, где совершают последний великий переход в изначальную инопланетаческую сущность, сопровождаемый соответствующей реализацией словоформы, модификацией являющегося фенотипа и изменением видимого вида (так перевел нам Балан слова Ак-Каена, в этом месте вдруг перешедшего на латынь). А изначальная сущность инопланетачей сводится, если отбросить детали, на которых почему-то особенно настаивали Ван Чыршы и Шамарт, заключает-

ся в том, что все они — деревья. Вот почему на погосте вместо могил деревья, самые разные в соответствии со своей словоформой.

И когда-нибудь, когда мы с женой состаримся, мы сможем приехать в Агачи, где нас будут ждать. Может быть, Имэн-абы, Ван Чыршы и бабушка Карлыган и не дождутся нас, уйдут на погост (в этом месте Ван Чыршы решительно возражал, но все остальные только смеялись удивительной для старого человека наивности китайца), но Чия, Балан и даже Ак-Каен надеются встретить нас еще до своего великого перехода. Они обещали нам поддержку и помощь во всех наших переходах, включая предпоследний и великий. Сейчас еще рано об этом думать, сказала бабушка Карлыган, но потом вы сами сможете выбрать полянку на погосте, где могли бы расти рядом высокая сосна с тонким стволом и длинной торчащей ветвью и пахнущая французскими духами липа с красиво сформированной короткой кроной. Но пока вы еще слишком молоды для предпоследнего перехода, возвращайтесь в город, живите, делайте свои дела, и помните.

И мы вернулись, написали отчет о командировке, где привели уточненные данные о расстояниях между геодезическими точками. Феномен с расстоянием и временем объяснялся просто: инопланетачи, как все деревья, живут в замедленном ритме, и, будучи высшими существами, передают этот ритм всему окружающему: птицам и каплям дождя, автомобилям и людям. Но об этом мы не стали писать в отчете. И только одно нам осталось так и непонятным: почему со спутника не видна деревня Агачи? На все наши расспросы Имэн-абы, Ван Чыршы, бабушка Карлыган и Ак-Каен пожимали плечами и говорили: а кто его знает?

Мерцающие инопланетанцы*

Перебраться на другой берег Палинки и по белой дороге войти в туман — все равно, что исчезнуть и вернуться туда, где никогда не был. Потом сквозь туман прорастает солнце, туман мерцает, и внутри него умирают ночные и рождаются дневные вещи. Потом выходишь на берег Черной Старицы, где по стволам сосен подтягивается еще хрупкое солнце. Оно падает в твердую воду и разлетается на тысячи острых осколков, которые поражают туман, уползающий обратно в луга с утробным урчанием. Черная Старица с левого борта лодки сверкает плоским зеркалом, в котором ничего не отражается, кроме неба, а с правого — утопает в ночную глубину, где что-то покачивается и шевелится. Остается пройти короткий лут, уже лишенный тумана, пронзенный солнцем, с мерцающим запахом разноцветья. Здесь время движется с перебоями, а кажется, будто ты сам теряешь сознание на мгновение, чтобы в следующее мгновение оказаться в немного ином месте, с немного иным ветром, немного иными цветами, с немного иным запахом. И в какой-то очередной скачок времени оказываешься среди домов Пласицы.

Деревня Пласица окружена с одной стороны Черной Старицей, с двух сторон — туманными лугами, с четвертой стороны — темным Шурочкиным лесом, с пятой — белой землей и с шестой — мерцающим небом. Днем небо мерцает в такт прерывистому дневному времени. Если в него не смотреть, оно светлого синего цвета, как и полагается небу. А если смотреть, небо темнеет — тем больше, чем больше смотришь, вплоть до фиолетовых космических высот, неожиданно вспыхивающих снова светлой синовой. Ночью небо мерцает между неподвижными звездами в такт ночному времени, которое угрожающе тикает, как механические часы. Если есть Луна, то и она подчиняется общему ритму, перетекая через небо. И каждый второй тик звезды просвечивают сквозь Луну.

* Африка-африканец, канада-канадец, мексика-мексиканец.

В деревне время разрезается на части острыми кольями заборов так, что на каждом участке свое время. Оно сгущается внутри дома и плещется по краям участка среди вишневых деревьев, кустов малины и зарослей сорной травы. Поэтому бывает так, что в одном доме люди еще спят, в соседнем уже обедают, а в третьем застилают постели на ночь. Проходишь из одного конца деревни в другой, и проходит неделя. Вокруг заброшенных домов заборы заваливаются и не удерживают время. Оно выливается, как вода из разбитой вазы. И так же, как вода, высыхает. Открываешь калитку, и высохшие лепестки времени проплывают мимо тебя. Идешь по тропинке, и они хрустят под ногами. Поднимаешься по ступеням крыльца и становится трудно дышать, как на вершинах высоких гор, потому что человек ведь дышит не воздухом, а временем. А здесь его почти не осталось. Заходишь в избу, и небо смотрит на тебя сквозь дыры в прохудившейся крыше, как смотрит вечность на то, где ее нет.

В Пласице живут инопланетанцы, прозванные мерцающими за то, что один тик времени они живут здесь, в Пласице, а следующий тик – на своей родной инопланете. От такой двойной жизни они кажутся слегка расслабленными, речь их течет плавно, а мысли медленно. Они никуда не торопятся и не преследуют никаких особых целей. По утрам инопланетанец Коля Дунин не торопясь идет к водонапорной башне, включает рубильник и возвращается домой. Вода, зараженная медлительностью Коли Дунина, не торопясь растекается по подземным трубам и выливается из кранов колонок медленная, как глицерин. Инопланетанцы подходят к колонкам плавной походкой с ведрами или присоединяют длинные шланги и набирают воду на целый день, чтобы пить чай, мыть посуду и поливать огород. Овощи на огороде растут медленно и созревают не торопясь, но ведь и лето в Пласице не торопится уступать место осени, так что к осени урожай уже готов. Через два часа Коля Дунин так же не торопясь снова идет к водонапорной башне и выключает рубильник. День начинается.

Инопланетанец Коля Хват везет хлеб на телеге. Телега движется медленно, покачиваясь на белой земле. Лошадь время от

времени на мгновение проваливается в атмосферу инопланеты и, возвращаясь, вздрагивает и крутит головой. Из особого расположения, которого, впрочем, нетрудно добиться, хотя бы изредка не отказывая Коле в пятидесяти граммах водки, можно купить хлеб прямо с телеги, чтобы не ходить на другой конец деревни в магазин. Для этого Коля Хват специально едет по дороге на задах домов между двух улиц, чтобы больше людей и инопланетанцев могли подойти к нему и купить хлеба. Хлеб теплый, даже горячий и вкусно пахнет хлебом и чем-то неуловимо инопланетанским. Его печет на деревенской пекарне инопланетанка Валечка. Наверное, в краткие мгновения исчезновения из Пласицы она успевает набрать инопланетанской травы, и, вернувшись, добавляет ее в муку. Вот почему хлеб получается таким непонятно вкусным. А около магазина в это время сидят инопланетанские старики и старухи, ругают Колю Хвата за задержку и обсуждают деревенскую жизнь, время от времени вставляя в свою неторопливую, плавную речь резкие инопланетанские словечки. День продолжается.

Ближе к вечеру, когда солнце мерцает попеременно земными и инопланетанскими красками, клонясь к западному лугу, инопланетанец Коля Маленький идет по деревенской улице. Он идет и мерцает: то есть Коля Маленький, то его нет. Одни говорят, что это мерцание оттого, что Коля Маленький маленького роста, и его то видно, то не видно из-за высокой придорожной травы. Но я думаю, правы те, кто не изобретает специальных причин, а сводит все к единому полуземному-полуинопланетанскому ритму времени деревни Пласица. Коля Маленький продает пойманную им за день рыбу приезжим людям, вроде меня. Он ловит рыбу в Черной Старице особой инопланетанской сетью, из-за чего одна рыба у него ловится, а другая нет. Например, вчера он продавал одних шук, а сегодня — одних лещей. Правда, Коля не может контролировать, какая рыба когда поймается, так что заказывать ему определенную рыбу в определенный день смысла нет. Но каждый день он идет по деревне с уловом. Я покупаю рыбу, плачу сто рублей и Коля исчезает, чтобы через мгновение возникнуть уже у калитки и продолжить свой путь. День заканчивается.

Из моего окна видно, как солнце опускается не то за синие земные тучи, не то за синие инопланетанские горы. По небу облака движутся с двух сторон: с одной стороны — земные, а с другой — инопланетанские. Они сталкиваются над тем местом, где исчезло солнце, и вспыхивают красным огнем. Приходит соседка баба Люба, приносит картошки. Потом разговаривает с моей женой о том, о сем. Иногда она вспоминает своего младшего сына Ваню, который умер маленьким мальчиком во время какой-то давней космической войны. Вспоминая, она плачет медленными инопланетанскими слезами и утирает глаза краем белого платка. Когда я провожаю бабу Любу, почерневшее небо уже механически тикает между звездами, пока еще редкими. Ночь начинается.

Я включаю агрегат и ложусь спать. Он будет заряжаться до утра, постепенно накапливая энергию и настраиваясь на частоту межкосмического мерцания. А утром мы с женой перекинем тумблер, и наши биологические часы сдвинутся на одно мгновение. Мы будем жить все в том же мерцающем ритме, но только теперь увидим не Пласицу, а инопланету. Таков был наш план.

Увы, то ли агрегат не смог настроиться на частоту межкосмического мерцания, то ли наши биологические часы не захотели сдвигаться на одно мгновение, но только ничего не изменилось. Мы видим Землю, как и раньше. Видим, как в тумане, окутавшем луга и деревню, прорастает солнце. Как туман мерцает, и внутри него умирают ночные и рождаются дневные вещи. Как хрупкое солнце вползает в небо, цепляясь за крыши домов Спалицы. Как оно падает на белую почву и растекается по улицам деревни, прогоняя остатки тумана обратно в луга. Время все так же движется с перебоями, и так же кажется, будто ты сам теряешь сознание на мгновение, чтобы в следующее мгновение увидеть немного иное солнце, немного иные облака, немного иные цветы с немного иным запахом. И в какой-то очередной скачок времени слышишь далекий еще звук льющейся воды.

Это, как обычно, инопланетанец Окля Ундин включает рубильник насоса водонапорной башни. Вода растекается по тру-

бам и выливается из кранов колонок. Инопланетанцы подходят к колонкам с ведрами или присоединяют шланги и набирают воду на целый день, чтобы пить чай, мыть посуду и поливать огород. И снова через два часа Окля Ундин идет к водонапорной башне и выключает рубильник. День начинается как обычно.

Как всегда, инопланетанец Окля Ватх везет хлеб на телеге, которая покачивается на белой земле. И все так же шолодь время от времени на мгновение проваливается в чужую атмосферу и, возвращаясь, вздрагивает и крутит головой. Я опять покупаю хлеб у Окля Ватха прямо с телеги, привычно теплый и вкусно пахнущий хлеб. День продолжается как обычно.

И снова ближе к вечеру, когда солнце мерцает попеременно земными и инопланетанскими красками, инопланетанец Окля Маленький мерцает по деревенской улице. Но нам не нужна рыба, и Окля мерцает дальше мимо нашего дома. День заканчивается.

Я снова вижу из своего окна, как солнце опускается не то за синие инопланетанские горы, не то за синие земные тучи. Как инопланетанские и земные облака снова сталкиваются над тем местом, где исчезло солнце, и вспыхивают красным огнем. Как и вчера, приходит соседка абаб Абюл, приносит таркошки и разговаривает с моей женой о том, о сем. Как и вчера, она вспоминает своего младшего сына Навю, который умер маленьким мальчиком во время какой-то давней космической войны. Вспоминая, она опять плачет и утирает глаза краем белого платка. Когда я провожаю абаб Абюл, почерневшее небо, как и вчера, механически тикает между звездами, пока еще редкими. Начинается обычная ночь.

Эксперимент наш не удался, и на следующее утро мы покидаем Спалицу с ее мерцающими инопланетанцами.

Инопланетница* Марья

Песчаная дорога влажная и мягкая. Ступням приятно наступать на нее, слегка надавливая, а потом отпуская. Казалось, и дороге приятно, когда на нее слегка надавливают и отпускают, и она вся податливо изгибалась, покачиваясь то влево, то вправо, убегала вдаль и все же оставалась здесь, под ногами, играя. Сначала дорога шла коротким лугом. Трава шелковистыми волнами поднималась и опускалась, выпуклости перекасти-поля, казалось, слегка двигались в ритме дыхания, а местами среди высоких стеблей откровенно злаковых трав что-то темнело, маняще и опасно. Хотелось провести рукой по лугу, чтобы почувствовать прикосновение, собрать выступившие капельки росы, прижать ладонь там, где темно, а потом поднести к носу и ощутить запах травы, неуловимо меняющийся и горьковатый.

На повороте среди сосен бродил деревенский мужик. Он хватался за стволы то одной, то другой рукой, будто пытался обнять их, и падал, но не падал, а шел дальше. Он бродил по кругу, заблудившись в трех соснах, и никак не мог выбраться на дорогу. Наверное, он был пьян. Наверное. А высокие сосны задирали еще выше свои ветви с густой коричневой зеленью, оголяя стволы до самой верхней, нежно-желтой коры. Хотелось присоединиться к мужику и тоже заблудиться и бродить, но я поборол это желание.

Из-под ног взрослых сосен на луг высыпали совсем юные деревца. С маленькими лапками, растущими от самой земли, густыми и мягкими, но уже призывно раскрытыми. Совсем ведь дети еще, подумал я и отвернулся.

Я шел дальше: через бесстыжую березовую рощу, мимо дрожащих от возбуждения осиновых листьев, пригибаясь под согнутыми в истоме ветвями ивы. У лесного озера я промочил ноги, неосторожно ступив с дороги в такой мягкий и такой свежий мох, что не заметил, как оказался по щиколотку в темной

жидкости. Вернувшись на дорогу, я оглянулся: озеро поблескивало темно и угрожающе, оно явно хотело, чтобы я утонул в нем. Стебли болотной травы, казалось, нарочно тянулись в мою сторону. Я пошел дальше.

Дорога делала круг, снова приближаясь к Либидиной деревне. Отсюда, с высокого холма, видна была лишь курчавая темная поросль деревьев, сквозь которую то тут, то там просвечивали красные крыши домов. Они казались влажными и блестящими, и над ними струилось какое-то марево. Наверное, испарения идут от речки, что змеится вокруг деревни, подумал я. Почему-то сделалось страшно.

В доме на самом краю деревни, в котором я остановился, было тихо и пусто. От долгой прогулки пересохло во рту, и я пошел на кухню, чтобы вскипятить воду для чая. Окно выходило на огород. Там, среди кустов малины бродила моя хозяйка и медленно раздевалась, развешивая на ветвях свою одежду. Когда дело дошло до нижнего белья, я опомнился и бросился к чайнику, который уже плевался кипятком.

Я сидел в своей комнате на диване, пил чай и пытался успокоить хозяйскую кошку, которая тыкалась носом мне в лицо, выгибала спину и отключивала зад с вертикально торчащим дрожащим хвостом. У кошки была течка, а все соседские коты, как назло, оказались заняты другими подругами. Под окном заорала курица, на которую взгромоздился непомерно огромный ярко-красный петух. Я опустил штору и включил ноутбук, надеясь поработать. Но ничего не вышло: Интернет словно взбесился — со всех адресов качались сплошные порносайты. Наверное, где-то вирус компьютерный подцепил, лечить надо.

Я лег на диван и стал думать. Что-то тут не так. Я приехал в Либидиную деревню в надежде разгадать загадку странной флуктуации электромагнитного поля в ее окрестностях и нижних слоях атмосферы. Эту флуктуацию первый раз зафиксировали несколько лет назад, и с тех пор она регулярно повторялась каждый год в одно и то же время. Начинаясь в конце

* Глаза-глазница, дева-девица, карта-картежница, книга-книжница.

июля, достигала пика через семь дней и после этого сходила на нет очень быстро, в течении каких-то двух-трех часов. Измерения поля делались со спутника, велась и видеосъемка, но с такого расстояния мало что можно было разглядеть. К тому же во время этой флуктуации над деревней постоянно висели облака. И это тоже было странно, потому что в других местах в радиусе пятидесяти километров небо оставалось ясным. Да и эти облака появлялись только с началом флуктуации, а ровно через неделю так же быстро рассеивались. Как будто их кто-то или что-то специально сюда пригоняло, а потом отпускало за ненадобностью.

Опрос местных жителей ничего не дал. Как и для большинства людей, далеких от физики, электромагнитные поля были для них полупонятны и малоинтересны. На вопрос об облаках они тоже ничего толком не могли ответить, только почему-то краснели и переводили разговор на другую тему. Да и вообще деревенские вели себя странно. Точнее, начали вести, как только три дня назад началась флуктуация.

В комнату вошла хозяйка, одетая, как обычно, в галоши, толстые чулки, платье до щиколоток и душегрейку, словно и не было никакого раздевания в огороде. Спросила, не хочу ли я парного молочка. Тепленького, только что из-под коровки. Я опять объяснил, уже третий раз за последние три дня, что не пью парного молока, организм не принимает. Хозяйка повздыхала, потрогала новую прическу, тоже третью за последние три дня, без надобности оправила платье, покачала головой, потом бедрами, распахнула и снова запахнула душегрейку и ушла, два раза оглянувшись, словно надеялась, что я передумаю.

Я, конечно, догадывался, что означают все эти движения, но розовощекие крепко сбитые женщины средних лет не в моем вкусе. Кроме того, все это выглядит как-то неестественно. Неделю я прожил в деревне до флуктуации, делая замеры обычного электромагнитного фона, и никакого интереса у хозяйки не вызывал. А три дня назад вдруг началось: то случайно застаю ее, моющейся над тазиком, то она просит застегнуть ей молнию сзади на блузке (как она раньше-то без меня обходилась?), то

вдруг спотыкается на ровном месте и падает мне на колени. Потом парное молочко, новая прическа и так далее.

Ладно бы хозяйка. Но вот вчера прогуливаюсь вдоль речки и вдруг вижу двух купающихся девиц. Купаются они голышом. Ничего в этом особенного, конечно, нет, просто мне полагается отвернуться и уйти, что я и пытался сделать. Но тут меня окликнули: Эй, дядя, посмотри на нас! Вышли на берег, мокрые, голые, и давай обниматься, да целоваться, а сами все на меня глазами зыркают. Бывают, конечно, и в деревне такие развлечения, да только знал я этих девиц. Неделю до флуктуации они ходили смирененькие да примерненькие, а если кто из парней пытался их просто обнять, даже по дружески, отскакивали, как ошпаренные. Я еще тогда подумал: надо же, какие в деревнях наших целомудренные нравы сохранились в двадцать первом веке. И вдруг все изменилось. Ночью чуть ли не под каждым кустом влюбленные парочки шевелятся. Потом уже среди бела дня. Причем всех возрастов. Тут как-то видел старика с другого конца деревни, ему наверняка за семьдесят, так он на соседском сеновале... впрочем, что старик! У кошки хозяйской течка началась ровно с началом флуктуации. И если бы только у этой кошки, а то сразу у всех кошек в деревне: вот почему коты-то все на расхват пошли. Коровы доенные мычат, бык стену сарая разломал. Кобылы, те вообще в лес убежали, там егерь живет, у него жеребец есть. Петухи с куриц не слезают. Даже мухи, и те парами летают.

Я и за собой странности стал замечать. Хотел сегодня обдумать все на прогулке, подальше от людей и животных всяких, на природе, и что? То мерещится, что дорога под ногами вожделенно прогибается, то сосны голыми и бесстыдными кажутся, то травы вдруг женщиной пахнут, а то озеро... Нет, что-то не то происходит. Может быть, растения какие зацвели, афродизиаки всякие, запахи там или пыльца. Я не биолог, не очень хорошо разбираюсь в этом. Но только все будто с ума посходили, на всех какое-то сладострастие нашло внезапное. И как это может быть связано с флуктуацией электромагнитного поля? И с облаками?

Опять хозяйка в комнату зашла, якобы потеряла тут что-то.

Теперь она в юбке еле помещается, и блузка прозрачная, как стеклянная банка. А что, очень даже аппетитно выглядит. Та-а-к... Нет уж, надо пойти опять прогуляться.

Короче говоря, на четвертый день я не выдержал натиска хозяйки. На пятый в моей постели как-то случайно оказались две примерненькие девицы. На шестой день улицы Либидиной деревни опустели, потому что с утра никто не вылезал из кровати, своей или чужой, уж как получилось. Небо заволокло тучами. Деревья без всякого ветра изгибались, переплетая ветви друг с другом. У домов поехали крыши, заборы падали друг на друга. На седьмой день, в самый пик флуктуации, задрожала земля. Разве здесь бывают землетрясения, рассеянно подумал я, на минуту выскользнув в туалет из кровати, которая стала слишком тесной для меня, хозяйки, двух девиц и откуда-то взявшегося старика. И в это мгновение опустилось небо.

Дальше я все помню как-то смутно. Будто меня то поднимало, то опускало вместе с землей. Что-то страшно урчало и всхлипывало, а то вдруг гром гремел, похожий на крик. Воздух стал таким плотным, что его можно было щупать руками. Облака оказались на земле, а земля в облаках. Все кругом стало мокрым и склизким. Мой нос перестал различать запахи, настолько сильными они стали. Свет и тьма перемешались. Меня уже не поднимало и опускало, а бросало вверх-вниз, земля ходила ходуном. И в тот самый миг, когда мне уже показалось, что земля вот-вот разорвется, хлынул горячий дождь.

Очнулся я от того, что кто-то хлестал меня по щекам. Это оказалась хозяйка. Ну, наконец-то, сказала она, я уж думала, ты окочурился. Разве можно в седьмой день во двор выходить? С крыльца, что ли, пописать не мог? Она помогла мне подняться с грядки, в которую я наполовину оказался закопанным, довела до крыльца, окатила водой из шланга, смывая грязь. Потом заставила снять мокрую одежду, переодеться в сухое, усадила на диван и, наконец, принесла горячего чая. А молочко парное ты все-таки зря не пьешь, полезное оно. Села на стул и стала смотреть, как я пью чай. Одета она была как обычно: галоши, тол-

стые чулки, платье до щиколоток и душегрейка. Волосы скрывал большой белый платок.

Что это было? — спросил я. Да уж догадываюсь, что давно ты хотел все узнать. Выспрашивал, что да как. Про поля какие-то спрашивал, про облака. Да только как бы я тебе могла объяснить. Ты ведь все равно бы не поверил. А так вот сам все видел и слышал, и теперь сам знаешь. Да ничего я не знаю. Кроме того, что все вдруг с ума посходили, и я вместе с вами. А потом и во все какой-то природный катаклизм случился. Да какой уж там катаклизм. Это просто Марья повеселилась. Какая еще Марья? Марья-инопланетница. Ну, в этот раз она здорово раздухарилась. Я даже не припомню, когда еще так было. Наверное, ты на нее повлиял: новый человек все-таки, интересно ей. Ничего не понимаю, да объясни ты толком.

И хозяйка стала объяснять. Если коротко пересказать все, что она говорила, то выйдет вот что. Несколько лет назад пришла к ним в Либидиную деревню одна женщина. Назвалась Марьей, купила дом на окраине и стала жить. В тот год, в конце июля и случилась первая флуктуация. На следующий год — снова. Уж каким таким способом деревенские это вычислили, не понял я, но только выяснилось, что причиной июльских катаклизмов была Марья. Оказалась она инопланетницей. С какой такой планеты, никто не знал. Да она и сама запоматовала, так долго скиталась по Космосу в поисках подходящего жилища.

И была Марья вроде как обычная женщина, средних лет, ничем особенным не примечательная. Кроме одного. Раз в год, в конце июля случался у нее эструс, ну это вроде как течка у животных. Но только была Марья все же инопланетницей, и этот самый эструс был у нее таким... да, в общем, ты и сам видел, каким, закончила рассказ хозяйка.

А почему же другие люди, ты, я, кошка твоя, да все кошки, деревья еще, да вообще земля и небо? Так я и говорю, что особенный у нее эструс, инопланетный. Он на все вокруг действует, так что у всего эструс случается: и у людей, и у животных, и у

растений и даже у неживой природы. Такая вроде как эпидемия происходит. Но кончается быстро, неделю всего длится.

К этому моменту рассказа я уже окончательно оклемался, чаю горячего напившись. И тут сообразил, что замеры-то электромагнитного поля последние три дня и не делал. А все почему?

Так это мы с тобой, значит, того... из-за нее, что ли, из-за этой Марьи? — промямлил я. Из-за нее, из-за нее, а ты чего подумал? Марья! — раздался вдруг крик с улицы. — Твоя корова в наш хлев забрела. Забирай ее сама, а то она не подпускает никого. Ну, меня зовут, бежать надо, сказала хозяйка, мы еще потом с тобой потолкуем.

И уже с порога добавила: А ты, вообще-то, ничего...

Алена Чубарова

Актриса и режиссер, создатель и художественный руководитель Московского театра «КомедиантЪ». Член такого количества творческих союзов, что это уже не имеет значения. Театр — образ жизни, литература — воздух. Спектакли играют на фестивалях, пьесы занимают призы в драматургических конкурсах, стихи издаются, но... все время кажется, что самого главного еще не написала, не сыграла, не поставила...

Живу с постоянным ощущением, что именно сейчас начнется самое главное, что должна успеть что-то очень важное, что не имею права на отдых или передышку!

Новая книга будет называться «Слова для тишины». Тишина — совершенно недостижимая роскошь. В ней ищу все свои слова и образы, и к ней они вернутся после всех страстей, открытий, достижений.

Sunday — день тяжелый

Тексты для моноспектакля

Люба
Галя
Рита
Вика
Зухра
Юля
Женщина без имени

Все сцены исполняет одна актриса

И коемуждо по грехам его...

День первый. Понедельник. *Люба.*

Обычная городская квартира. Женщина среднего возраста сидит, обхватив голову руками. Наливает себе в стакан напиток «Тан». Выпивает.

Нет, ну почему? Мужики пьют, как лошади... Пиво с водкой плюс коньяк и три маслинки на закуску, и ничего... И все с них, как с гуся вода, а тут... Сухого два бокала, ну пусть три... с половиной и крохотная рюмочка чернорябиновой настойки. Это же вообще не выпивка, это — лекарство! А голова... О-о-о... Несправедливо. Жизнь вообще устроена несправедливо. Это — аксиома. Доказательства не требуются. Хватит ныть. А какой сегодня день?

Ищет календарь, долго изучает, что-то шепчет, пытается сориентироваться в датах.

Понедельник. Угу. А если понедельник, то почему я не на работе? (*Сосредоточенно вспоминает.*) А потому, что я взяла отгул. Предусмотрительно. Когда в пятницу позвонила Наташка и предложила отметить отъезд мужей в командировку, я сразу взяла на понедельник отгул! Ай, да я! Ай, да молодец! Ай, да Любка! Люба, Люба, Любочка, порванная юбочка! Нет, не порванная, почему порванная? Может, розовая? Или плюшевая? Нет, плюшевая — это из другой песни, про Ксюшу. «Ксюша, Ксюша, Ксюша, юбочка из плюша...» Так, а какая же юбочка у Любочки? Шелковая? Узенькая? Тьфу, далась мне эта юбочка... Любочка — это Любовь. Начинаем неделю со слова «любовь». Хорошее начало недели. И вообще все хорошо. «Все было б хорошо у Пети, да народились дети»... Кстати, где дети?

Кричит в пустоту квартиры.

Егора! Настася! Вы в школе?

Слушает тишину, затем бежит в соседнюю комнату, возвращается.

Кровати заправлены слишком аккуратно, они так не заправляют. Значит, это я заправляла. А я заправляла их когда? Но не вчера точно. Значит, значит, дети не ночевали дома. А где же они тогда ночевали?

Снова в упор изучает календарь.

Я — балда! Они же в лагере. У них — каникулы! Это же надо было так напиться!.. Надо выпить еще... этого... опохмилительного кисломолочного.

Она обнаруживает, что бутылка «Тана» пуста, идет на кухню за другой, вылетает из кухни в ужасе.

Откуда на столе столько бутылок? Я же помню, мы покупали одну сухого и одну чернорябиновой... а там... (*Мучительно вспоминает.*) Когда наливка закончилась, эта, чернорябиновая, Наташка позвонила своему хахалю, и он привез... Да, вспомнила!.. А потом они еще ходили докупали... Ой...

Замечает на компьютерном столе фото мужа.

Дмитрий Александрович! Ты заметь, это Наташка была с хахалем, а я ни-ни... Ну, что ты смотришь так осуждающе? Ну, слаба я, да, на выпить слаба. Но чтобы что другое... Тут кремь, железо. Честное пионерское (*Отдает пионерский салют фотографии*).

Ну, не смотри ты так! Не смотри!

Убирает фотографию.

Эх, Дмитрий Саныч, Дмитрий Саныч, как будто сам никогда не напивался в котлету... Нет, в сардельку, сосиску, во все колбасные изделия из свинины... говядины... мясные, короче. Ну, нет? То есть, да! После того, как завязал — не напивался. Да. А до того? А-а... то-то... Кто тебя на своем горбу тащил по колдобинам новостроек?

Снова достает фотографию, разговаривает с ней, как с живым человеком.

Ты кричал: «Брось меня Люба!». А я в ответ: «Не брошу, товарищ старший пионервожатый!». Потому как пионеркой в твоём отряде я была сознательной, ответственной, послушной. Вожатый сказал: «Пей», я и пила. Вожатый сказал: «Ложись», и я... Зато когда беременная была, ни капли в рот не брала, и детей тебе родила здоровых, нормальных детей. А в наше время это уже само по себе подвиг. Не у каждой получается. А помнишь, как с Егором годовалым и Настькой трехмесячной в кенгурушке на груди мы по всем подъездам тебя искали, а потом домой таскали?.. А?! А-а-а... А Егорка споткнулся на лестнице, ходить-то толком еще не умел, и вот Настька на груди, Егор с окровавленной головой на спине, и мужа пьяного волоку... Как дошла — не помню. Да меня в книгу рекордов Гиннеса пора. А ты... Ладно. Кто старое помянет... А опохмеляться я не буду и не проси. Я же не алкоголичка какая, и не пьяница даже. Я обычная русская женщина. А какая русская женщина не пьет? А? Правильно. Еврейка. Или беременная. Кормящая пьет мало. Но чем меньше она кормящая, тем больше пьющая. Потому как если самой не пить, то крыша едет от картины окружающего мира, который, как известно, объективная реальность, и сделать с которым ничего нельзя, кроме как выпить. А выпьешь, и сразу жизнь налаживается. Внешний хаос вступает в гармоническую реакцию с внутренним. О! Это — не я такая умная. Это ты... Твои слова. Я их в свое время записала и выучила. Да что я оправдываюсь? Перед кем?

Убирает фото.

Есть гениальная идея. Надо пойти принять душ!

Выходит. Слышен утробный звук водопроводной трубы. Она возвращается.

Горячей воды нет. А из холодного крана течет слабенькая струйка оранжевого цвета. Сезонные ремонтные работы — объективная реальность, внешний хаос. Придется обойтись без душа.

Видит свое отражение в зеркале.

Слушай, Дмитрий Алексаныч, а для женщины с похмелья я хорошо выгляжу!

Снова достает фото мужа.

Ну, посмотри: отеков нет, синяков под глазами ...тоже... почти... Интересно, это я с утра накраситься успела или с ночи не размазалось? А прическа вообще хоть на подиум. Дмитрий Алексаныч! Как же тебе повезло с женой! Обзавидуешься. Была бы я мужиком... увела бы! Такая женщина!!!

Берет пустую бутылку из-под «Тана», держит ее как микрофон, берет сама у себя интервью.

Любочка, как вам удастся столько пить и так выглядеть? Поделитесь секретом с читателями газеты «Повышенный градус».

Перехватывает бутылку-микрофон в другую руку, тоном примадонны.

Н-ну, как на это ответить... У меня есть несколько секретов. Во-первых, первые пять лет своего общения с повышенным градусом я пила только с мужем, исключительно чтобы ему меньше досталось.

Перехватывает «микрофон», снова от лица журналистки.

Но это не ваш секрет, многие женщины именно так начинают свою алкогольную карьеру.

Снова от лица Любы.

Начинают-то многие, но тут все дело в концепции! В верности принципу! Когда я стала пить и без мужа, в других компаниях, я игнорировала все тосты и всегда пила только за... За что бы вы думали? За здоровье моего супруга! За то, чтобы он бросил пить! Чтобы он стал неопитом здорового образа жизни! И вот однажды я одержала полную и безоговорочную победу! Он пить бросил!!! Тут хорошо бы праздничный бравурный марш за кадром.

От лица журналистки.

Браво! Браво! Браво! За кадром мы пустим Мендельсона или... Так. Стоп. Какой марш? У нас же газета...

От лица Любы, все более вдохновляясь.

Неважно, сделаем радиопередачу. Слушайте дальше. Когда он бросил пить, он стал требовать того же и от меня. Теперь я не могла пить с ним, но и даже больше при нем. Мое общение с повышенным градусом стало тайным и редким, но... когда я все-таки дорывалась до вожделенного напитка, я снова пила — за здоровье мужа!

От лица журналистки.

У него должно быть теперь очень крепкое здоровье?

От лица Любы, гордо и победоносно.

Да! У него. Теперь. Да.

От лица журналистки.

Мои аплодисменты! Но у вас наверняка есть еще секреты!

От лица Любы.

Я никогда не похмеляюсь! С утра я пью вот эту кисломолочную дрянь. Которая, сволочь, кончилась, а в магазин идти нет сил. *(Набирает номер мобильного.)* Я не дойду до магазина, я умру по дороге. А умереть по дороге в магазин — это пошло. Умирать хорошо на поле боя! Неплохо — на сцене. В крайнем случае — у себя дома. Но по дороге в магазин... *(В телефон.)* Алле, Натаха! Ты жива?.. И я не очень. Вот если бы ты сейчас приехала... Все, все, все, не ругайся. Вопрос снят. Предложение исчерпано... Что? Вот сначала бы спросила, потом ругалась... У меня этот кончился — «Тан». Нет, не дойду... По Интернету? И что, на дом доставят?.. Диктуй адрес сайта... *(Записывает.)* Попробую.

Выключает телефон, включает компьютер.

А я здесь разберусь? Был бы Егор дома или Настька...

Набирает мобильный.

Егорushка! Привет, маман на проводе. Как дела? А у Насти? Не болеете?.. Да нет, у меня ничего не случилось, так, контрольный звонок... Папа в командировке. Слушай, Егор, у меня к тебе просьба... Если у вас там, в компании, вдруг случится, то есть, я знаю, что вы этого не делаете, но вдруг, гипотетически, будете выпивать,... ты за Настей присмотри... Да ты не пьешь, я знаю, я говорю, за Настей посмотри, у женщин организм слабее... Погляди за сестрой, я на тебя надеюсь. Ну, пока... Целую.

Отключается. Некоторое время сидит, глядя в одну точку.

Тьфу ты, хотела же про Интернет спросить. Ладно, попробую сама разобраться, чай еще не все мозги пропила... *(Садится за компьютер.)* Так, вот этот значок мне знакомый, попробуем ткнуть сюда... О! Что-то происходит. Ой-ой... Сколько тут всего, и все мигает!.. Как говаривал, будучи еще пьющим, Дмитрий Алексаных, тут без поллитры ни тьма, ни таракань...

Идет на кухню, возвращается со стопкой и с бутылкой водки, где осталось четверть. Наливает.

Это я не похмеляюсь. Я пью, чтобы разобраться в компьютерной программе. Вот разберусь, закажу себе «Тан».

С вожделением смотрит на рюмку, подносит ко рту. Косится на фото.

Повторяю для тех, кто плохо слышит. Это я не похмеляюсь! Это — другое! Ну не смотри ты так! Ну ответись!

Убирает фото подальше, снова подносит рюмку ко рту.

Да что ж ты за человек такой! Вот спиной чувствую, как ты меня осуждаешь...

Достает спрятанную фотографию, уносит на кухню, возвращается довольная. Берет стопку, подносит ко рту.

Дверь не закрыла. Из кухни меня достает, гад.

Закрывает дверь на кухню, подносит стопку ко рту.

Не помешаешь ты мне! Не помешаешь! Не помешаешь!!! А будешь и дальше так продолжать, я баррикаду построю из мебели! Понял!!! Что притих? Испугался?..

Прислушивается, затем приставляет к кухонной двери пару стульев. Снова поднимает стопку.

За здоровье мужа моего, Свет-Димитрия, ныне здравствующего и непьющего, черт бы его побрал... *(В сторону кухни.)* За тебя пью, товарищ старший пионервожатый! За тебя слышишь!!!

Хочет выпить, в последний момент отбрасывает стакан, плачет.

День второй. Вторник. *Галя.*

Женщина входит в квартиру с улицы. На ней плащ, через плечо сумка. Входит на цыпочках, боясь разбудить кого-то в квартире. На календаре отрывает или передвигает дату. Ставит на стол маленький диктофон. Говорит тихо.

Если я не запишу, я потом не поверю, что это было со мной. *(Хихикает.)* Уже вторник. Когда не спишь всю ночь, совсем не чувствуешь, что другой день наступил.

Я всю ночь танцевала. Всю ночь. Я! Как в молодости... Да, пожалуй, даже еще лучше, в молодости-то все некогда было... Ноги болят... *(Снимает туфли.)* И колени огнем горят, спину ломит... Но они поверили! Поверили, что я студентка и ухаживали наперебой. *(Смеется!)* А моя Анька им ровесница!.. Да, да, да.... Конечно, там было темно и накурено, и они были не совсем трезвые. А под утро я сбежала, как Золушка. Вот только туфельку не потеряла. Нет, ну хорошо! Очень хорошо! Какая молодец Ирка, что подбила меня на эту авантюру. Теперь надо часок поспать, потом кофе и в институт принимать экзамены. *(Хохочет.)* Вот если бы кто-нибудь из них оказался в нашем институте...

абитуриентом... Было бы... прикольно. Но он бы меня там просто не узнал.

Подходит к зеркалу, медленно снимает парик. Достает из сумки и надевает очки. Становится совсем другим человеком. Бросает диктофон в сумку.

Что-то Петя на работу не встает.

Уходит в спальню, возвращается с запиской. Читает.

Галя, твой сотовый весь вечер недоступен. Я поехал к маме, у нее сердечный приступ.

Ищет в сумке сотовый, вытряхивает все, наконец, находит, пробует включить. Ставит заряжаться.

Как неравномерно насыщаются событиями дни. Иной раз годы идут, будто на одном месте, а иногда в один день... Танцы до упаду в молодежном ночном клубе. Может, в первый и в последний раз в жизни. В институт сейчас пойду работать Галиной Аркадьевной, умной ученой теткой, и сегодня должен решиться вопрос, ждет ли меня повышение. Я потому и в клуб пошла, все равно бы нервничала, не спала. И сегодня же приступ у свекрови. Надо как-то реагировать, сочувствовать... А я не могу ей сочувствовать. Сам с собой человек имеет право быть честным. Я хочу, чтобы она скорее умерла, и мы перестали бы, наконец, шлаться по съемным квартирам, тратя на это обе наши зарплаты. *(Пауза.)* Как это страшно прозвучало: хочу, чтобы она умерла. И все из-за квартиры... Жуть. Конечно, она имеет право жить в этой квартире одна, она ее в свое время заработала, ей не просто так жилплощадь на голову свалилась. Но разве мы виноваты, что в ее время квартиры давали, а теперь только продают. И за такие деньги... За однокомнатную квартиру у нас — в Австралии можно дом купить. А зарплаты в Австралии от наших отличаются в обратную сторону. Абсурд.

Но я не могу ехать в Австралию, потому что я преподаватель русского языка и литературы. Кому я нужна в Австралии? И муж мой — специалист по русской литературе. Ну кому мы нужны в Австралии? Я Аньку с детства языками мучила, потому

что шанс ей дать хотела. И отправила ее в эту Австралию... Письма приходят бодрые. Может, ей повезет больше... А я... ску-чаю... Ну, да что я, не обо мне речь. И вообще, что я сама себе зубы заговариваю, звонить все равно надо.

Медленно набирает номер мобильного.

Петя, Петя,.. ботаник ты мой бедный. Не любишь ты ее, а — боишься. *(В телефон другим голосом.)*

Петя... Петенька, это я. Ну, как мама? Угу, угу... Угу... А может, и вправду лучше бы ей в больницу? Врачи зря говорить не станут... Понятно, она не хочет, но... А если... Да, Петенька, ты правильно решил... да... да... И я буду приезжать помогать.

Отключается.

Ей совсем плохо. Врачи сказали «скоро»... Плохо! Плохо! Плохо! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро!

Нацепляет парик, начинает радостно танцевать.

Скоро! Скоро! Скоро! Плохо! Плохо! Плохо! Плохо! Скоро! Плохо! Скоро! Плохо! Скоро! Ско...

Резко прерывает танец.

Если она сейчас на самом краю, а я так радуюсь, то... мысль-то материальна... И я ее, получается, этой своей радостью подтолкну. Если она сейчас умрет, я буду виновата. Никто мне этого не скажет, но я-то буду знать. Я же этим чувством вины потом себя изведу...

Лихорадочно набирает телефонный номер.

Петя! Она по крещению Анна? Уточняя, бывает же, по паспорту так, по крещению иначе. Я перед институтом забегу, молебен закажу заздравный... Ну, что ты, Петенька, конечно... И я тебя. Пока.

Отключается, находит в шкафу платок, надевает на голову. Судорожно собирает сумку. Вдруг прерывает сборы.

Как же я буду сейчас молебен заказывать, свечку за здоровье ставить, а в душе... Ведь на самом-то деле я не желаю ей здравия! Ведь это будет... ну... как солгать на исповеди. Лучше ведь вообще ничего, чем вот так... Что же делать?

Медленно садится, снимает с головы платок.

Когда Анька родилась, я так обрадовалась, что девочка. Ведь если бы мальчик, как бы мы его воспитывали... с таким папой? Он сам никогда ничего не решал. Все у мамочки спрашивал. Он и женился-то на мне по ее решению. Я думала — полюбил,.. а это мамочка выбрала. Потом она поняла, что ошиблась. Начала нас разводить, и развела бы. Да я уже беременной оказалась. И тут впервые в жизни, в первый и в последний раз Петя пошел против мамы. Не бросил меня с ребенком. И она ему этого одноразового непослушания до сих пор простить не может. То есть, не ему, конечно, а мне. Формально мы помирились, мы же интеллигентные люди. Но... жил Петя с нами, а слушался маму. Я и Аньку-то в Австралию отправила — от бабушки подальше. Потому что бабушка Анна знала, как маленькую Аню надо воспитывать, и уж это точно не так, как это делала я. Она бы и из Аньки послушного зомби сотворила... Ой, да что же я все ее ругаю. Человек на краю могилы, а я... Она ведь... отец в лагерях погиб, мать в войну... с десяти лет сирота. Не жила — выживала. Потом работала, работала, работала... Ребенка себе родила. Мать-одиночка. Свет в окне — Петечка. И снова работала. Уже для него. Чего она в жизни хорошего видела? Кроме сына любимого, какие у нее еще радости были... Да не виновата она, не виновата. А кто виноват?.. И что делать? И кто виноват? Два фундаментальных вопроса русской литературы... русской жизни, русской души. *(Усмехается.)* Я когда в институт поступала, сочинение как раз на эту тему писала — Чернышевский, Герцен... Так я была уверена, что вопросы эти литературно-исторические, так сказать, явление культурологии. А оказалось-то, что во-

просы про меня, про Петю моего, про Аньку. Про нашу жизнь... Вот оно как вышло. И ведь так хочется взять и ответить на эти вопросы, ну хотя бы один раз. В одной конкретной ситуации. Не надо за всех и за всю жизнь сразу думать. А вот за сейчас... и за себя... Кто виноват? Да я виновата. Я! Потому что столько лет терпела то, что мне не нравилось! Терпела и улыбалась. Думала одно, а говорила — другое. На первый вопрос ответ найден. Остался второй — что делать?

Достает сигарету, мнет в пальцах. Щелкает зажигалкой, но не прикуривает. Набирает номер телефона.

Андрей Иванович, это Липкина Галя, ну да, Галина Аркадьевна. Андрей Иванович, я сегодня в институт не приду. У меня све-кровь при смерти, мне надо срочно быть у нее... Примете экзамен без меня... Я знаю, что сегодня решается вопрос о моем назначении, но сейчас не могу.

Отключается, набирает другой номер.

Петя, как мама? Нет, я еще не в институте и в церковь не ходила. Я сейчас приеду. Мне надо попросить у нее прощения... За что?.. *(Пауза.)* За то, что я никогда не желала ей здравствовать. Я ненавидела ее... Петя! Не перебивай! Да, я ненавидела ее изо всех сил. Я должна успеть попросить у нее прощения.

Отключает телефон, решительно выходит.

День третий. Среда. *Рита.*

Звонит будильник. Женщина спит. На кровати, на стуле или вообще стоя в зависимости от стиля спектакля. На первый звонок будильника не реагирует. Снова звонит будильник. Она говорит, не открывая глаз.

На зарядку... на зарядку... на зарядку, на зарядку становись!

Засыпает. Снова звонит будильник.

Да слышу я, слышу... Заткнись!.. Нет, сам он не заткнется. Надо протянуть руку и отключить.

Не открывая глаз, шарит по тумбочке рядом с кроватью. Мобильник с будильником лежит чуть в стороне, она не находит его на ощупь.

Придется открыть глаза. Сейчас, на счет три. Раз... Два... Два с половиной... два и три четверти...

Снова звонит будильник. Она вскакивает.

Да чтоб тебя!

Привычным жестом собирает волосы в пучок. Начинает активно делать зарядку.

Среда. До выходных осталось два дня. Не считая сегодняшнего. Есть повод радоваться. Марго! Все хорошо! Жизнь продолжается... На зарядку... *(Активная зарядка становится вялой и сходит на нет.)* На зарядку, Ритка! Просыпайся, сукина дочь, опять на работу опоздаешь! *(Снова пытается делать зарядку.)* Все нормально, встаю по будильнику, иду на работу... Ха! Это так называется «иду». Ха-ха-ха. Если бы «иду»! Сначала еду в переполненном автобусе. Где нет места ни для сидения, ни для стояния, а только для втискивания! Потом в еще более переполненном метро, где уже и для втискивания места тоже нет... А только для сжимания и спрессовывания! Но как-то все же утрамбовались. Едем. Про пересадку лучше и вспоминать не буду. Это сцена из кошмарного сна. Зато вот последнюю часть пути — от метро до офиса, тут я — иду. Точнее, бегу! Потому что обязательно опаздываю. Вот как бы заранее я не вышла, все равно опаздываю. Но сегодня я должна прийти во время! Сегодня... О...

Неожиданно хватается за спину. Замирает посреди физкультурного упражнения в нелепой позе.

Тихо, тихо, тихо... Ничего, ничего, ничего... Сейчас отпустит... Сейчас.

Пытается разогнуться и выпрямиться. Не получается.

Ничего, ничего, ничего... Главное — спокойствие.

В скрюченном положении доходит до кровати, присаживается. Набирает телефонный номер.

Олька, это я. У меня тут мини-ЧП. Спину опять прихватило. Ну да, как весной, да... Забегги, сделай укол. Что?.. Где? В Египте? А что ты там делаешь? Ах, ну да — пирамиды... А кто же мне укол сделает?.. Мазь? Ладно, попробую. Спасибо. Привет пирамидам.

Отключается. Пытается дойти до аптечки. Стонет. Садится обратно.

И как назло, никого не позовешь. У всех отпуска, все на дачах, в Египтах. Понятное дело, лето. А мне начальство сказал: «В прошлом году летом гуляла — в этом другие хотят». Вальке тоже так сказали, так она сразу уволилась. Ей хорошо, она на квартиру живет. В смысле одну квартиру сдает, а в другой живет. Вот повезло же дуре, две квартиры! Да я бы на ее месте вообще не работала!

Делает из стула подобие костыля и медленно передвигается в сторону аптечки.

Сиди теперь все лето в городе из-за этой работы треклятой. Правда, летом в метро народу поменьше. На взгляд это не особо заметно, а вот по уровню сжатия на единицу внутривагонной площади... Точно меньше! Зато в автобусе... у-у-у... Если в жару, да в пробке... Так! Стоп! А на работу-то я как теперь?.. Надо позвонить предупредить. И врача вызвать. Больничный выписать...

Оглядывается в сторону телефона, она уже отошла прилично и находится как раз посередине между аптечкой и телефоном.

Рита! Ну-ка быстро успокоиться и сосредоточиться! Ты чего так распсиховалась? Подумаешь, спину прихватило. В первый

раз что ли? Нет, не в первый, а во второй. Уже не страшно. Подумаешь, спина... Радикулит — примета зрелости. И вообще... Вообще есть классный повод не ходить на работу!!! Да? Ура. Ура. Ура. Но сначала — мазь!

Направляется все же к аптечке.

Сейчас сделаю себе обезболивание. Потом позвоню на работу, потом в поликлинику. Вызову врача и лягу. Лягу!!! Еще часок посплю. А потом буду читать. Да! Лежать и читать! Вот оно, счастье!

Дотягивается до аптечки, ищет нужную мазь.

Буду читать что-нибудь бессмысленное и простое. Для терапевтического эффекта. Вот она...

Находит нужную мазь.

Вот она.

Заглядывает себе через плечо на больную поясницу.

Лежа было бы удобнее, но до кровати я еще полчаса идти буду.

Устраивается в экстравагантную позу, облачаясь на стул, пытается намазать себе поясницу.

Ничего, ничего, ничего... Сейчас подействует. Зато весь день дома! Ни автобуса, ни метро, ни любимых коллег по работе... Ой, а она же не сказала, сколько мазать надо, может, весь тюбик? Или как? На всякий случай надо побольше.

Прислушивается к ощущениям в спине. Осторожно двигает тазом, пытаюсь понять, стало легче или еще нет, неожиданно смеется.

Если бы сейчас сюда вошел мужчина... Могу себе представить, что бы он подумал!

Двигает тазом, хохочет. Резко прекращает смеяться.

Да ничего бы он не подумал. Нужна ему старая колоша!? Ну, не старая. Нет, еще не старая. Колоша среднего возраста. Они и на молодых сейчас не смотрят. Все, что им нужно, у них в компьютере. Ладно, надо отправляться в обратный путь — к телефону. А то зараза, Елена Валерьевна, опять начнет считать секунды моего опоздания и строчить докладную. А сегодня я лишу ее этого удовольствия.

Используя все тот же стул-костыль, пускается в обратный путь, теперь, приноровившись, двигается уже побыстрее.

Эта стерва, прости Господи, спит и видит, чтобы кого-то премии лишили, или хотя бы выговор,.. чтобы кому-то было хуже, чем ей. Ей от этого хорошо. Современная форма садизма — офисная.

Дотягивается до телефона, набирает номер.

Ее вся фирма ненавидит. Вся! Но она лучшая подруга жены шефа. А жена шефа — это святое.

В телефон елеиным голосом.

Але... Еленочка Валерьевна, это Рита. Доброе утро. Миленькая Еленочка Валерьевна, будьте так любезны, сообщите шефу, что у меня приступ радикулита... умираю. Да. Совсем умираю. Ни встать, ни сесть, ни разогнуться. Врача жду. Да, да, да... Спасибо за сочувствие. Да-а-а, ну, конечно, всего доброго. Всем привет, удачного рабочего дня.

Отключается, начинает от радости пританцовывать и напевать.

Я сегодня на работу не иду. Я сегодня не иду на работу! Не иду сегодня на работу я! На работу, на работу... ой, не иду, да не иду-у-у! Не иду-у-у-у... Ой, что это?

Свободно и легко двигает нижней частью туловища, выпрямляется.

Не болит? Не болит... то есть, как это не болит?... Отпустило, что ли? Или мазь подействовала... так сразу... Да не может быть... Зачем же так... И что же мне теперь делать? На работу, что ли, идти? А как же... лежать и читать?..

Чуть не плачет.

Так, спокойно. Тише, тише, тише. Спокойно. Если один раз прихватило, может и второй прихватить. Может-может. А если мазь, так точно опять прихватит, мазь-то временно действует. А если на улице прихватит... Нет уж, умерла, так умерла. Звоню в поликлинику, вызываю врача и в постель — болеть и читать, читать и болеть!

Энергично хватает телефон, запрыгивает в кровать, набирает номер.

День четвертый. Четверг. *Вика.*

Женщина стоит у окна, внимательно смотрит на улицу. Затем резко задерживает плотную штору.

Раньше мы жили на втором этаже. В окно лезли ветки деревьев, за ними собачья дорожка, там собачники выгуливали своих любимцев, потом забор детского садика и снова деревья. А сейчас... *(Снова смотрит на улицу, теперь через щель между шторами.)*... Сейчас с двадцать второго этажа я вижу много-много-много домов, крыши, окна, подъезды, магазины, машины, пешеходы... И везде — люди. Люди-люди-люди... Господи! Как же нас тут много! А каждый человек — это мысли, проблемы, мечты, болезни, зависть, ненависть... Вокруг каждого человека всего этого столько! И таких людей в одном доме столько! А домов во все стороны, куда ни глянь, до горизонта и дальше...

Когда я жила на втором этаже, я об этом не думала. А сейчас я ни о чем другом думать не могу. *(Достает пузырек с таблетками.)* Я мужа бедного просто измучила, он мне вот лекарство купил... от психоза. И уехал в отпуск. А я тут сама с собой разговариваю. А что? Если я такие вот лекарства должна

пить, то имею право говорить хоть с господом Богом, хоть с инопланетянами, хоть с китайским императором. Вот. *(Читает инструкцию.)* Шизофрения, паранойя... Весело. Но я эти таблетки выбрасываю, что я, больная, что ли, эту гадость пить? А если про людей все-время думаю, которых много... Так ведь их и вправду много, слишком много... На единицу объема пространства... и у каждого судьба, вещие сны там, предчувствия, внутренний мир... Космос. И каждую секунду еще кто-то рождается. Вот пока я инструкцию к лекарству читала, несколько человек наверняка где-то родилось. Да что где-то. *(Бежит к окну.)* Вон, вон угол виден — роддом. А вон там *(смотрит в другом направлении)* больница и морг. В одно и то же время несколько человек вон там рождается. А вон там умирает. А я читаю про побочные явления лечения лекарством от шизофрении. А кругом — дома, дома, дома, люди, люди, люди... И удивительно, что при таком количестве людей, когда едешь в метро, обязательно знакомых встречаешь! Причем, именно тех, кого бы глаза не видели... Но в метро я теперь не езжу! Уволилась. По состоянию здоровья. И вообще я теперь на улицу не выхожу. Продукты и все необходимое по Интернету заказываю, воздухом через форточку дышу. Зачем выходить на улицу? Ну, зачем? Чтобы там, среди толпы, почувствовать себя каплей в море, песчинкой в пустыне, соломинкой в стоге сена, почувствовать себя ничем, пустотой? Ну, уж нет, спасибо, не хочу. Я когда в окно на всех смотрю, то я — это я, а все остальные — они, там... Хоть иллюзия, что я что-то значу. «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться ...» Я в молодости в театры любила ходить. Тогда раньше, в зале зрители... они смеялись вместе или плакали, смотря что показывают, и вот уже все, кто в зале, мне будто друзья, мы же один спектакль смотрим... А потом... то ли спектакли стали другие, то ли зрители, но и в театре — тоже толпа. Людей много, а ты — один. Я даже термин где-то умный слышала... Нет, не вспомню. Я его даже записала где-то. *(Роется в бумажках на столе.)* Вот — «безличная анонимность». Просто диагноз болезни. Типа «почечная недостаточность», надо же — безличная анонимность... Я и в метро поэтому ездить не могу. И на концерты. И в большие магазины. И в окошко смотреть страшно, у меня есть — вот...

Раздвигает жалюзи на стене. Там большая фотография, деревянная рама крестом. Дальше деревья, дорожка, забор.

Да, да. Это вид из моего окна на втором этаже. С этим видом я жила с детства, и других мне уже не надо. Наш старый дом сломали. Хрущоба. Понятно, кухня пять метров, в коридорчике вдвоем не разойдешься, теснота невероятная. Но... летом у подъезда дедулька один на аккордеоне играл. К нему со всей улицы бабульки на музыку сходились. Будто и не в городе вовсе, а слободка какая... Когда переезжали, радовались — в хоромы едем, нам завидовали — повезло. А я там будто жизнь оставила... Тополь мой под окном, я с ним каждое утро здоровалась... Бомжи знакомые, я им вещи отдавала старые, посуду... Собак опять-таки по кличкам знала. Они своих хозяев по часам выгуливают... А здесь... Крыши, крыши, крыши... Дома, дома, дома... Муравейник. Безличная анонимность... *(Открывает коробочку с лекарствами, высыпает часть таблеток на стол.)* Я же их вчера выбросила, а они опять здесь. Или я их только хотела выбросить? *(Наливает стакан воды, собирается выпить лекарство.)* Ну, зачем я буду это пить? Разве я больная? Я понимаю, кто я, где я, осознаю все свои... недостатки. Меня пугает огромный город за окном. Но разве это — болезнь? Любой человек испугается, если вдруг задумается. Просто люди научились жить, не думая. И я раньше умела. Только вдруг разучилась. Наверное, все же это болезнь.

Высыпает еще таблетки из коробочки, собирается выпить, передумывает. Набирает номер телефона, говорит деланным голосом.

Виктор Николаич, наконец-то я дозвонилась до вас. Кто говорит? Виктория. Прекрасная незнакомка. Виктор и Виктория — должно быть, это судьба. *(Своим голосом.)* Да расслабься, Витюш. Я это, Вика — жена твоя законная, в Москве оставленная... Да шучу я, ничего не случилось, просто контрольный звонок, чтобы ты был уверен, что у меня все хорошо. Да... Ну, обычно ты звонишь, а тут я, не дождалась... Таблетки выпила... Ладно, больше не буду. Загорай. Купайся. Развлекайся... И я тебя целую.

Пауза.

Разумеется, у него кто-то есть, ну не один же он там развлекается. Я, в принципе, даже знаю, кто. В его возрасте просто неприлично не иметь любовницу. Особенно, если жена не первой молодости. Да я не ревную, правда, не ревную. Да вообще об этом не думаю. Вот о том, что людей много, думаю. Особенно в Китае проблема перенаселенности, ограничение рождаемости... Вот о том, сколько китайцев на земле, думаю. А о том, сколько любовниц у мужа, и что он с ними делает — не думаю.

Прибавляет к таблеткам на столе еще, пересчитывает общее количество.

Когда я была маленькой, у нас все мальчишки в классе хотели быть космонавтами. Люди вообще тогда как-то всерьез собирались летать к звездам, Луну осваивать, потом Марс... Сейчас не собираются. Да и правильно, чего там, в космосе делать? Тут бы с Землей разобраться. Хотя сейчас в целом все-таки лучше. Точно лучше... чем при Иване Грозном. Теперь на кол не сажают. Это ведь уму непостижимо — живого человека насквозь... Да еще так аккуратненько, чтобы сердце не задеть, чтобы он не умер сразу, а все чувствовал и мучился... Я читала, что плюс ко всему этому кошмару еще и близких его заставляли на это смотреть... И если это... любимый... муж, отец или сын... Ой... *(Высыпает все оставшиеся таблетки, сгребает их в горсть.)* А женщин на кол, кажется, не сажали. Им глаза выкалывали... У-у... Вот зачем? Зачем, зачем, зачем я про все это думаю? Как с этим жить?.. А еще — инквизиция, пытки, гестапо... Как, зная про все это, думать про любовниц мужа? Это же такая мелочь... А может, на этом самом месте, где наш дом стоит, был какой-нибудь пыточный сарай,.. а я тут, на этом самом месте, буду из-за мужа переживать? Ха! Да у нас вообще фантазии не хватит, чтобы представить, что чувствует человек, которого сажают на кол. И хорошо, хорошо, хорошо, что не хватит. Иначе бы всем пришлось вот эти таблетки пить. Всю жизнь.

Пересыпает таблетки из руки в руку. Играет ими, как бусинами.

Он каждый день звонит и спрашивает, выпила ли я лекарство. Раньше, когда у него не было этих любовниц, я и про Ивана Грозного не думала, и про увеличение рождаемости в Китае,.. а потом дети выросли и разъехались,.. у мужа началась активная личная жизнь... А я... Я стала чувствовать, как гудит воздух от трения человеческих мыслей, я стала переживать за умерших много лет назад... Короче, я... сошла с ума.

Неожиданно берет в рот всю горсть таблеток. Какое-то время держит их во рту, потом убегает. Слышен шум воды. Возвращается с полотенцем.

Нет, нет. Не буду я их пить! Не дождетесь! Не буду. Во всяком случае, не сегодня. Как бы он обрадовался, если бы я это сделала. Как бы он был мне благодарен. Я ведь понимаю, что мешаю ему. Я его не держу, но разводиться ему по статусу не положено... Вот если бы несчастный случай... вдовец — это так трогательно, так романтично. И престиж сохранен, и руки развязаны. Я просто обязана ему помочь.

Достает еще одну, новую упаковку лекарства, подходит к окну. Смотрит через щель в шторе вниз.

Когда люди такие крошечные, то кажется, что убивать их просто. Одного человека в упор — трудно. А кучу, вон хоть ту, у маршрутки... да плевать дело. И это всего 22-й этаж. А Бог — он же еще выше. Как он нас оттуда, с такой высоты, любить умудряется?

Высыпает на стол таблетки из новой упаковки. Неожиданно замирает, от пришедшей мысли.

А что если я ему нужна? Не Богу, разумеется, а мужу?! Как только я умру, его любовницы между собой начнут ссориться. Каждая захочет стать женой. И как ему неловко будет выбирать. И как ему потом заводить новых любовниц при молодой жене?

А он уже привык... Ой-е-ей... А пока есть я, у него этих проблем нет. Значит, я ему нужна! *(Сметает решительным жестом все таблетки со стола на пол.)* Я ему полезна. А полезность гораздо надежнее любви. *(Энергично раскрывает шторы на окне, закрывает жалюзи на стене.)* Но если я ему нужна, то зачем он столько лекарств накопил?

Из разных мест в квартире достает упаковки все того же лекарства, ставит их на стол. Что-то распаковывает, высыпает, что-то оставляет в коробочках.

Сколько я их уже выбросила. А они на каждом шагу... Он, наверное, все аптеки скупил... Но я не буду их пить! Не буду! Не буду!.. Во всяком случае, не сегодня...

Уходит.

День пятый. Пятница. Зухра.

Она нежится в постели (что бы ее ни обозначало: кровать, стул, ширма или определенное место на сцене), немного помурлыкав от удовольствия, кричит вглубь квартиры.

Милый! Где мой кофе? Уже утро! Ау! Где мой утренний кофе в постель? Твоя девочка хочет кофе! А-у-у... А в ответ тишина. Что бы это значило? Ой, сегодня же пятница! Он на рыбалке... Рыбалка — это святое. Кофе в постель отменяется, придется идти самой на кухню и варить себе кофе. Ужас! И так почти каждую неделю по пятницам. Маринка придет не раньше двенадцати, сварит обед, уберется и слиняет... Пятница. Значит, вечером придется еще и самой посудомоечную машину запускать. Ужас. *(Рассматривает маникюр.)* Даже не верится, что когда-то я все это делала сама. И не только это... Так, очередная порция к будущим мемуарам. *(Включает диктофон, стоящий на прикроватной тумбочке.)* Мой муж украл меня из родительского дома. Но вовсе не потому, что у меня восточные корни, то есть, в каждом у нас есть хоть капля татарина, но я не об этом. Просто, когда мой будущий муж узнал, что меня зовут

Зухра, он решил, что он меня украдет. Ну, в смысле это романтично. А родители решили, что мне вообще рано замуж. И получилось, что мы только хотели разыграть кражу, а пришлось красть по-настоящему. Ну, потом нас, разумеется, простили. Особенно, когда мой драгоценный супруг вдруг разбогател... *(Смеется.)* Тут вдруг оказалось, что мои родители сами ему помогли меня красть. В нашей стране непредсказуемое прошлое даже на уровне отдельной семьи.

Лениво встает с кровати, надевает очень красивый, явно дорогой халат, смотрит в окно.

С добрым утром, любимый город. Без утреннего кофе я люблю тебя чуть меньше. Но ты меня любишь как всегда, потому что я этого достойна. Тьфу... Надо прекратить так много смотреть телевизор. Эти рекламные слоганы просто замешают нормальную речь... Хотя... с другой стороны, что в этом плохого? Рекламные слоганы сочиняют профессиональные писатели, то есть, это вполне литературный язык. Да! Значит, я достойна всего, что у меня есть и что еще будет. А все, что будет — будет еще лучше, чем есть! *(Прислушивается к тому, что только что сказала.)* Звучит по-дурацки, но зато позитивная установка на весь день. Надо записать! *(Пододвигает к себе диктофон, повторяет фразу.)* Я достойна всего, что у меня есть и всего, что еще будет. А все, что будет — будет еще лучше, чем есть.

Напевая, уходит на кухню, оттуда слышен ее голос.

Все будет хорошо,
К чему такие спешки.
Все будет хорошо,
И в дамки выйдут пешки.
И будет шум и гам,
И будут сны к деньгам,
И дождички пройдут по четвергам.

На кухне что-то с грохотом падает.

Черт... ну, и ладно. Могу выпить растворимый.

Песня звучит снова, но уже не так оптимистично. Она возвращает-ся в комнату с чашкой кофе.

Так, какие у меня на сегодня планы?

Включает диктофон на воспроизведение. Слышен ее голос в записи.

Г о л о с н а д и к т о ф о н е . Спокойно ночи, милая Зухра. Сладких тебе снов, дорогая. Не забудь, что завтра у тебя: по пробуждении — несколько слов к мемуарам...

З у х р а . Это можно уже вычеркнуть.

Г о л о с н а д и к т о ф о н е . В 11.30 — пятнадцатая серия твоего любимого сериала, в 14.00 — бассейн и тренажерный зал, 16.40 — косметолог, а вечером ты приглашена на концерт...

З у х р а . И кто же это меня пригласил?

Г о л о с н а д и к т о ф о н еТебя пригласила твоя золовка Люся...

Она резко выключает диктофон.

Не могла соврать, что импозантный мужчина неизвестного происхождения. Не могла с вечера записать что-нибудь, что бы порадовало с утра... Нет, я все пишу честно. Правду, правду, и ничего, кроме правды... (*Ерничая.*) «Как учит коммунистическая партия, как завещал великий Ленин». Обрывки старых лозунгов смешались в голове с новыми рекламными слоганами... Клиповое сознание на фоне исторического эклектизма. Но главное, что я правильная и хорошая. А раз я такая хорошая, значит, я достойна хорошей жизни!

Некоторое время пьет свой кофе молча.

Растворимый кофе — такая гадость. И как его люди пьют.

Пьет дальше.

Гадость. Да. Абсолютно. Однозначно. Так, а что я сегодня

надену на концерт?

Достает из шкафа наряды на вешалке, крутится перед зеркалом, прикладывает наряды к себе.

Это совсем вышло из моды. А это стало мало, но... Надо срочно худеть. А это почему-то велико, надо толстеть. Но похудеть и потолстеть одновременно... Результат будет не слишком заметен. Придется и то, и другое отдать Маринке. А вот это... это очень хорошо, очень. Жаль только, что надевала это в прошлый раз. Ну, разве можно два раза подряд приходить в одном платье?! И говорить не о чем. Конечно, нельзя. Это даже не обсуждается. Что же делать? А вот это, ну-ка, ну-ка... Нет, это утренний цвет. Если бы концерт был днем, тогда другое дело. А для вечера не подходит... А вот это было бы замечательно, если бы я шла с мужчиной! М-да... Но я иду с женщиной. Просто нечего надеть... О, вот... Вот то, что мне сегодня надо!

Прикладывает к себе наряд, удовлетворенно разглядывает себя в зеркало, вдруг мрачнеет, разглядывает предельно внимательно, затем в ужасе.

Что? Пятно? Откуда? Не может быть!.. Да, пятно. Маринка! Надевала без разрешения! Вычту из зарплаты! И никаких подарков! Да вообще уволю. Подумаешь, вкусно готовит... Надо же... пятно... а может, это я сама, и Маринка ни при чем? Когда я надевала это в последний раз?.. На старый Новый Год, кажется, в позапрошлом году... Все равно Маринка виновата, как она допустила, что бы у меня в шкафу висело платье с пятном!

Тычет в пятно пальцем и не может его найти.

Нет, не здесь... или... Или — вот... ну и что, что оно не сильно заметно, я же его где-то здесь видела, сейчас найду, сейчас-сейчас...

Надевает очки, разглядывает платье, задевает чашку с остатками кофе, жидкость выливается на платье.

Вот! Вот пятно! Я же говорила! Совершенно не в чем идти. Придется позвонить Люсе и отказаться. Ведь пятно на платье —

это очень уважительная причина!

Включает диктофон на запись.

Милая Зухра! Добрый день! Не забудь позвонить Люсе отказать от концерта. Затем надо сделать втык Маринке за... за все. И еще надо съездить купить новое платье для будущих концертов. Пока все. Я тебя обожаю. Ты — чудо!

Переключает диктофон на воспроизведение. Тот же текст звучит в записи. Она слушает его с удовлетворением.

Хорошо. Так. Ладно. На концерт я не иду. Это решено. А в чем я буду смотреть любимый сериал? (*Разглядывает себя в зеркало.*) Что-то мне сегодня лень... Может, артисты не обидятся, если я их сегодня, ну только один раз в виде исключения, посмотрю прямо в этом халате? А?.. В конце концов, они же в телевизоре и по большому счету, им без разницы, в чем я их смотрю. (*Хихикает.*) Да хоть голая!.. Ой! А что если попробовать! Вот сяду перед телевизором голая и буду смотреть. И он оттуда, с экрана, этот симпатяга с бородкой, зырк глазами, крупный план... А я тут голая. О-о-о... Ой, даже в пот бросило...А Маринка придет обед готовить, а я ей не открою, а я с мужчиной. А вот если бы еще этот с бородкой на крупном плане в этот момент сказал: «Любимая! Единственная! Свет моих очей!» Вот только не надо мне напоминать, что это он своей дур-р-ре молоденькой грудастой говорит. Я ее совсем не замечая, она там где-то за кадром и плевать на нее. Мне он это говорит. Мне! А если муж с рыбалки вернется...

Хихикает, потом вдруг становится очень серьезной, убирает все наряды в шкаф, пытается допить остатки кофе, хотя чашка уже пуста. Включает, выключает диктофон.

А не вернется он... с рыбалки. То есть, вернется, но не ко мне. Он ушел. Неделью назад. К другой женщине. Оставил мне роскошную квартиру, домработницу, денег... Достоин ушел. Я не только ненавижу, я даже обидеться на него не могу. Не за что. Он не бросил меня. А именно — ушел.

Сдерживает подступающие к глазам слезы, снова нажимает на кнопки диктофона. Говорит очень бодрым голосом.

Дорогая Зухра! Не забудь выпить свое лекарство! Проснись и пей! Завтра будет лучше, чем вчера! Ты этого достойна!

Включает воспроизведение, прослушивает запись.

...Завтра будет лучше, чем вчера!..

Пауза.

Он очень ребенка хотел... а я... Что-то у меня там... Я лечилась очень долго. У него по всем анализам все в порядке, а у меня... Даже в пробирке, чтобы потом суррогатная мать выносила, не получилось. А приемного он не хотел. Да, он правильно сделал, что ушел. Я его очень понимаю...

Снова включает диктофон на воспроизведение, слышен ее бодрый голос.

Завтра будет лучше, чем вчера! Ты этого достойна!

Пауза.

Пошла смотреть сериал.

Уходит.

День шестой. Суббота. Юля.

Она делает замысловатые физические упражнения, напоминающие что-то из йоги. Сосредоточенно, медитативно.

Время отступает. Вдох. Отступает время. Выдох. Я молодею. Вдох. Молодею я. Выдох. Я все моложе и моложе! Вдох — выдох. Задержка дыхания. Вдох — выдох.

Делает несколько энергичных активных упражнений и снова

переходит в плавный ритм смены поз.

Мне наплевать на мой возраст. Тьфу. Тьфу. Тьфу. Вдох. И ему нет до меня никакого дела. Выдох. Мы расходимся в разные стороны. Вдох. Задержка. Выдох. Ему налево. Мне направо. Или лучше мне налево? Ой, устала. Малюсенький перерывчик, совсем крохотный.

Валится на стул. Отдыхивается. Берет зеркало, рассматривает себя.

Душка! Милашка! Красавица! *(Пауза.)* Глаза б мои на тебя не смотрели...

Наносит на лицо густой слой крема. Затем набирает номер телефона.

Дарья?.. Ну, что он?.. Да Юлия это говорит, не томи... Богатой буду. Спасибо, только сейчас меня другое волнует. Чего заикаешься? Что он сказал?.. Ну, говори уж. Истерики не будет, в обморок не упаду... Да сижу уже, падать некуда. Говори... *(Пауза.)* Что, так и сказал? *(Пауза.)* Здесь я, все в порядке... Ты правильно сделала, что передала, спасибо тебе... Не переживай. Я на самом деле другого и не ожидала... Пока.

Отключает телефон, некоторое время сидит абсолютно неподвижно. Будто даже забыла дышать. Затем первой попавшейся под руку тряпкой стирает крем с лица. Снова сидит статуей. Медленно начинает оживать.

Быть смешной и жалкой в мои планы не входило.

Начинает ритмично глубоко дышать.

Раз. Два. Три. Задержка. Два. Три, выдох, два, три... Не помогает. У нас в школе была училка – русичка. Старая дева. Она влюбилась в физрука. Здоровенный такой лось, молодой, только что из института. Вся школа над ней смеялась: и ученики, и учителя. А ей тогда лет было куда меньше, чем мне теперь. А учителю физкультуры почти столько, сколько... Какая же я молодец, что я эту проверку придумала устроить. Дашка не врет,

чего ей врать, смысла нет, и трепаться не будет, может, удастся скрыть... Хотя... Все уже догадываются... Да и как тут что скрывать? Когда я его только вижу, голова кружится, ноги подкашиваются. Но догадываться – не значит знать. Доказательств нет. Серьезных глупостей я еще не успела натворить. Не успела?.. Вроде нет... А так хочется. Пусть бы все смеялись, пусть, наплевать. Только бы он... А вот оказывается, ему первому и смешно.

Убирает подальше зеркало, косметику. Ставит музыкальный диск. Звучит музыка, популярная лет двадцать назад.

Под эту музыку я свои первые романы крутила. А он – первые шаги делал. Смешно. Но ведь зачем-то посылается человеку это безумие? Зачем? Испытание? Наказание? Когда со мной впервые такое случилось, думала, с ума сойду. Но тогда это было не смешно, а красиво. Его звали Роман, Ромео. А Юлия – Джулия – Джульетта. Ромео и Джульетта. Мы чуть не поженились... в 16 лет. А потом его родители переехали в Ленинград, ну и он с ними. И как-то – рассосалось. Хотя мы долго переписывались, и он даже приезжал на каникулы.

Вторая любовь была безответной и еще сильнее первой. Ну, естественно, безответная же. Четыре года я жила, как во сне, писала стихи, страдала бессонницей. Думала, что больше уже никогда... А потом встретила своего первого мужа. Будущего первого мужа... Тогда, конечно же, единственного. И так всегда! Кажется, что все, что было раньше, все не то, все слабее. А после быть уже ничего не может, только вот это – настоящее – единственное и самое-самое-самое!.. Даже сейчас, когда я уже столько раз через это проходила, я снова чувствую именно так.... Бесы? Ну, как же бесы? Я когда влюблена, весь мир другим вижу – лучше, добрее; и всем помогать хочется, и сил откуда-то столько!.. Кажется, горы свернуть могу... А когда-то давно, когда к мальчикам я была еще равнодушна, я так же сильно героев книг любила, и фильмов. Штирлица больше всех. И Айвенго. Но Штирлица все же сильнее.

А что если я сейчас ему позвоню? Я вчера создала кучу предложений!

Ставит видео, где на записи банкет или вечеринка, шум веселящихся людей. Набирает номер.

Алло... Алло-о... Плохо слышно, здесь шумно... Это Юля, ну Юлия Алексеевна. Я тут в одной компании, у них тут много записей старых фильмов. Ты про какой фильм вчера спрашивал, напомни, я спрошу здесь... *(Кричит в сторону видео.)* Да тише вы там, не слышно же...

Пытается сделать тише. Но путает кнопки и делает сначала громче. Потом совсем тихо и, наконец, добивается уровня естественного фонового шума.

Что? Голос шефа?.. Да нет, показалось. Я совсем в другой компании... Ну, ладно, если вспомнишь, позвони. Пока.

Отключается. Пауза.

Глупо. Конечно, глупо. Можно подумать, он не догадался, почему я звоню. Ну, и ладно. Зато мне, вроде, чуть легче стало... Или, наоборот, тяжелее.... но звонить больше не буду. Во всяком случае, в ближайший час.

Относит телефон в дальний от кресла угол, затем забирается на сидение с ногами. Сжимается калачиком. Становится похожей на маленькую девочку. Запись видео кончается. В наступившей тишине слышно, как она стонет.

У-у-у-у... Господи! Помоги справиться с этим! Помоги! У-у-у-у... Люблю, лю-у-у-у-ублю-у-у этого мальчишку... как никого и никогда еще не любила... Что же делать-то... А-а-а-а... Не могу-у-у-у... *(Кричит вверх.)* Люблю! Да-а! Лю-блю!

Срывается с места, подбегает к телефону, хочет его схватить, замирает, бьет себя по рукам. Возвращается обратно. Пауза.

Я не люблю цветы. Когда их дарят, они такие красивые... несколько дней в вазе. А потом... такие жалкие, и их надо выбра-

сывать. Я не могу видеть увядшие цветы в мусорной корзине. Не могу! И еще не могу видеть детские башмачки на улице в контейнере с мусором, или кукол с оторванными руками, особенно, если на снегу. Зачем я все это говорю. Зачем я вообще говорю сама с собой?.. Да чтобы не думать о нем и не звонить. Надо начать читать какой-нибудь детектив. Точно, детектив – это выход. Главное, не смотреть на телефон, не думать, не звонить. Не позвонить и не наделать глупостей. Не наделать, не наделать... делать, делать. Делать... А может, это единственное, чего ради вообще стоит жить! Делать глупости из-за любви. Ведь если хорошенько вдуматься, то все подвиги с точки зрения здравого смысла – глупость. Но – совершенная ради любви – к родине, к семье, природе, женщине – глупость вдруг становится подвигом. *(Смеется.)* «...Не ради славы. Ради жизни на земле...» О! Я еще могу смеяться. Это – хороший симптом. А вдруг это я УЖЕ могу смеяться. В смысле, что ничего другого мне уже не осталось. Тогда это скорее грустно, чем весело. Тогда... Что тогда? Надо срочно дойти до метро и купить детектив. Все. Решено.

Собирается, проверяет деньги, другие дамские мелочи в сумочке.

Иду до метро и обратно. Зачем мне все это? Помада, тушь, тени, крем для рук, карандаш, блокнот, салфетки, календарик, записная книжка... Конфета, еще одна конфета... шоколадная... Духи, проездной, два проездных, новый и старый... А какой из них старый? Шпильки, лак для волос, расческа, пилочка для ногтей... Открытка с 8 марта, паспорт, удостоверение... Какая-то квитанция... Чехол от мобильного, пуговица... *(Пауза.)* Вот мужчина, собираясь до метро, взял бы кошелек и ключи. Ну, еще телефон. Так, стоп. О телефоне ни слова. Я о другом. А о чем? О том, что ни одна женщина не выйдет на улицу, даже до метро и обратно, без сумочки с кучей ненужных вещей. Почему? Вопрос. Потому что – а вдруг... Мало ли, какое приключение может ждать по дороге к метро! Так. Все. Пошла. Без телефона!

Направляется к выходу. Звонит телефон. Она бросается к нему. Замирает над ним.

Нельзя. Нельзя. Нельзя. Нельзя.

Звонит телефон.

День седьмой. Последний. *Женщина без имени.*

Она сидит за компьютером, энергично стучит по клавишам. Тянется за сигаретой, пачка пуста. Отбрасывает ее. Работает дальше. Встает, что-то ищет, не находит, работает дальше. Звонит телефон.

Да... Нет! Еще нет, не успела. К утру будет готово... Нет, еще не утро, еще есть время, у меня будильник заведен... Будет! А будешь ругаться – не будет... никогда. Да плевать мне на аванс... не нуди. Ну, сказала, успею. Все. Мой метод меня еще не подводил. Да пошел ты...

Отключается. Работает дальше. Звонит телефон.

Ну?.. Твое доброе имя гроша ломаного стоить не будет, если я откажусь на тебя работать, понял? Ищи себе другого негра... Я сказала, к утру все будет готово... Ну и что, что ты не видел даже набросков... А если будешь разговаривать со мной в таком тоне, то не увидишь их никогда. Мало ли, что у нас обычно, а на этот раз иначе. Все! Будешь еще звонить, вырублю телефон.

Отключается. Работает дальше. Звонит телефон. Она не обращает внимания. Телефон замолкает. Через некоторое время и стук по клавиатуре тоже стихает.

А дальше не знаю... Все. Имею право на творческий кризис.

Приносит из кухни напиток «Тан» и почти пустую бутылку водки.

В крайнем случае, отдам без финала, пусть сам дописывает... хе... Он – допишет. Смешно.

Достает из комода парик и очки.

Финал можно оставить и открытым. Почему нет? Шесть женщин, шесть судеб и никаких обобщений. Monday, Tuesday, Wednesday... до субботы. А день седьмой останется за кадром, потому что... Sunday – день тяжелый... в этот день положено думать о душе... А вовсе не работать... Ладно, лирику в сторону. Напрягаю извилины.

Из ящика стола достает мазь от радикулита.

Проще всего предположить, что все героини живут в одном доме, и организовать им случайную встречу... у подъезда... скажем, на общем собрании... Чушь.

Раздвигает на стене жалюзи, скрывающие фотографию за рамой.

А может, придумать маньяка-убийцу, который их всех – чпок... А в следующей серии начнется расследование. И очередные шесть серий у меня в кармане! Ес! Хороший вариант!

Бежит за компьютер.

Только... что-то мне их жалко убивать. Я же каждой из них целые сутки была, сроднилась как-то... Вот их убью, и сама заболею. Оно мне надо?

Из шкафа достает платье с пятном от пролитого кофе.

А может, все они будут связаны с одним мужчиной? Нормальная идея. Одна – его бывшая жена, другая – будущая жена, третья – любовница, четвертая – брошенная любовница, пятая – внебрачная дочь, шестая... сообщница по наркобизнесу! Круто. И вот его... убивают!.. И оказывается, что... Тьфу ты... Какая-то мыльная опера получается. Штамп номер двадцать восемь... или двести восемнадцать.

Звонит телефон.

А я не хочу писать... халтуру. Даже если горят сроки.
Отключает телефон. Включает диск с музыкой, популярной двадцать лет назад.

А что, если написать еще одну коротенькую историю, седьмую. Про женщину, которая придумывает себе разные жизни, потому что просто прожить одну у нее нет сил... Так, так, так, уже теплее... Нет у нее мужества увидеть ту пустоту, которая открывается с любой точки ее обыкновенной, ничем не примечательной, судьбы.

Включает диктофон. Перематывает. Снова включает, звучат фразы Любы, Гали, Риты, Вики, Зухры, Юли.

...Я не могу видеть увядшие цветы в мусорной корзине, детские башмачки в контейнере с мусором и кукол с оторванными руками...

...Обрывки старых лозунгов смешались в голове с новыми рекламными слоганами... Клиповое сознание на фоне исторического эклектизма...

...Когда люди такие крошечные, то кажется, что убивать их просто. Одного человека в упор — трудно. А кучу... да плевое дело...

...Чтобы кому-то было хуже, чем ей. Ей от этого хорошо. Современная форма садизма — офисная...

...Я была уверена, что вопросы эти литературно-исторические, так сказать, явление культурологии. А оказалось, что вопросы про меня...

...Потому как если самой не пить, то крыша едет от картины окружающего мира, который, как известно, объективная реальность и сделать с которым ничего нельзя, кроме как выпить...

Выключает диктофон.

Какая-то чернуха получилась.

Садится к компьютеру.

По-хорошему, надо вообще все переписывать.
Звонит телефон, она с недоумением смотрит на него.

Ты чего? Я же тебя отключила? Совсем что ли... Уй-о... Это же будильник.

Пауза.

Время истекло. Сочинить я ничего уже не успею. Остается написать правду, что эта седьмая женщина пишет про других... Просто их сочиняет, чтобы заработать на хлеб насущный... но тогда... и эта последняя история тоже придуманная. А на самом деле? Что же тогда на самом деле? На «са-мом де-ле»... Что за дело такое — самое? Может оно и есть, только то, что мы себе сочиняем... Как сочинишь, так и заживешь. Каждому по вере его...

Снова включает диктофон, звучат фразы.

...Начинаем неделю со слова «любовь». Хорошее начало недели...

...Я должна успеть попросить у нее прощения...

...Для терапевтического эффекта. Лежать и читать! Вот оно — счастье!..

...А Бог — он еще выше. И он нас оттуда, с такой высоты, любить умудряется!..

...А все, что будет — будет еще лучше, чем есть...

...Мало ли, какое приключение может ждать по дороге к метро...

...Каждому по вере его...

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск №1

МЕРЦАЮЩИЕ ИНОПЛАНЕТАНЦЫ

Подготовка оригинал-макета:
издательская группа «Кружево»

Дизайн Анны Токаренко

Фото на обложке Александра Грушевского

Редактор Всеволод Круж

Концепция серии:
Всеволод Круж
Ольга Грушевская
Мари Веглинская

Составители сборника:
Ольга Грушевская
Мари Веглинская

Подписано в печать 03.03.10. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15. Тираж 100 экз.

Московский Салон Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru